

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Кубанский государственный университет»

На правах рукописи

Федотова Екатерина Евгеньевна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНО-МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ
«МЫСЛИТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ»
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Рядчикова Е.Н.

Краснодар

2017

Оглавление

Введение	4
Глава 1. История и современное состояние изучения взаимосвязи языка и мышления	14
1.1. Изучение взаимосвязи языка и мышления в гуманитарных нелингвистических науках.....	14
1.2. Изучение взаимосвязи языка и мышления в лингвистике.....	27
1.2.1. Разнообразие лингвистических подходов к изучению мышления.....	27
1.2.2. Языковые средства выражения мыслительных операций и их этапов	50
1.2.3. Лингвистическое изучение репрезентации мышления в языке классиков русской литературы.....	55
Выводы к главе 1	62
Глава 2. Лингвоспецифические и лингвопрагматические аспекты когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность», представленной в произведениях Ф.М. Достоевского	65
2.1. Особенности языка и стиля Ф.М. Достоевского сквозь призму лингвопрагматики, лингвокогнитивистики и лингвоаксиологии.....	65
2.2. Лингвопрагматический аспект репрезентации сложности и противоречивости мышления в произведениях Ф.М. Достоевского.....	75
2.3. Реализация ценностно-оценочных приоритетов Ф.М. Достоевского в когнитивно-ментальной сфере «мыслительная активность».....	88
2.4. Лингвокогнитивный аспект языкового выражения рефлексии Ф.М. Достоевским.....	107
Выводы к главе 2	123
Глава 3. Особенности, модели и классификации семантических значений репрезентантов когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского	130

3.1. Мыслительные процессы, выраженные глаголами ментального действия.....	130
3.2. Когнитивно-семантические модели (цепочки) этапов мыслительного процесса.....	147
Выводы к главе 3.....	172
Заключение.....	177
Список литературы.....	188

Введение

Данная работа посвящена изучению особенностей репрезентации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в языке произведений Ф.М. Достоевского.

Актуальность изучения средствами лингвистики процессов мыслительной деятельности человека обусловлена активным развитием парадигмы лингвокогнитивных исследований на современном этапе развития науки. С конца XX века и по настоящее время лингвистика, выйдя за рамки изучения сугубо языковых единиц и явлений, расширяет горизонты исследований, в том числе и за счет выяснения специфики мышления, того, как оно вербализуется и воспринимается участниками речевых актов.

Хотя мышление невозможно отождествлять с речью, поскольку мышление содержит в себе как речевую, так и неречевую фазу действия, связанную с накоплением сенсорной и образной информации, все же в процессе мышления происходит постоянная корреляция предметного и речевого компонентов, объясняемая И.П. Павловым как взаимосвязанность двух сигнальных систем: первой (предметной) и второй (речевой) [Веккер, 1998: 247], а ряд экспериментов убедительно доказывает необходимость «участия речевых компонентов в динамике мыслительного процесса [Там же: 248]. Изучение мышления в его взаимосвязи с языком и речью служит глобальной задаче постижения Человека. «...Основная роль языка состоит в выражении мыслительной деятельности человека, что включает его языковое поведение в плане экспланаторности [объяснения языковых явлений. – Е.Ф.] и информирования об окружающем мире. Значение играет в этом процессе ведущую роль... Современные лингвистические исследования проявляют большой интерес к связности мыслительной, нежели собственно текстовой» [Александрова, 2008: 120].

Невзирая на давность существования и мышления, и языка, на успехи наук, способных изучать эти явления по отдельности и вместе, полного

понимания процессов мышления и их оязыковления человеческая цивилизация еще не достигла. Поэтому каждое исследование в этих аспектах призвано внести вклад в постижение общей картины того, что представляет собой человек, его сознание, речевая способность как отличие его от животных и позиционирование в качестве высшего существа планеты. Диалектическая простота и, одновременно, чрезвычайная сложность исследований подобного рода обусловлены, с одной стороны, тем, что для понимания мыслительной активности мозга существует речь, но, с другой стороны, она не конгруэнтна мышлению, субъективна и зависит от множества разнообразных факторов. «Language is a tool for thought (язык – это средство существования мысли. – Перевод наш. – Е.Ф.) [Smith, 1999], язык – это средство отражения мышления, но он не является моделью сознания [Там же].

Наибольший интерес вызывают особенности языковой репрезентации мыслительного процесса писателей, отраженного на страницах их произведений.

Мысль, процесс мышления, мыслительная активность – динамичный процесс, понимаемый лингвистами как когнитивная деятельность, как составная часть сознания человека, «в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию... Иногда когнитивная деятельность соотносится напрямую с понятием мышления, но относится прежде всего к процессам, сопровождающим обработку информации и заключающимся в создании особых структур сознания: тогда в когнитивной деятельности участвуют разные системы переработки информации... Когнитивная деятельность разворачивается в определенном культурном контексте...» [Демьянков, Кубрякова, 1996: 52].

В числе крупнейших мыслителей – русских и мировых писателей – находится, безусловно, Федор Михайлович Достоевский. И хотя со дня его смерти прошло более ста лет, тем не менее, «изучение творчества Ф.М. Достоевского в рамках когнитивной лингвистики может быть продуктивным, однако исследований этого направления немного, поэтому язык

художественных произведений Ф.М. Достоевского представляется мало изученным в когнитивном аспекте» [Мельниченко, 2009: 2].

В нашем исследовании предпринята попытка хотя бы отчасти восполнить указанные пробелы в языковедческой науке.

Цель исследования – выявить особенности языкового выражения мыслительных процессов, репрезентированных в авторской речи и в речи (внешней и внутренней) персонажей, нашедшие отражение в текстах Ф.М. Достоевского.

Задачи исследования:

– проанализировать специфику изучения мышления в гуманитарных науках, включая лингвистику, в том числе по отношению к языку классиков русской литературы;

– рассмотреть особенности языка и идиостиля Ф.М. Достоевского сквозь призму лингвокогнитивистики, лингвопрагматики, лингвоаксиологии;

– исследовать языковые единицы, концепты и категории, репрезентирующие мыслительные процессы, в языке произведений Ф.М. Достоевского;

– выявить особенности и систему языковых средств репрезентации сферы «мыслительная активность», включая рефлексивность, и заключенные в них ценностно-оценочные приоритеты Ф.М. Достоевского;

– изучить и описать особенности семантики, в том числе контекстуальной, семантических связей, синонимических и антонимических отношений, сочетаемости слов, номинирующих мыслительные операции в идиостиле Ф.М. Достоевского;

– составить перечень номинаций основных мыслительных процессов и их семантических значений, выявить систему логических последовательностей, когнитивно-семантических моделей этапов мыслительного процесса, представленных в языке произведений Ф.М. Достоевского.

Объект исследования – когнитивно-ментальная сфера «мыслительная активность».

Предмет исследования – репрезентация когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» посредством языковых единиц лексического, фразеологического, синтаксического, семантического уровней языка, концептов и категорий, образных средств языка, способов и приемов, отражающих процессы мышления, познания и их оценку в текстах Ф.М. Достоевского, когнитивные модели, эксплицирующие ментальные процессы, концепты «мысль», «думать» в виде их концептуальных признаков.

Материал исследования был извлечен из художественных произведений, дневников, записных книжек, писем Ф.М. Достоевского. В ряде случаев проводилась сверка значения лексем с данными толковых словарей. Картотека, состоящая из контекстов и афористических высказываний писателя, включает более 1200 единиц.

Методы исследования – эмпирический анализ языкового материала; анализ словарных дефиниций; описательный метод; метод интерпретации с применением приемов наблюдения и обобщения; методы семантического, когнитивного и компонентного анализа и моделирования; лингвокультурологический метод, направленный на изучение кодов культуры, вскрывающих образные признаки концепта; лингвопрагматический и аксиологический подходы.

Научную базу исследования составили труды отечественных ученых, внесших вклад в разработку проблемы взаимосвязи языка и мышления, особенностей языковой репрезентации мышления Л.С. Выготского, А.Р. Лурия, Р.И. Павилёниса, П.В. Чеснокова, Ю.Н. Караулова, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Т.В. Булыгиной, Т.А. Фесенко, Е.Н. Рядчиковой; концептологии и лингвоаксиологии – В.И. Карасика, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, М.В. Пименовой, С.Г. Воркачёва; лингвопрагматики – Н.Д. Арутюновой и др.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые рассматриваются особенности языка и идиостиля Ф.М. Достоевского сквозь призму лингвокогнитивистики, лингвопрагматики и лингвоаксиологии, что

позволило исследовать языковые единицы, концепты, репрезентирующие мышление, и образные средства языка произведениях Ф.М. Достоевского в аспекте заключенных в них ценностно-оценочных приоритетов классика русской литературы. Развивается теория когнитивно-ментальной сферы; впервые понятийная сфера «мыслительная активность» представлена как сфера когнитивно-ментальная. Изучаются и описываются семантические связи и особенности семантики языковых единиц и их логических последовательностей, а также концептов, репрезентирующих мыслительные операции в идиостиле Ф.М. Достоевского. Впервые выявлено 20 логических последовательностей, когнитивно-семантических цепочек, участвующих в отражении мыслительных процессов, и типов мыслительных операций, представленных языковыми единицами, лингвистическими и ментальными категориями, обозначающими мыслительный процесс в языке произведений Ф.М. Достоевского. Определено, что многие конструкции Ф.М. Достоевского семантически отличаются от матричной классификационной сетки глаголов, обозначающих процесс и событие, или от стадий процессуальности и завершенности, представленных в статьях словарей русского языка.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что в нем выявлены главные особенности языковой репрезентации мыслительной активности в языке произведений Ф.М. Достоевского; изучены семантические группы языковых единиц и их последовательностей, а также концепты «думать» и «мысль», принимающие участие в реализации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность»; рассмотрена специфика ценностно-оценочной шкалы, способствующей реализации указанной сферы в языковой картине мира Ф.М. Достоевского; исследованы наиболее характерные, часто встречающиеся разновидности семантических значений языковых единиц, репрезентированных в языке произведений русского классика по отношению к мышлению; названы наиболее характерные, в представлении Ф.М. Достоевского, особенности русского характера, связанные с мышлением, среди которых одно из главных мест занимает рефлексия, для

которой в работе на основе изучения лингвистических единиц и концептов, репрезентирующих когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», созданы логические схемы – последовательности, цепочки, типы мыслительных операций, что позволяет более детально и подробно представить особенности репрезентации мыслительной активности великим русским писателем Ф.М. Достоевским.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятийная сфера «мыслительная активность» может быть представлена как сфера когнитивно-ментальная, поскольку включает в себя когнитивную и ментальную составляющие, базируется на накопленных знаниях и на оперировании с ними, объединяет процессы и результаты сознательного и бессознательного мышления, психической деятельности автора текста, его прагматические установки и идиостилевую вербализацию посредством единиц языка различных уровней, концептов и ментальных категорий; обуславливается лингвистическими и экстралингвистическими знаниями и представлениями автора текста; обнаруживается во внешних (лексических, морфологических и синтаксических) и внутренних (смысловой, семантической и когнитивной) программах текста.

2. Для показа процессов формирования, протекания, осознания и оценивания мысли Ф.М. Достоевский использует оценочную лексику, фразеологические обороты, приемы несобственно-прямой речи, авторские ремарки, демонстрирует динамику мыслительного процесса посредством фазисности глаголов, метафор, приемов олицетворения, создания образности. В произведениях Ф.М. Достоевского мысль в большинстве случаев персонифицирована, носит личностный характер, не всегда формируется волевым актом субъекта, нередко определяется эмоциями, в силу чего ее описание дополняется оценочными прилагательными, наречиями, словами категории состояния, а некоторые имена, глаголы и словосочетания, не относящиеся к понятиям когнитивной деятельности (*чувствовать, находить, ослепнуть, видеть сердцем, заботиться в своем сердце, поиск смысла жизни,*

достижение счастья), выступают как эмоционально-когнитивные. Глаголы *читать, перечитывать*, существительные *чтение и перечитывание*, а также *удивление*, традиционно относимое к области эмоций, как прямое следствие мыслительного процесса в текстах Ф.М. Достоевского следует включить в ряд лексем, отражающих мыслительные процессы, осознание, рефлексию.

3. Смысловую составляющую языковых единиц и концептов, репрезентирующих сферу мыслительной активности, зачастую можно определить только исходя из контекста произведений писателя, учитывая взаимопроникновение и взаимодействие лексических, фразеологических, синтаксических и семантических факторов. В реализации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского принимают участие следующие семантические группы: `умение отделить главное от второстепенного'; `концентрация внимания на мысли'; `зависимость от мысли как помеха адекватной жизни'; `отсутствие контроля над процессом мышления'; `тяжесть от мыслей, стремление перестать думать о проблемах'. Основным акцентом делается на соборности, невозможности существования одного сознания, не взаимодействующего с другими.

4. Аксиологическими особенностями репрезентации мыслительной активности в текстах Ф.М. Достоевского является то, что в представлении писателя человеческая сущность не сводится к рассудку и уму нельзя отдавать главенствующую роль в человеческой цивилизации, в отношениях между людьми, поскольку необходима еще ориентированность на высокие идеалы, воспитание в нравственности, в гармоничности. На шкале основных ценностей, связанных с мышлением, у Достоевского находятся способность мыслить и способность выражать мысль, облекать ее в словесную оболочку, поскольку эти способности не самоценность, а лишь средства для разума. Часть ценностно-оценочной шкалы, способствующей реализации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в картине мира Ф.М. Достоевского, выглядит так: чувство → натура человеческая (эмоции, привычки, потребности) → нравственность → рассудок (как нечто непознаваемое и не могущее быть

познанным) → слово (как способность опредмечивать, материализовать, выражать мысль).

5. Наиболее характерными, часто встречающимися разновидностями значений языковых единиц и их последовательностей, репрезентирующих когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского, являются следующие: `мысль может быть самостоятельным деятелем, но зависит от воли человека'; `мысль, представляемая как движение от субъекта к внешнему миру, является предметом, объектом деятельности человека'; `мысленное представление часто не совпадает с реальностью'; `обдумывание приводит к колебанию в принятии решения, подталкивает к дальнейшему действию'; `мысль воздействует на реципиента, его эмоциональную сферу'; `представление, воображение может быть как позитивным, так и негативным' – последнее гораздо чаще встречается в языке произведений Достоевского, так как мышление и поведение литературных героев соответствует сложным психоментальным замыслам писателя.

6. Рефлексия, самоанализ, неожиданные мысли, колебания в принятии решений, стыд за собственные мысли, сложность самоопределения являются характерными особенностями картины мира Ф.М. Достоевского. Разум и чувства могут быть настолько рассогласованы, что вступают в противоречие друг с другом, выражают и получают противоположные оценки. Среди наиболее характерных приемов рефлексии у Достоевского – саморазоблачение персонажа как результат взаимодействия рациональных, эмоциональных и нравственных составляющих. Языковая репрезентация механизма рефлексии схематично может быть представлена в виде таких логических последовательностей: мысль → оценка себя → мысль о невозможности процесса мышления; мысль → негативная оценка себя → воспоминание → проверка → вывод → позитивная оценка себя; мысль → сомнение → оценка → отвержение мысли; чужая оценка → аргумент → своя оценка → вывод /

осознание; мысль/озарение → новая оценка себя; оценка → эмоция → нарушение логики мышления.

7. Для экспликации мыслительных процессов в текстах Ф.М. Достоевского регулярно задействуются ментальные глаголы и глагольно-именные фразеосочетания. Последовательности лингвистических единиц, репрезентирующих когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность» в языке произведений Ф.М. Достоевского, можно представить в виде семантических типов и логических цепочек мыслительных операций, которые являют собой когнитивно-семантические модели этапов мыслительного процесса. Эти логические цепочки подразделяются на такие группы: 1) мыслительный процесс – а) осознанный, логичный и б) неосознаваемый, необъяснимый, спонтанный; 2) влияние на мыслительную деятельность эмоционально-психических факторов; 3) влияние оценки на ход мыслительного процесса. Они в основном служат для доказательства или опровержения наличия интеллектуальных способностей, психического здоровья / нездоровья и отражения особенностей мышления героев романов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в курсе чтения вузовских лекций и проведения семинарских занятий по теории языка, по теории и анализу художественного текста, по когнитивной лингвистике, лингвистической прагматике, лингвокультурологии, лингвоаксиологии. Кроме того, результаты могут быть полезны литературоведам, изучающим творчество Ф.М. Достоевского; психологам, исследующим стили мышления личности; философам, определяющим суть мышления и его соотношение с языком; социологам и культурологам, выявляющим зависимость уровня мышления от степени развития социума и принадлежности к определенной культурной среде; медикам, описывающим основные этапы процесса мышления, происходящие на клеточном уровне.

Апробация исследования. Основные материалы и выводы данной работы апробировались на заседаниях кафедры общего и славяно-русского языкознания Кубанского госуниверситета;

на Международных научно-практических конференциях: на Международной научно-практической конференции журнала «LINGVO-SCIENCE» (Болгария, Варна, 24.04.2017); на II Международной научно-практической конференции молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов), проводимой Кубанским госуниверситетом (Краснодар, 8.04. 2017);

на IX и X Южно-Российской научно-практической конференции (Краснодар: КВВАУЛ, 2009 и 2010); на 8-й межвузовской конференции молодых ученых (Краснодар: КубГУ, 2009); на двух региональных межвузовских учебно-методических конференциях с международным участием «Инновации в образовании» (Краснодар 2010 и 2012).

По материалам диссертации опубликовано 14 научных статей, три из них – в журналах, предусмотренных перечнем ВАК РФ. Общий объем опубликованных работ – 4,23 п.л.

Глава 1. История и современное состояние изучения взаимосвязи языка и мышления

1.1. Изучение взаимосвязи языка и мышления в гуманитарных нелингвистических науках

С древнейших времен и до наших дней жизнь требует от человека постоянного совершенствования мыслительной деятельности, решения всевозможных задач и проблем, поэтому развитие человеческого общества обуславливает интерес к изучению мышления как одного из центральных понятий гуманитарных наук. Научные подходы к категории мышления активно разрабатываются в таких современных отраслях знания, как психология, философия, логика, социология, лингвистика, физиология, кибернетика. В психологии мышление понимается как умственные процессы, лежащие в основе познания, изучаются типы индивидуального мышления личности; в философии определяется суть мышления как исторического процесса; в социологии выявляется зависимость уровня мышления от степени развития социума, коллективного разума, институтов и принадлежности к определенной культурной среде; в физиологии описываются основные этапы процесса мышления, происходящие на клеточном уровне; в логике систематизируются и классифицируются этапы мышления; в кибернетике мышление рассматривается как информационный процесс приема и переработки информации. Данные о мышлении, полученные этими науками, оказываются необходимыми и в современной лингвистике.

На наш взгляд, по аналогии с гоминизаторской функцией языка (по Г. Гийому), можно говорить о гоминизации мышления (скачок от инстинкта к мысли), без которого, как и без языка, не происходило бы развитие ни одной науки. Переход из области философии в область лингвистики полезен обоим этим наукам ввиду того, что язык способен с помощью средств, скорее антропологических, чем философских, представить многие сложные

философские понятия и отношения [Гийом, 1957]. Повседневные сложности редко дают задумываться о происхождении непознанных и скрытых процессов. Но «интерес к анализу собственного мышления был издавна связан с желанием мыслить правильно» [Петухов, 1987: 6]. Возможно, и этим фактором мотивирован такой интерес к мышлению стольких наук. Первой из них на данную проблему внимание обратила философия.

Начиная со времен античной философии, существует проблема взаимосвязи изучения законов мышления (логики) и познания глобальных законов окружающего мира, всеобъемлющих понятий, категорий, принципов развития и формирования знаний (диалектики) [Ильенков, 1984: 9].

Анализом соотношения мышления и бытия занимались многие древнегреческие философы. Согласно Пармениду, мышление и бытие тождественны: «Одно и то же есть мысль и то, о чем она мыслит» [Парменид. Электронный ресурс]. Софисты, которым присущ подход к исследованию мира в условиях острых споров по правовым, политическим и морально-религиозным проблемам, исследовали мышление только как логическую форму речи и не рассматривали вопрос об отношении мышления и бытия. Диалектика Платона связана с процессом «припоминания», не зависящего от чувственных восприятий, которые порождают лишь мнения. Только мышление рождает истинное значение. В материалистической теории Демокрита мышление рассматривается как общественно-историческая категория, полностью отрицается ее природность. Аристотель описывает формы мышления с разных сторон: 1) выражение действительности в речевых формах; 2) «формы» действительности, выражаемые с помощью речи. Аристотель представляет «внешнюю, непосредственно-очевидную» форму мышления как внешнюю или внутреннюю структурированную речь с набором фигур и строгими схемами, а содержание, передаваемое с ее помощью, внутреннюю форму мышления – как отражающуюся в «душе» форму вещи [Ильенков, 1984: 22].

Представитель средневековья Блаженный Августин утверждал, что каждый человек способен изучить свое сознание и познать истину. Фома

Аквинский отстаивал идею божественного откровения, дополняющего разумное логическое мышление. Оба эти компонента составляют путь к спасению.

В эпоху Возрождения философы в своих трудах отражали темы независимости разума от строгих и непреклонных догм. М. Монтень, Николай Кузанский, Джордано Бруно утверждали необходимость совершенствования человеческого мышления, мощь познания и творческую деятельность ума [Спиркин, 1998].

Эмпиризм Ф. Бэкона и рационализм Р. Декарта – направления философии XVII в., ставящие своей целью объяснение роли разума, познания и мышления. По мнению Бэкона, при анализе фактов и объяснении законов природы необходимо опираться на разум, который систематизирует чувственные данные. В философии Декарта источник знаний находится в разуме, единственно достоверный факт – независимое мышление, главное в познании – интуиция интеллекта или чистое умозрение [Философия (конспект лекций). Электронный ресурс]. Душа – это соединенная с мозгом мыслящая субстанция, сущность которой состоит в мышлении, представляющем собой процесс соединения чувственных восприятий с имеющейся информацией. Пантеизм Спинозы раскрывает субстанциональность мышления, т.е. мышление об основе вещей в их совокупности с точки зрения вечности. «Ни тело не может определять душу к мышлению, ни душа не может определять тело ни к движению, ни к покою, ни к чему-либо другому (если только есть что-нибудь такое)» [Кауфман, 2002: 124-125].

Автор теории диалектики немецкий философ Г. Гегель определял духовное развитие индивида как самопознание «мирового разума». «Дух», или мышление, согласно Гегелю, просыпается в человеке в виде слова, речи, языка [Спиркин, 1998].

И. Кант рассматривал вопрос свободы мышления, которую определял как подчинение разума только законам, которые «он сам себе дает» и подчинение высшему критерию истины в самом себе. Если свобода в мышлении действует

независимо от разума, она саморазрушается. Мышление – движение к истине и единственный выход из бедственного состояния гражданских тягот [Кант, 1994].

Первым мышление и сознание в область научного детерминизма ввел К. Маркс: «Образование представлений, мышление, духовное общение людей является... непосредственным порождением материального общения людей» [Маркс, Энгельс, 1955: 24]. Для описания происходящих в сознании процессов между объектом и человеческой субъективностью Маркс добавил социальный компонент – общественные связи.

Немецкий философ Ф. Ницше определял философию как ценностное мышление, ценность которого намного важнее истинности познания. Говоря о неспособности языка и мышления к представлению независимо от самих себя, он приходит к идее о первичности воли и доминировании ее над сознанием и мышлением [Спиркин, 1998].

Жесткую критику теории познания как части философской метафизики посредством языка представил Л. Витгенштейн, подчеркнув изначальность взаимозависимости языка и мышления, в связи с которой именно языковое выражение является основополагающим компонентом любого ментального¹ акта [Витгенштейн, 1994]. Сознание, по мнению Витгенштейна, – контекстуальное понятие, включенное в языковую игру, а понимание – указание на аспект уже известной языковой игры [Витгенштейн, 1994].

С развитием науки все большее внимания уделяется проблемам, лежащим на стыке философии и языкознания: анализу языковых выражений, проблемам значения, изучению через языковые исследования тех свойств мозга, которые можно характеризовать как мышление, которое, в свою очередь, есть «часть ментальных процессов, осуществляемых в сознании» [Кубрякова, 2004: 9].

Появились новые области знания, которые прямо или опосредованно связаны с изучением мышления как духовного, так и физиологического

¹ Ментальный – связанный с разумом, с умственными способностями, умственной деятельностью (Энциклопедический словарь. Электронный ресурс).

процесса, местом формирования и осуществления которого является головной мозг. Медицина шагнула далеко вперед и основательно анализирует функции мозга, ранее являвшиеся предметом исследования философии. Развитие физиологии позволило изучить не только анатомическое строение органа порождения мысли, но и его функционирование.

В физиологии мышление исследуется как функция мозга, определяются механизмы, за которые отвечают нейроны коры головного мозга. Различные области коры выполняют специфические функции: височная кора отвечает за процессы памяти, лобные доли – за составление планов, выбор целей и принятие решения, ассоциативные поля височной, лобной и затылочной доли – за использование языка.

Большую роль в описании мыслительных операций играет учение о двух сигнальных системах. И.П. Павлов уделил внимание языку в формировании второй сигнальной системы, которая активизируется только при воздействии видимых, слышимых и произносимых речевых сигналов. Словесный код присущ только человеку. Слово, по И.П. Павлову, – «сигнал сигналов».

В современной нейрофизиологии исследуются вопросы активности нейронов во время мыслительного процесса. В различных областях мозга происходит обуславливающая мыслительную деятельность «реорганизация активности нервных клеток». Она находится в зависимости от зоны головного мозга и мотивируется периодичным повторением подобных действий [Бехтерева, 2007: 70]. Но вопрос о том, существует ли «мозговой код» мышления, до сих пор остается открытым.

Согласно современным представлениям, мыслительный процесс основан на обмене информацией между клетками памяти, ее анализе, сравнении и построении заключения, логически следующего за первыми этапами [Коротяев, Бабичев, 2009: 240]. Но выявить частоты, на которых происходит передача мыслей между клетками памяти, пока не удастся.

Кроме того, невзирая на давность изучения мышления, все еще приходится констатировать, что границы содержания термина «мышление» в

гуманитарных науках, в том числе в лингвистике, строго не определены [Фесенко, 2004: 112].

Тем не менее, несмотря на то, что на данном этапе развития физиологии описание процесса мышления представляется сложным, возможно представить его следующие этапы:

«1. Восприятие из внешней среды органами чувств сигналов, их анализ и переработка основными анализаторами.

2. Транспорт полученных сигналов в клетки памяти.

3. Кодирование в клетках памяти.

4. Обмен информации между клетками памяти (сам процесс мышления).

5. Отбор (выбор) мыслей для принятия правильного (адекватного) решения.

6. Материализация принятого решения. Человек принимает определенное решение вначале мысленно, а затем материализует его в виде определенного действия (звуковое, графическое, физическое)» [Там же: 178].

Именно такой материализованный код, по мнению ученых, стал основой формирования человеческого разума, мышления, внутреннего мира, сознания. «Сознание» в науке понимается как аппарат, процесс и способ мышления, способность противопоставлять себя окружающему миру, в дальнейшем формирующая мышление. Бесспорным является то, что безусловные рефлексы и умственная информация, накопленная с помощью словесного кода, определяют сознание человека и формируют его сложный внутренний мир.

Благодаря физиологическим исследованиям, полностью доказавшим то, что человек мыслит при помощи головного мозга, появились представления о психологических и лингвистических составляющих мышления. Современная психология мышления развивалась от постановки вопросов разграничения понятий *сознание, мышление, восприятие* до решения сложных междисциплинарных проблем соотношения мышления и внутренней речи, зависимости мышления и речи от культур и дискурсов. Исследование А.Н. Соколова, посвященное глубокому изучению мыслительного процесса и

его составляющих, приводит к выводу о несомненной значимости внутреннеречевых элементов для реализации мышления [Веккер, 1998: 246].

Мыслительная способность человека в целом определяется понятием «интеллект», видовыми отличиями которого, согласно С.Г. Воркачёву, выступают *акциональность*, представляющая собой ориентированность на осуществление действий, и *когнитивность*, понимаемая как ориентированность на осуществление ментальных процессов. «Синонимический ряд лексемы “интеллект”, представленный в терминологических словарях по философии и психологии, включает такие лексические единицы, как “мышление”, “разумение”, “познание”, “понимание”, “постижение”, “ум”, “разум”, “рассудок”... Интеллект как совокупность познавательных способностей индивида обуславливается наличием таких сопутствующих психических факторов, как *восприятие, память, внимание (наблюдательность), воображение, речь, логика*, где особая роль принадлежит операциям абстракции, обобщения, сравнения, позволяющим объединить разнообразную информацию в единую систему» [Воркачёв, 2017: 11-12].

Считаем необходимым обратить внимание на различие психологических терминов для обозначения операций в мыслительных цепочках и на взаимовлияние культурной ситуации, носителя языка и мышления ввиду того, что когнитивный анализ имеет задачу изучить процесс мышления, то есть когниция является способом и объектом нашей работы.

В современной психологии существуют различные функциональные, прагматические подходы и школы в изучении мышления. В гносеологии мышление рассматривается как «высшая форма психического (сознательного) отражения, познания объективной реальности» [Петухов, 1987: 5]. Мышление отличается от ощущения и восприятия (непосредственно чувственных форм), т.к. оперирует понятиями. Тем не менее, несмотря на то, что на данном этапе развития науки описание процесса мышления представляется сложным, возможно представить его этапы [Психология мышления, 2008: 21]. Но и это не признается бесспорным. По мнению А.В. Брушлинского и М.И. Воловиковой,

мышление не должно отождествляться с решением задач, категория мышления намного шире, она проявляется также в формировании мотивации и дальнейшем в усвоении знаний, поскольку в процессе мышления человек способен не только открывать новые качества объекта, но также и определять их значение для последующей деятельности, чем формируется познавательная мотивация для дальнейшего протекания мышления [Брушлинский, Воловикова, 1983: 95]. Другие ученые называют задачу или проблему (наряду с вопросом) специфическим мыслительным феноменом, который составляет лишь начальную фазу мыслительного процесса [Веккер, 1998: 244]. Л.М. Веккер отмечает убедительность оснований, позволяющих считать задачу «знаковой или речевой моделью проблемной ситуации» [Веккер, 1998: 245].

Среди ученых разных направлений психологии нет общего мнения по вопросу четкого определения понятия «мышление» и его зависимости от других процессов психической деятельности. Так, например, ассоциативная психология не проводила резкой границы между мышлением и восприятием, ее представители отмечают образность, ненаправленность, пассивность (со стороны субъекта), осознанность, репродуктивность и логичность процесса мышления. Представители Вюрцбургской школы, наоборот, подчеркивали отличие мышления от восприятия и памяти и настаивали на том, что возникновение представления мешает пониманию. Учеными этой школы было впервые предложено понимание мышления как процесса решения задач. Бихевиористы отождествляли мышление с внутренней речью, доказывая это движением языка и гортани в процессе размышления. Целью гештальтпсихологии было изучение мышления в переструктурированной проблемной ситуации без учета прошлого опыта.

3. Фрейд исследовал мышление и сознание с практической целью наблюдения за психическими процессами и пришел к мысли о том, что сознание мешает такому наблюдению, блокируя возникающие мысли и образы до того, как они станут известны анализирующему субъекту. В процессе наблюдения Фрейд сравнивает понятия бессознательного (которое

руководствуется «принципом удовольствия») и сознания, стремящегося к самосохранению («принцип реальности») [см.: Гусейнов. Электронный ресурс]. Вводится термин «предсознательное», обозначающий память и разумное мышление человека.

К. Юнг продолжает начинания Фрейда, но отказывается от порочности бессознательного и выделяет четыре полюса сознания: мышление, чувство, ощущение и интуицию. Философ-психолог создает концепцию психологических типов на основе экстраверсии и интроверсии и формулирует идею об экстраверсии восточного и интроверсии западного мышления.

Фрейд и его ученики, по мнению Х. Ортега-и-Гассета, были склонны принимать картину действительности, часто домысленную, за саму действительность. Сам же испанский философ понимает мышление так: «Мы видим вещи с помощью идей о вещах, хотя в естественном процессе мыслительной деятельности не отдаем себе в этом отчета, точно так же, как глаз в процессе видения не видит самого себя. Иначе говоря, мыслить – значит стремиться охватить реальность посредством идей; стихийное движение мысли идет от понятий к внешнему миру [Ортега-и-Гассет. Электронный ресурс].

В школе С.Л. Рубинштейна мышление рассматривалось как внутренний процесс сравнения, обобщения, анализа, синтеза, абстрагирования, базируясь на том, что мышление не является продуктом порождения операций, а само обуславливает появление операций, в дальнейшем включаемых в него [Рубинштейн, 1958: 51]. Считаем возможным взять данную точку зрения за основу в наших дальнейших исследованиях.

Разграничение процессов психической деятельности дает лингвистике возможность классифицировать глагольную лексику чувства, восприятия, мышления, сознания, ощущения, внимания, знания, памяти и другие.

Близко к решению другой лингвистической задачи – определению взаимосвязи мышления и речи – формируется цель школы Л.С. Выготского: процесс мышления активизируется с появлением мотива, генерирующего мысль, в дальнейшем оформляемую внутренними словами, а уже затем –

внешними [Психология мышления, 2008: 508]. Слово в понимании представителей данной школы является обобщением целого класса предметов. Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь» указывает на то, что неправильно отождествлять мысль и слово [Выготский, 1999: 277]. Для исследователей очевидно, что лексемы во время мыслительного процесса, как и другие языковые единицы, проявляются в несколько несвойственном для них виде, их сложно уловить, четко дифференцировать в связи с тем, что мышление происходит гораздо быстрее, чем говорение, и наша «внутренняя речь» (термин Л.С. Выготского) фрагментарна и ассоциативна. Таким образом, по отношению к структуре речи «внешней», которая доступна наблюдению, структура «внутренней» речи намного сложнее. Но все же не подлежит сомнению то, что она обусловлена единицами и категориями конкретного языка [Норманн, 2004: 69].

Невозможно отрицать неразрывную связь мышления с речью и культурой. У. Джемс, А.Р. Лурия, П. Тульвисте и другие последователи идеи о прагматической культурно-исторической природе вербального мышления выделяют такие виды мышления, как научное, философское и здравый смысл. Они «выступают как равноценные и связанные функционально с разными “сферами жизни”» [цит. по: Психология мышления, 2008: 261]. У. Джемс по достоинству оценивает первичную стадию – стадию здравого смысла, основанную на открытиях далеких предков, отмечая ее важность в формировании основных способов и методов мышления и представления человека о вещах [Там же: 261]. Именно прагматисты стали рассматривать мышление с точки зрения эволюции, культурологи и лингвокультурологии.

А.Р. Лурия считает, что «качественные преобразования в познавательных процессах выводятся из качественных изменений, происходящих в общественной жизни, практике, культуре» [Лурия, 1971: 49].

П. Тульвисте занимался исследованием гетерогенности вербального мышления, выявлением его культурных традиций и пришел к выводу о культурном взаимодействии разных типов мышления, что не отрицает

качественные различия между мышлением людей, представляющих разные культуры [Тулльviste, 1988]. Следовательно, различие культур, дискурсов, видов деятельности, ситуаций и языков обуславливает гетерогенность мышления.

Язык, являясь элементом культуры, не может не оказывать влияние на мышление и опыт человека (лингвистический детерминизм Э. Сепира). Особый интерес для человека представляют те явления и процессы, которые имеют обозначения в тезаурусе конкретного языка. Таким образом, размышление, принятие решения и общение обусловлены лингвистической подготовкой. Важнейшими факторами, определяющими формы мышления и поведения, по мнению Сепира, являются психология, язык и культура, поскольку человек видит, слышит и воспринимает какие-либо реалии в основном именно в связи с тем, что язык определенной культуры имеет конкретную форму вербального выражения [цит. по: Психология мышления, 2008: 569]. Учет этих трех фактов говорит о том, что мышление человека многокомпонентно, что оно представляет собой сложную совокупность различных типов ментальной деятельности, постоянно сменяющихся и дополняющих друг друга и нередко выступающих в синтезе.

Среди большого числа определений мышления, разработанных в XXI веке, выделим особо, как наиболее релевантное для целей нашей работы, следующее: **мышление** – это ментальное отражение реальности; процесс постановки и решения задачи, «процессуальный аспект интеллектуальной деятельности; социально-обусловленный и опосредованный речью; нацеленный на установление связей и отношений между познаваемыми объектами и открытие нового; связанный с активностью субъекта; включающий его ориентировочную и аналитико-синтетическую деятельность» [Федоркова, 2006: 344].

Психология изучает не только индивидуальное, но и коллективное мышление. С возрастанием интереса к психологизму на рубеже XIX—XX веков проблема мышления актуализируется в социологии.

Когнитивная социология пересекается с интерпретативной социологией, социологией знания, когнитивной социальной психологией, когнитивной психологией, когнитивной антропологией, теорией искусственного интеллекта и изучает социально обусловленные особенности мышления индивидов и групп. Американский исследователь А.В. Сикурел направил достижения когнитологии конца 60-х годов в русло этнометодологии, особое внимание уделил пониманию обыденной речи, повседневному общению, невербальным средствам языка. В основе его исследования «Когнитивная социология» лежит изучение социального интеллекта – коллективного (общественного) разума, социального наследования, социальной памяти, когнитивных структур и институтов, информационных ресурсов и связей [Соколова, 2002].

Мышление в когнитивной социологии изучается как способность к познавательной деятельности, постижение объективного смысла, отражение реальности, обработка информации, выражение идей в вербальной форме, ее объективация. Ученые говорят о символьном характере этого явления. В частности, по мнению К. Гирца, «мышление представляет собой конструирование и использование (*manipulation*) таких символических систем, которые используются как модели для других систем: физических, биологических, социальных, психологических и т. п., — таким образом, что структура этих других систем и их предполагаемое при благоприятном случае действие оказываются... “поняты”. Размышление, концептуализация, постижение, понимание и т. п. — это не призрачные процессы внутри головы, а стыковка состояний и процессов символических моделей с состояниями и процессами внешнего мира» [Гирц, 2004: 245].

Когнитивная социология ставит перед собой задачи объяснения сходства и различия в мышлении индивидов, вопросов акцентирования внимания общества на определенных событиях и социальной памяти о них, социального времени, анализирует социальные конвенции и влияние социума на процессы восприятия информации, изучает классификации, являющиеся средством

конструирования значений и смыслов, их социальную природу, подчеркивает их отличие от типологий [Zerubavel, 1997].

Значительный вклад в разработку данного круга проблем внесли такие социологи, как А. Сикурел, Е. Зерубавел, П. Рабардель, Ч. Лумис, Р. Аксельрод, С. Московичи, Р. Будон, П. Бергер, Т. Луман.

Социальные структуры и институты, необходимые для развития интеллекта нации (иначе – когнитивные структуры и институты), – это, например, институты образования и семьи. По аналогии с когнитивными структурами человека, изучаемыми психологией, важно выделять когнитивные структуры общества и его подсистем. Это структуры социальной памяти, общественного сознания и общественного мнения, научных и вообще творческих школ и течений, духовной коммуникации и т.д. [Вовканыч, Парфенцева, 1993: 153].

Когнитивная социология сформирована, как и все мышление, ценностями того общества, в котором существует [Гирц, 2004: 230]. Ее базовым понятием является «социальный интеллект» (способность общества в целом либо той или иной его подсистемы (социума, коллектива людей) к “пониманию” – усвоению и использованию знаний в целях развития) [Вовканыч, Парфенцева, 1993: 152]. Сегодня социологов интересуют вопросы становления социального мышления и влияния на него. Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, Л.Ф. Иванова предлагают опираться на следующее определение понятия: «Социальное мышление – это мышление реальной личности, связанное с ее жизненной позицией, ценностями, оценками» [Боголюбов, Лазебникова, Иванова. Электронный ресурс].

Для лингвистического анализа особый интерес представляют когнитивная социология и социолингвистика, которые наряду с социальной психологией, этнографией выстроили парадигму когнитивной лингвистики.

Применительно к исследованию мыслительных процессов в лингвистике когнитивная лингвистика и когнитивная социология являются взаимоважными и дополняющими друг друга дисциплинами, так как содержательный

компонент концептов во многом зависит от социального, основанного на философских и психологических представлениях о мышлении.

1.2. Изучение взаимосвязи языка и мышления в лингвистике

1.2.1. Разнообразие лингвистических подходов к изучению мышления

При исследовании мышления лингвистика опирается на данные философии и психологии, но основополагающим отличием объекта изучения лингвистов является понимание мышления как вербализованного процесса. Сложность его детального исследования и необходимость подробного описания различных его аспектов послужили причиной возникновения таких лингвистических направлений, как когнитивная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, суггестивная лингвистика, лингвистическая гносеология и других.

Я. Ньютс полагает, что в современном мире языкознание пока что трудно представить как единую науку, это, наиболее вероятно, совокупность многих направлений с собственными целями и объектами изучения. Следовательно, существует необходимость их дальнейшего объединения в рамках общей, единой науки и выработки цельных задач, подходов и приоритетов исследования. Решение этой проблемы можно представить в том аспекте, что «исследование языка – это в основе своей исследование когнитивное» [Nuyts. Цит. по: Кубрякова, 1995: 215-216].

В числе наук, занимающихся изучением мышления, находится философия языка. Большинство исследований ее основоположника В. Фон Гумбольдта содержит информацию о лингвистических категориях, мышлении и речи, невербализованной внутренней речи, сопоставлении культур и языков, их взаимовлиянии, зависимости внутреннего мира человека от языковых факторов. «Сущность мышления состоит в рефлексии, то есть в различении мыслящего и предмета мысли... В поисках языка человек хочет найти знак, с

помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств» [Гумбольдт, 1984: 301].

А.А. Потебня, последователь В. фон Гумбольдта, преобразовав некоторые положения его учения, продолжил изучать внутреннюю форму слова и обратил внимание на особенности становления мышления и восприятия мира славянских народов. А.А. Потебня, переосмыслив некоторые взгляды В. фон Гумбольдта, определил слово как «известную форму мысли» [Потебня, 1990: 283]. Ученый создал оригинальную лингвистическую концепцию взаимосвязи мышления и языка в их длительном историческом развитии и выдвинул идею о нетождественности мыслительного и языкового посредством противопоставления так называемого «ближайшего» (т.е. собственно языкового) значения и «дальнейшего» значения (соотнесенного со сферой неязыкового знания/содержания). Согласно этой концепции, языковые значения слов являются внутренней формой или «способом представления внеязычного содержания». Он считал, что мысль может достигнуть совершенства только при ее вербализации, сообщении; само же словесное оформление возможно лишь в случае уже достигнутого совершенства мысли. «Нет языка без понимания, но понимание возможно только посредством слов, не заменимых самую выразительную мимику» [Потебня. Электронный ресурс]. На современном этапе развития науки известно о существовании видов мышления без участия слов, в связи с этим представления А.А. Потебни можно отнести только к некоторым областям мышления (философскому, религиозному).

Отечественные лингвисты пришли к выводу о том, что язык является не просто формой, оболочкой для мысли, даже не средством мышления, а скорее его способом: «Сам характер формирования мыслительных единиц и их функционирования в значительной мере зависит именно от языка» [Норман, 2004: 71].

Гипотезу Вильгельма фон Гумбольдта поддержали также и этнолингвисты Э. Сепир, представивший понятия лингвистического

детерминизма (язык определяет мышление и опыт) и лингвистической относительности (детерминизм определенного языка), и Б. Уорф, выдвинувший идею о зависимости деятельности человека, в том числе мыслительной, от ежедневно употребляемого языка, его основ и состава. Базой исследования послужили европейские языки и языки американских индейцев [Психология мышления, 2008: 570].

Из наиболее ярких последователей Гумбольдта в этом аспекте можно назвать А. Вежбицкую, основными предметами исследования которой стали слово, понятие и доказательство их нетождественности, семантические примитивы, когнитивные особенности культур и модели мышления, свойственные различным народам и группам лиц. По мнению исследователя, семантические примитивы, определяющие мышление и общение людей, тождественны лексическим универсалиям, а их особые структуры и расположения демонстрируют культурные различия [Вежбицкая, 1996: 297].

Сходные идеи прослеживаются и в исследованиях одного из основателей психолингвистического направления в России Л.С. Выготского, описавшего связь мышления с языком и развитие речевого мышления: отношение мысли к слову – процесс живого порождения мысли в слове. Слово, лишённое мысли, – мертвое слово» [Выготский, 1999: 336]. Л.С. Выготский на основании предложенного им понятия внутренней речи представил следующую последовательность этапов мыслительного процесса: появление мотива – рождение мысли – ее представление внутренними словами – соотнесение внутренних слов со значениями внешних – трансформация во внешние слова, их воспроизведение (Там же). Впервые в отечественной науке Л.С. Выготский разграничил понятия «значение» и «смысл»: «значение» предполагает объективность отражения связанных между собой единиц, «смысл» же обусловлен ситуативной и временной субъективностью [цит. по: Лурия. Электронный ресурс]. Одним из основополагающих положений ученого является идея, доказывающая необходимость изучения сознания и мышления

не только как исследование мозга с помощью методов психологии и физиологии, но и с учетом социальных составляющих.

Большой вклад в становление и развитие нейролингвистики внес А.Р. Лурия, аналогичное влияние на психоллингвистику оказал А.Н. Леонтьев. Будучи учениками Л.С. Выготского, они исследовали вопросы отношения между языком, сознанием и мышлением.

А.Р. Лурия в качестве одной из наиболее значимых задач психоллингвистики обозначал способность понимания основного смысла, подтекста и умение его отличать от видимого, поверхностного значения. Среди других аспектов исследования можно обозначить патологии речи и их зависимость от умственных способностей, мышления; вопросы формирования и формулирования высказывания, связанные с мозговой деятельностью; дискурсивность когнитивных процессов [Лурия. Электронный ресурс]. Большое внимание ученый уделил слову, его семантическому строению и функциям: слово дает возможность передавать опыт, создавать образы, мысленно оперировать отсутствующими в данный момент вещами, совершать мыслительные действия без опоры на внешние средства, «умственные эксперименты над вещами» [Там же: 39]. А.Р. Лурия в исследованиях основывается на нейропсихологических данных и лингвистических работах Ф. де Соссюра, Б. де Куртенэ, Л. Щербы, Н. Хомского и др.

А.Н. Леонтьев изучал понятия и процессы, нуждающиеся в психологическом и лингвистическом освещении. Мышление, сознание, внимание, восприятие и память детально проанализированы, представлены составляющие их компонентами. Например, сознание, являющееся важнейшим в ряду когнитивных понятий, согласно взглядам ученого, включает в себя значение, смысл и «чувственную ткань» [Леонтьев А.Н., 1975]. В отличие от Выготского, А.Н. Леонтьев предлагает понимать развитие слова не как движение, обусловленное внешней причиной, а как саморазвивающуюся вещь.

А.А. Леонтьев исследовал психологические проблемы порождения высказывания и обозначил их следующим образом: «Первая ступень –

конструкция линейной внеграмматической структуры высказывания, его внутреннее программирование. Вторая ступень – преобразование этой структуры в грамматическую структуру предложения. Третья ступень – реализация последней» [Леонтьев А.А., 1969: 125]. При восприятии речи все происходит в обратном порядке. Ученый рассмотрел факторы, дифференцирующие *значение* и *смысл*. Леонтьевым были выявлены элементы, связывающие способы анализа сознания, представленные Фрейдом, и приемы лингвистического анализа текста [Леонтьев А.А., 2001: 92-100].

Первую попытку описать язык в рамках когнитивной парадигмы предпринял Н. Хомский, объявивший лингвистику частью когнитивной психологии. Американский лингвист обосновал важнейшую мысль о том, что исследование языка вправе служить основой познания умственных операций человека [Хомский. Электронный ресурс]. Хомский, положив начало трансформационной лингвистике, уделял внимание процессам преобразования глубинных структур в поверхностные, объяснению изменений, влиянию нелингвистических факторов на дефиниции структур, языковым факторам, доказывающим роль абстрактных репрезентаций в мыслительной деятельности.

Изучением мышления как лингвистического и философского понятия занимался Р.И. Павилёнис, по мнению которого, процесс познания человека, заключается в развитии его умения ориентироваться в самом широком понимании этого слова в окружающей действительности и является процессом образования смыслов, или концептов [Павилёнис, 1983: 101]. Подход Павилёниса предполагает не отождествление мысли и языка и не их разрыв, хотя и показывает независимость концепта от языка, а нахождение такой связи между этими двумя понятиями, которая бы показывала возможности и способы осмысления языка и осознание его функции в создании концептуальной картины мира [Там же: 119]. Сопоставление анализа смысла с анализом языковых структур и концептов показывает отношение мысли, языка и мира. В этой соотнесенности Р.И. Павилёнис демонстрирует философское значение анализа смысла [Там же: 260].

Ю.Д. Апресян в рамках структурной лингвистики посвящает свои работы машинному переводу, семантическим аспектам лексики и синтаксиса, изучает семантические примитивы, лексемы, необходимые для воссоздания наивной картины мира и ее концептуального анализа. Исследование семантики русского глагола, в частности, фактивных и путативных предикатов русского языка – глаголов *знать* и *считать*, проводится им на всех уровнях языка: семантическом, лексическом, грамматическом, словообразовательном и синтаксическом, дается определение несемантическим рефлексам смыслов глаголов, изучается взаимодействие с единицами морфологического, коммуникативно-просодического, синтаксического и сочетаемостного уровней. При изучении семантических примитивов глаголов мышления, не поддающихся, по мнению ученого, описанию, Ю.Д. Апресян «прибегнул к более свободной» характеристике, установив, что местом локализации мнений является не память, а ум человека, в силу чего мнения не используются как готовые шаблоны, а постоянно корректируются в связи с меняющимися обстоятельствами. Поэтому человек часто забывает какие-то знания, но обычно не забывает мнений [Апресян. Электронный ресурс].

Подробно о состоянии проблемы «язык и мышление» на конец XX в. повествует А.С. Мельничук [Мельничук, 1990]. Исследование взаимосвязи речевых знаков и ментальных единиц языка отражено в работах К.П. Зеленецкого, Г. Гийома, В.В. Виноградова, Б.Л. Уорфа, П.В. Чеснокова, Дж. Лакоффа, О.Г. Почепцова, П.В. Дурст-Андерсена, Н.В. Зиновьевой, А. Вежбицкой, В.Г. Гака, М.В. Пименовой, Т.А. Фесенко, Е.С. Федотовой, Н.Н. Болдырева, Л.А. Манерко, Е.П. Плива, работам представителей Тамбовской научной школы и других ученых. М.В. Пименова создает учебник, посвященный лингвистическому аспекту ментальности [Пименова, 1996].

Н.Д. Арутюнова инициировала новое течение в языкознании – «логический анализ языка», обосновывающее положение о зависимости языка от мышления. Закономерности когнитивного процесса (постоянное) и ситуация общения (непостоянное) обуславливают речь, что подтверждает важность

существования в языке определенных подходов, упрощающих построение высказывания. Исследования лексического значения, метафоры в описании внутреннего мира человека, семантики предложений, русского национального сознания проводятся ученым с точки зрения лингвистики, лингвокультурологии, литературоведения, искусствоведения, философии, психологии, антропологии, гносеологии, семиотики, математики. Взгляды Н.Д. Арутюновой разделяют представители направления «Логический анализ языка»: В.Г. Гак, Т.В. Булыгина, В.П. Григорьев, Е.В. Падучева, М.А. Дмитриевская, Анна А. Зализняк, Н.К. Рябцева, И.Б. Левонтина, А.Б. Пеньковский, В.А. Плунгян, О.А. Казакевич, Г.Е. Крейдлин, Т.В. Радзиевская, Е.В. Рахилина, И.М. Кобозева, И.А. Герасимова, Р.И. Розина, Е.Д. Смирнова, Ю.С. Степанов, А.Д. Шмелев, Н.А. Фатеева, И.Б. Шатуновский, Е.С. Яковлева и другие. Предметом исследования этих ученых является, среди прочего, отношение ментальных и перцептивных глаголов к пропозиции (суждению), анализ концептуальных полей. Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев также входят в число лингвистов, целью которых является воссоздание и описание русского языкового мышления, русской языковой картины мира, основываясь на лингвистических, концептологических, исторических, литературных, культурологических данных [Зализняк Анна А., Левонтина, Шмелёв, 2005].

Сейчас уже многие ученые указывают на общий поворот лингвистических исследований в сторону функциональности, что даёт возможность проводить исследования на междисциплинарном уровне, поскольку «функционализм основан на опыте разных наук – собственно лингвистики, психологии, социологии, статистики, философии, истории, естественных наук и др.» [Александрова, 2008: 117]. Именно в русле функционального подхода находится и являющаяся чрезвычайно актуальной в настоящее время когнитивная лингвистика. Она изучает не саму реальность, а те общие и субъективные обыденные, научные, религиозные или эстетические знания о мире, которые отображаются в языке народа или чьем-то идиостиле

[Колесов, Пименова, 2011: 98]. Основными проблемами когнитивной лингвистики стали объединение разных областей знания, связанных с изучением языка, категориальный подход к изучению его единиц, что отражает все основные категории человеческого знания об окружающем мире [Александрова, 2008: 17].

В нашей работе термин «категория» используется в широком смысле как «любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [Булыгина, Крылов, 1990: 215]. Хотя, следует учитывать также и то, что в лингвистической традиции нередко термином «категория» называется одно из значений упомянутого признака (параметра), например: «категория винительного падежа», «категория неодушевленности», «категория совершенного вида», «категория глухости», «категория состояния» [Там же: 215].

В нашем исследовании рассматриваются в основном категории процессуальности, операциональности, завершенности, категории «рефлексия» и «оценка», содержательные текстовые категории (характеризующие и ключевые слова) в сочетании с такими иррациональными категориями, также имеющими отношение к мыслительному процессу, как спонтанность, стихийность, резкий переход от одной мысли к другой, озарение, чувствительность, духовность и т.п.

Е.С. Кубрякова, будучи основателем когнитивно-дискурсивной парадигмы знания в отечественной лингвистике, отличающейся от зарубежной когнитивной лингвистики синтезом семиотического, когнитивного и дискурсивного, приводит слова Л.В. Правиковой, которая, упомянув о том, что стимулировало появление когнитивной лингвистики изучение когнитивной деятельности, мышления, процессов познания, определяет ее место в системе уровней языка тем, что в целом она занимается исследованием содержательных

параметров языка, включающие такие области, как когнитивная, пространственная и фреймовая семантики. «Это изучение категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации, референции, информационных аспектов речевой деятельности (выдвижение, активация, фигура-фон), ментального языка и др.» [цит. по: Кубрякова, 2001 (а): 5-6].

Концепт, представляющий собой «квант знания», – основной объект изучения и значимая единица когнитивной теории, для постижения которой необходима ментальная информация, интерпретируемая Е.С. Кубряковой как основа сознания человека и формирующие его [Там же: 7]. Еще в 1967 году П.В. Чесноков установил, что для лингвистики «познавательным необходимым следует признать прежде всего **концепт**, ибо всякий мыслительный процесс должен состоять из каких-то минимальных, далее неделимых отрезков. Необходимым в познавательном отношении является также и **понятие**, так как познание фактов действительности требует рассмотрения их как особых объектов, противостоящих другим таким же объектам, а в структуре каждого мыслительного акта должен быть по крайней мере один исходный компонент, не раскрывающий отношения между своим содержанием и содержанием других компонентов» [Чесноков, 1967: 38-39].

Однако вопрос о соотношении понятия и концепта в лингвистике не является решенным. Некоторые ученые их отождествляют, другие разводят их по разные стороны и обосновывают разницу, третьи полагают, что понятие является одной из разновидностей концепта. Так, например, ряд ученых, в частности З.Д. Попова, И.А. Стернин, Т.В. Быкова, называют три вида концептов: представления, гештальты (их разновидностями являются фреймы и сценарии) и понятия [Попова, Стернин, 2002: 56-58]. Основываясь на содержании и степени абстрактности, Н.Н. Болдырев выделяет следующие разновидности концептов: это гештальт, прототип, конкретно-чувственный образ, схема, представление, понятие, пропозициональная структура, сценарий, фрейм [Болдырев, 2001].

Для нашего исследования не является принципиальным разграничение понятия и концепта, тем более что нередко оба этих термина объединяются в такой структуре, как «концептуализированное понятие» (см., например, обоснование данного термина и научную базу для этого в работе [Логина, 2017]).

Из широкого разнообразия дефиниций понятия «концепт» наиболее релевантными для целей данной работы представляются определения и разработка понятия «концепт», предложенные Е.С. Кубряковой, В.И. Карасиком, И.А. Стерниным, С.Г. Воркачёвым, представляющие собой основные позиции современной лингвокогнитивистики и линвокультурологии, так как, если не рассматривать исследования, в которых «понятие» и «концепт» представляются тождественными, подходы к пониманию концепта, существующие в лингвистике, могут быть сведены к лингвокогнитивному и линвокультурному осмыслению этих явлений [Воркачёв, 2003].

В линвокультурологии под концептом понимается единица «ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике... Концепт рассматривается как связующее звено между мышлением и языком; как единица сознания и отражающая человеческий опыт информационная структура» [Кубрякова, 1995: 90]. Некоторые концепты имеют вербализованное воплощение, некоторые же представляются подсознательными образами, очертаниями, изображениями [Там же: 92].

В.И. Карасик отмечает, что «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик, 2004: 117].

Это положение развивает И.А. Стернин. По его мнению, концепт есть дискретное образование, которое представляет собой базисный компонент мыслительного кода человека, имеет сравнительно упорядоченный внутренний строй, включает в себя накопленные обществом результаты познавательной (когнитивной) деятельности и «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, 2005: 257].

Важно также и то, что концепт – это элемент сознания [Сергеева, 2004].

С.Г. Воркачѳв представляет следующие составляющие концепта:

- 1) коммуникативно-значимые сведения о концепте, его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи,
- 2) прагматический аспект языкового знака,
- 3) лингвокультурную основу, демонстрирующую языковую картину мира представителей определенного этноса, «когнитивную память слова», т.е. семантику языкового знака, основанную на его функции, назначении и совокупности духовных ценностей и основ языка) [Воркачѳв, 2003: 66-70].

Духовное связано с рациональным в наибольшей степени по отношению к русскому менталитету. Это отмечают В.В. Колесов и М.В. Пименова, особо подчеркивая принадлежность «менталитета» (русский вариант – «ментальность») к сфере разума. При этом «ментальность» русской лингвистической традицией воспринимается как компонент сферы духовности, которая так же подразумевает восприятие и понимание мира, но с превалированием идеальных, моральных, возвышенных аспектов [Колесов, Пименова, 2011: 19].

На вопрос, какими средствами языка репрезентируется концепт, ученые дают исчерпывающие ответы, суть которых сводится к следующему: лексема имеет семантику, в состав которой входят семантические компоненты; концепт – содержание, в котором можно выделить концептуальные признаки. «Анализ "от семантики слова к содержанию концепта" позволяет через анализ

сем различного типа, актуализирующихся в различных употреблениях слова, вычленив концептуальные признаки, образующие содержание концепта» [Фаткуллина, Сулейманова, Гибадуллина. Электронный ресурс]. Концепт вербализуется посредством слов, их сочетаний, фразеологических единиц, предложений, текстов – как по отдельности, так и в совокупности использования таких средств. Передача некоторых концептов реализуется за счет целых текстов или нескольких произведений одного или разных авторов, поскольку требуется осознание множества условий, определяющих корреляцию и взаимосвязь составляющих этих концептов [Там же].

Д. Поповой и И.А. Стерниним приводятся входящие в состав семантического поля номинанта концепта языковые средства, способствующие его истолкованию в результате лингвокогнитивного анализа:

1) прямые номинации концепта (анализируется номинант концепта – ключевое слово, выбираемое исследователем, служащее выражением имени концепта и поля, и его синонимы); 2) производные номинации концепта (переносные, производные); 3) однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта; 4) контекстуальные синонимы; 5) симиляры (под симилярами – термин А.А. Залевской – понимаются выявляемые экспериментально лексемы, близкие по семантике в языковом сознании испытуемых, хотя они и не являются синонимами в традиционном смысле, например, газета и журнал); 6) окказиональные индивидуально-авторские номинации; 7) фразеосочетания, включающие имя концепта; 8) устойчивые сочетания слов, синонимичные ключевому слову; 9) паремии (поговорки, пословицы, афоризмы): важно учитывать, что они не всегда гармонируют с соответствующим времени типом сознания, и то, насколько установки, выражаемые паремиями, разделяются современным сознанием носителей языка, требует проверки; 10) устойчивые сравнения с ключевым словом; 11) метафорические номинации (например, к концепту сердце – *сердце плачет, радуется, разрывается* и под.); 12) свободные словосочетания, номинирующие

те или иные признаки, которые характеризуют концепт и под. [Попова, Стернин, 2002: 69-71].

В.В. Колесов полагает, что, становясь «реальностью национальной речемысли», концепт является направляющим мысли, «создавая потенциальные возможности языка-речи» [Колесов 2004: 59].

Л.Б. Никитина называет три характерных для русского языка значения лексемы *мысль*: 1) способность к рассуждению, размышлению; 2) мыслительный процесс; 3) результат размышления. При этом границы между этими значениями в речи зачастую сглаживаются, например, в высказывании «*Эта мысль мучила его всю дорогу*» мысль является процессом (размышлением), результатом (продуктом, итогом размышления) и способностью, так как именно мысль здесь обуславливает и процесс, и результат [Никитина, 2005: 384]. И.М. Кобозева приводит большее количество значений: «Имя *мысль* может обозначать: 1) процесс мышления (ср. 1-е значение слова *мысль* в словаре Ожегова [Ожегов, 1990], приведение *мысли* в качестве синонима к *мышлению* в словаре Александровой [Александрова, 1975], например: *Трудно было проследить нить его больной свихнувшейся мысли*); 2) инструмент мышления (ср. *Его мысль постоянно работает. Силой своей мысли он преодолел пространство и время.*); 3) идеальный объект – содержание недифференцированного ментального состояния (ср. 3 и 4-е значение по словарю Ожегова): *Мысль, что сын подвергается опасности, не давала ей покоя. О бедность! Какими ты гнусными и подлыми мыслями наполняешь сердце человека*; 4) результат ментального действия, ср. *Он пришел к мысли о необходимости введения президентского правления*); 5) область, где разворачиваются ментальные действия (ср. *В мыслях он видел себя министром*); 6) философия как некоторая совокупность результатов ментального действия (ср. *Объектом его анализа была русская мысль первой половины XX в.*)... Кроме того, имя *мысль* переносится и на связанный с фреймом мысли фрейм семиотической, или информационной деятельности, где выступает в качестве имени, обозначающего информацию, заключенную в

сообщении (ср. *Постараюсь донести от вас основную мысль его выступления*)» [Кобозева, 2000: 170-171].

Чрезвычайно важным считаем положение, сформулированное Е.П. Бондаревой, оно является связующим звеном между мыслью, концептом и языком: «*Мысль* – это номинант концепта, с помощью которого концепт чаще всего актуализируется в языке» [Бондарева, 2005: 39].

В связи с этим вполне логичным представляется, что в числе разнообразных концептов языковеды должны обратить пристальное внимание и на сам **концепт «мысль»**.

В отношении концепта «мысль» учеными-когнитологами были выявлены как универсальные, так и национально-специфичные черты. Мыслительное (ментальное) пространство языка есть все то, что в языке делает возможной реализацию мысли (ментальных усилий, сопровождающих их процессов и результатов), его возможно подразделить на отдельные единицы, мыслительные пространства, которые в большой степени обуславливаются национальными особенностями конкретной лингвокультуры. Значительное количество языковых единиц и концептов, репрезентирующих мыслительный процесс, в ряде языков, включая русский, имеют как тождественные черты, оттенки значения, так и национальную и индивидуальную специфику (ментальные стереотипы) [Телегина, 2011: 159].

Выяснилось, что русская «мысль» – многослойное, полифункциональное и полиструктурное понятие: во-первых, словообразовательное гнездо одноименного концепта, представленное в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова, имеет многоуровневую сложную структуру и включает в себя 215 лексических единиц [Тихонов, 1981, Т. 1]. Во-вторых, «мысль» имеет пять сопутствующих метафорических значений: 1) одушевленное существо, человек, женщина; 2) жидкость, водоем; 3) продукт питания; 4) насекомое; 5) вытянутый заостренный предмет. Нередко мысль соотносится с сумбурным движением, часто рассматривается как артефакт,

чужеродный предмет, восприятие которого требует приложения умственных усилий [Складчикова и др., 2000: 141].

Опираясь на работы А. Вежбицкой, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, Н.Д. Арутюновой, Е.А. Пименова, М.В. Пименовой, А. Зализняк, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелева, в процессе исследования концептосферы, актуализации признаков концепта «мысль» в языковой картине мира, Е.П. Бондарева обнаруживает, что взаимодействие «язык – человек» является главным в этой картине: человек в зависимости от обстоятельств в языке может быть представлен как субъект речи (говорящий), субъект сознания, воли, эмоций, восприятия и т.д.» [Бондарева, 2005: 18]. Исследователь приводит список ключевых концептов русской языковой картины мира, которая содержит труднопереводимые слова, включая концепт *мысль* [Там же: 17]. Он является лингвоспецифичным: несмотря на то, что его аналоги есть во многих языках, они отличаются оттенками значения, которые являются значимыми для каждой конкретной культуры. Е.П. Бондаревой представлены и описаны витальные, антропоморфные, зооморфные, вегетативные, предметные, гастрономические, стихийные, пространственные, временные признаки, формирующие концепт «мысль».

В настоящее время когнитивная лингвистика имеет уже много ответвлений. Одно из них – изучение синтаксических концептов. При их изучении М.М. Булынина особое значение придает глаголам, рассматривает отдельные глагольные слова в рамках значения и грамматических категорий. «Глагол “задает тон” суждению, является его прототипом, копрессированной моделью структурной синтаксической схемы, обеспечивает собственное лексическое окружение» [Булынина, 2004: 189].

Не вызывает сомнения тот факт, что в русской языковой картине мира широко представлены ментальные процессы и различные типы мыслительной деятельности, мышление и интеллект. Согласно исследованиям Анны А. Зализняк, они выражаются глаголами *представлять, воображать, считать, полагать, осознавать, понимать; осенить, дойти <до кого-то>*;

догадываться, знать, верить, подозревать, запоминать, помнить, забывать; существительными *интуиция, озарение* и т.д. «Интеллектуальная деятельность локализуется в сознании (уме, голове) и выполняется ими же» [Зализняк Анна А. Электронный ресурс]. Анна Зализняк проводит анализ метафорической сочетаемости русских концептов, например, таких как размышления и воспоминания, которые могут нахлынуть или в которые можно погрузиться (связь с водной стихией) [Там же].

И.Б. Шатуновский обращает внимание на необходимость изучения знания, мнения и веры не только с точки зрения философии, но с учетом лингвистической значимости. Исследуя глаголы с когнитивным значением *знать, думать, полагать, верить*, он акцентирует внимание на том, что национальное мышление обусловлено структурой определенных языков [Шатуновский. Электронный ресурс].

В последнее время лингвистическое изучение мышления становится все более актуальным [Федотова, 2011]. Вероятно, новым импульсом к этому послужило исследование Дж. Лакоффа [Лакофф, 2004]. В ряду отечественных ученых Н.М. Сергеева изучает роль концептов «ум», «разум» в русской языковой картине мира [Сергеева, 2004], а Л.Б. Никитина в аналогичном исследовании – образа-концепта «мысль» [Никитина, 2005], исследование Е.Н. Руденко посвящено семантике глаголов мышления [Руденко, 2004], работа Т.А. Кадоло – русским ментальным глаголам в аспекте полиситуативности [Кадоло, 2004], С.А. Рахматова изучила глаголы мышления таджикского и русского языков, их структурно-семиотическую специфику [Рахматова, 2004], М.В. Пименова исследует разновидности концептуализации рассудка и способов объективации его признаков в русской языковой картине мира [Пименова, 2005]. И.В. Кириллова исследует лингвокультурологическую специфику когнитивной оппозиции УМ – ГЛУПОСТЬ в русской языковой картине мира на материале различных словарей, пословиц, поговорок и народных сказок [Кириллова, 2012]. Кроме того, исследованию концептов УМ, РАЗУМ, МУДРОСТЬ за два последних десятилетия посвятили свои работы

Л.Н. Горянова (2012), Е.В. Дзюба (2003), Е.И. Зиновьева (2008), О.Н. Кондратьева (2004), М.В. Пименова (2004, 2008), Е.О. Тарасенко и С.А. Тарасенко (2011), В.В. Тугарева (2011), Л.Б. Ябжанова (2010) и др. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека отражена А.В. Крюковым (2005) и Т.В. Леонтьевой (2003). Р.В. Лопухина исследовала влияние мыслей, обусловленных этносом, на синтаксис предложения [Лопухина, 2005], Л.И. Кондратенко был выполнен лексико-семантический анализ глаголов, обозначающих интеллектуальную деятельность, и представлена их классификация [Кондратенко, 2005], Л.В. Чалабаева отразила данные исследования категории принятия решения [Чалабаева, 2006], А.С. Усачева представила глаголы, обозначающие интеллектуальную деятельность, в качестве формально-содержательного показателя идиостиля [Усачева, 2007]. С.В. Калашникова, опираясь на данные о типах мышления языковой личности А.А. Алексеева и Л.А. Громовой, отметила влияние стиля мышления (синтетического, идеалистического, прагматического, аналитического, реалистического) на лексические составляющие аргументативного дискурса [Калашникова, 2007]. Е.В. Дзюба исследует концепт «ум» в русской, английской и немецкой лингвокультурах на материале паремий и опроса информантов [Дзюба, 2011]. Е.Н. Рядчикова анализирует проблемы языкового сознания, коммуникативного сознания языкового мышления и их осмысление в когнитивистике [Рядчикова, 2011]. Е.Н. Рядчикова и О.В. Телегина посвятили свое исследование семантико-когнитивным особенностям представления ментальной сферы в языке произведений Дж. Роулинг о Гарри Поттере [Рядчикова, Телегина, 2011]. О.В. Телегина произвела сопоставление ментального пространства языка, которое отражает как реальный мир, так и «возможные» миры; с точки зрения когнитивистики и прагматики определила типы и средства, с помощью которых «возможные» миры оказывают влияние на бытие, мышление и язык, опираясь на данные языка фантастических произведений [Телегина 2011]. Ряд исследований посвящен изучению феноменологии и лингвокогнитивного

моделирования афоризмов, выражающих мыслительную активность [Рядчикова, Хачемизова, 2013; Рядчикова, Тхакушинова, 2017 (а)].

Динамика научного подхода к мышлению и к ментальному пространству языка представлена в работе [Рядчикова, Тхакушинова, 2017 (а)].

Итак, лингвистами было предложено множество подходов к определению понятия мысли. Наиболее актуальной для нашего исследования считаем характеристику, данную В.З. Демьянковым и Е.С. Кубряковой, которые представляют **мысль** как концептуальную систему человеческого сознания, основанную на четырех типах когнитивных моделей: пропозициональных, схематических (образных), метафорических и метонимических. «Мысль образна: концепты, не прямо основанные на опыте, используют метафору, метонимию и “ментальную образность”, что выходит далеко за рамки зеркального отражения, или репрезентирования, внешней реальности; мысль обладает гештальтными свойствами, а потому не атомистична; концепты имеют общую структуру, выходящую за пределы простого соположения (по фиксированным правилам) понятийных “строительных блоков”; мысль – нечто большее, чем механическое манипулирование абстрактными символами и обладает экологической структурой: эффективность когнитивной переработки (например, при обучении и запоминании) зависит от общей структуры концептуальной системы и от того, какие именно понятия из нее задействованы в данный момент» [Демьянков, Кубрякова, 1996: 57].

Методы изучения концепта разнообразны.

Наиболее разработанным и близким к целям и задачам нашего исследования представляется метод концептуального анализа, сформулированный в работах М.В. Пименовой и ее научной школы: прототипом применительно к исследованию концептов считается тот репрезентативный образ, в котором отображаются все характерные для концепта признаки. Те из них, которые представлены в языке как устойчивые и свободные сочетания, считаются типичными; окказиональные признаки, встречающиеся у конкретных авторов, могут быть рассмотрены как

периферийные [Пименова, 2002: 102]. Обладая присущими ему особенностями, концептуальный анализ не лимитирован строгими приемами исследования и дает возможность проанализировать и языковые, и этнокультурные особенности номинантов изучаемых концептов. Основополагающий способ концептуального анализа предполагает дифференцирование и описание концептуальных признаков, построенное на том, что когнитивную категоризацию определяет самый заметный признак. Также значимым в концептуальном анализе является «“механизм” образования когнитивных моделей» [Сергеева, 2004: 10].

Помимо этого, в лингвистической литературе имеется довольно значительное количество различных методов и приемов изучения концептов, концептуальных систем. Е.П. Бондарева сводит основные из них в следующий список:

1. Изучается этимологическая память номинанта концепта: определяются изначальные значения этимона, исследуются пути формирования и становления значений, вследствие чего раскрывается значимость исследуемого концепта в русской языковой картине мира.

2. Метод компонентного анализа основывается на изучении словарных дефиниций номинанта концепта, в процессе которого выявляются наименьшие семантические единицы – семы, в которых отражаются понятийные признаки концепта, ввиду чего семема реализуется в ряде сем, которые, актуализируясь во множестве контекстов, образуют понятийную основу концепта.

3. Изучение метафорической сочетаемости номинанта концепта является одним из приемов метода концептуального анализа, системы кодов культуры. Такое исследование способно раскрыть образные признаки концепта.

Одним из основных приемов концептуального анализа, как указывает Е.П. Бондарева, является интерпретация высказываний с номинантом концепта. Благодаря этому лингвист может способствовать дополнению представленных в лексикографических источниках данных, внести вклад в обогащение содержания концепта путем добавления новых и новых компонентов в его

структуру. Определить основные черты процессов концептуальной репрезентации в языковой картине внутреннего мира позволяет рассмотрение метафор, поскольку метафора является важным механизмом, при помощи которого можно осознать и оценить абстрактные понятия, которые относятся к сфере внутреннего мира человека [Бондарева, 2005: 41].

4. Признаки, формирующие структуру концепта мысль, вносятся в таблицы с указанием процента исследуемого признака от общего числа языковых единиц и конструкций, объективирующих различные признаки [Бондарева, 2005].

Е.П. Бондарева в своем исследовании основной акцент в плане методики изучения концепта делает на рассмотрении сочетаемостных свойств номинанта концепта, а для выявления признаков, формирующих структуру концепта *мысль*, синтагматической сочетаемости подвергает анализу слова с корневой морфемой -мысл-; с целью актуализации, конкретизации, пополнения информации о концептуальных признаках рассматриваются и другие средства языка, с помощью которых возможна объективизация концепта [Там же: 39].

Концептуальный анализ близок к семантическому. Как отмечает Е.С. Кубрякова, семантический анализ предполагает описание семантической структуры слова, дает характеристику значений, участвующих в ее реализации (денотативных, сигнификативных и коннотативных). Для проведения концептуального анализа необходимо выявить концепты, вербализованные с помощью единого знака и обуславливающие бытование знака «как известной когнитивной структуры» [Кубрякова, 2001 (б): 31]. Различие между ними заключается в том, что семантический анализ основан на объяснении значения слова, концептуальный анализ рассматривает систему знаний о реальности и мире [Сергеева, 2004: 12].

В своих дальнейших исследованиях, затрагивающих концепт, мы будем применять указанные выше методы и приемы.

Помимо концептуального анализа, в науке XXI века активно набирает обороты ментальный подход и ментальные технологии – «это новаторский и

глубокий подход изучения, понимания и влияния ментальности в самых разных сферах человеческой реальности. Это подход, обращенный к самым фундаментальным основаниям всего, что хотят, думают, чувствуют и делают люди, к основанию всего, что с ними происходит, всех решений и событий. Это технологии, позволяющие осуществить глубокое воздействие на все аспекты гуманитарной реальности, предполагающее ее качественное, содержательное изменение посредством коррекции смысловой матрицы, а также инсталляции новых идей и смыслов в качестве оснований любой осознанной активности и деятельности» [Мурашов. Электронный ресурс].

Исследователи-когнитологи выделяют ментальную сферу как область, относящуюся к сознанию, и когнитивную сферу как область, относящуюся к познанию. В частности, согласно Е.С. Кубряковой, когниция – это познание и связанные с ним структуры и процессы во всех аспектах его получения, хранения, переработки и т.п. [Кубрякова, 1996: 58; Кубрякова, 2001 (а)].

Е.Н. Рядчикова обосновывает правомерность объединения понятий «когнитивная сфера» и «ментальная сфера» в обобщающем термине «когнитивно-ментальная сфера», называет в качестве описательной базы системы языковых средств, принадлежащих данной сфере, семантический принцип группировки, отмечает возможность репрезентации этой сферы посредством единиц языка различных уровней, разнообразных концептов и говорит об обусловленности ее лингвистическими и экстралингвистическими знаниями и представлениями автора текста, что обнаруживается во внешних (это лексическая, морфологическая и синтаксическая программы текста) и внутренних компонентах текста. В числе последних фигурируют смысловая (базируется на отношении «автор – текст»), семантическая (обеспечивается работой сознания по анализу окружающей действительности с целью последующей вербализации ее фрагментов) и когнитивная (состоит из когнитивных сфер) программы текста [Рядчикова, 2017: 122]. Исследователь постулирует, что «в когнитивно-ментальной сфере объединены процесс познания и его результаты, а также процессы сознательного и бессознательного

мышления, психической деятельности индивида и оязыковления, вербализации. Это своего рода конгломерат познавательной и рече-мыслительной деятельности языковой личности с присущей ей психическими особенностями, прагматическими установками и идиостилем. Различные когнитивно-ментальные сферы, такие, как, например, “мыслительная активность”, “психическая активность”, “психические состояния”, “эмоциональные состояния”, “ментальные установки” и другие, базирующиеся на сознательной и бессознательной деятельности мозга человека, могут объединяться в когнитивно-ментальные пространства при условии их “овнешнения”, репрезентации средствами языка и речи» [Рядчикова, 2017: 123].

Мы также разделяем мнение Е.Н. Рядчиковой о том, что наиболее удачным третьим компонентом вводимого термина является именно «сфера», а не «поле» или «сеть», которые предполагают иерархическую структуру компонентов, отношения подчинения, тогда как в сфере составляющие ее компоненты свободны от стратификационных отношений.

Добавим, что отличие когнитивно-ментальной сферы от концепта заключается, как нам представляется, в том, что в такую сферу, помимо всего того, что составляет концепт как совокупность признаковости и содержательности значений, входит также и **область действий, процессы** – деятельностные, операциональные (последовательные, параллельные и иерархические и т.п.), включая процесс порождения речи, а также такие процессуальные категории, как рефлексия, мотивация принятия решения и высказывания и т.п. Кроме того, в сферу включаются и **ментальные состояния** (*вера, стремление, восхищение, одобрение, прощение, уважение, разочарование, презрение, виновность, знание, убеждение, воображение, память* [Пименова, 1996], *желание, намерение, цель, решение* [Красина, 2001: 99]. (О концептуализации ментальных актов и состояний в русском языке см. также: Плива, 2005). Соответственно, в сферу включаются также и языковые единицы, понятия, концепты, образные средства, языковые и речевые приемы, репрезентирующие таковые процессы, операции и категории.

В силу того, что в процесс мышления вовлекаются все наши знания и что сознание воспроизводится в процессе мышления, за счет чего постоянно пополняется мыслительная деятельность [Фесенко, 2004: 113], мышление включает в себя комплекс когнитивных процессов, базирующихся на знаниях человека и предполагающих работу психики, направленную на переработку информации [Козлов. Электронный ресурс].

Признаком входа человека в ментальную сферу являются «суждения субъекта, в которых он переходит от высказывания рассуждения о себе и своих размышлениях, впечатлениях, переживаниях, экзистенциональных или психических, или физических состояниях к суждениям “вообще”», которые не относятся к нему лично, но предписывают «должное», на его взгляд, мышление или поведение [Мурашов. Электронный ресурс]. Е.Н. Рядчикова отмечает, что это дает возможность изучать то, каким образом, с помощью каких языковых средств писатель представляет на страницах своих произведений процессы мышления персонажей, которые, как известно, в подавляющем большинстве случаев выдуманы автором, являются результатом его собственной когнитивно-ментальной деятельности. «Автор разрабатывает систему представлений о том, как, по его мнению, должен думать и излагать свои мысли тот или иной герой» [Рядчикова, 2017: 122].

С учетом этого считаем, что есть все основания понятийную сферу «мыслительная активность» представить как сферу когнитивно-ментальную, поскольку она также базируется на накопленных знаниях и на оперировании с ними, объединяет процессы и результаты сознательного и бессознательного мышления, психической деятельности автора текста, его прагматические установки и идиостилевую вербализацию посредством единиц языка различных уровней, концептов; обуславливается лингвистическими и экстралингвистическими знаниями и представлениями автора текста; обнаруживается во внешних и внутренних программах текста.

1.2.2. Языковые средства выражения мыслительных операций и их этапов

Многие лингвисты предпочитают различать внутри мышления собственно мышление и мыслительный процесс. П.В. Чесноков подразумевает под мышлением фиксированные мысли, сохраненные в сознании отображения предметов, картин реальности, их свойств и корреляций, воспринимаемые и воспроизводимые как неделимое единство. Мыслительный процесс – это определенная когнитивная деятельность, процесс появления, развития, объединения, дробления, взаимовлияния и замещения мыслей, происходящий в соответствии с определенными правилами. Также мыслительный процесс включает в себя нефиксированные мысли, промежуточные результаты работы мышления, непостоянные, не закреплённые в сознании, предполагающие дальнейшее совершенствование.

Мыслительный процесс возможен только во взаимосвязи с мышлением. При этом мышление происходит посредством мыслительных процессов, подтверждая факт реализации общего через частное. Изменения, происходящие в мышлении, обуславливаются появлением новых составляющих мыслительного процесса, которые в дальнейшем фиксируются в сознании человека [Чесноков, 1967: 39].

Нам представляется, что неправомерно разграничивать собственно мышление и мыслительный процесс, поскольку и то, и другое – не статичны, а динамичны: и мышление, и мыслительный процесс относятся к континуальности, к области действия.

В мыслительной деятельности возможно выделить различные фазы, позволяющие проследить изменения, происходящие в определенном порядке, соответствующие динамичности мышления, выявить промежуточные результаты исследования и получения новой информации, представляющей собой то, что именно меняется в самой мыслительной информации, добываемой в этом процессе [Веккер, 1998: 252]. Затем необходимо определить, как именно происходят эти изменения, какие средства

задействуются для осуществления поиска и как достигается промежуточный и окончательный в пределах определенной задачи результат.

Перечислим основные мыслительные операции:

1. Сравнение, описывающее сходные и различные черты сопоставляемых объектов.
2. Анализ – происходящее в процессе размышления дробление целостной структуры изучаемого объекта на составляющие.
3. Синтез – мысленное воссоединение частей в целостную структуру.
4. Абстракция и обобщение, выявляющие глобальные признаки, свободные от частных, незакономерных и поверхностных «наслоений».
5. Обратная по отношению к обобщению операция – конкретизация, осуществляющая восстановление всей полноты индивидуальных особенностей рассматриваемого объекта [Веккер, 1998: 153].

С.Л. Рубинштейн подчеркивает, что все эти мыслительные операции представляют собой реализации различных аспектов основополагающей операции мышления – «опосредования», предполагающей выявление имеющих наибольшую значимость объективных связей и отношений [Рубинштейн, 1988].

Ссылаясь на многочисленные исследования П.Я. Гальперина, который описал порядок протекания мыслительных операций, выделив материальное действие с вещами или изображениями в качества основы, определяющей изначально оформленное внешней, а затем и внутренней речью, оперирование такими разноуровневыми предметными психическими структурами, как восприятие, представление, понятие, Л.М. Веккер указывает, что последний уровень – понятие – и составляет высшую форму умственного, «идеального» действия [Веккер, 1998: 254].

Мыслительная деятельность входит в состав национальной языковой картины мира. Носители русского языка оценивают способность осуществления мыслительной деятельности. Наличие такой способности, воплощающееся в глаголах *думать*, *соображать*, *размышлять*, считается

нормой; ее отсутствие или утрата – временная или окончательная – признается нарушением нормы (глаголы *спятить, сойти с ума, свихнуться, чудить*); «качество мыслительной деятельности (“мгновенное” мышление, или “быстрый ум”, воплощается в семантике глаголов *сообразать, схватывать (на лету)*, “медленное” мышление, или “медленный ум” – в семантике глаголов *рассуждать, тормозить*)» [Кадоло, 2004: 63]. Положительное восприятие, отражающееся в семантике глагольных лексем, вербализующих качества «быстрого ума», заставляет задуматься о его важной роли в формировании русской национальной языковой картины мира. Еще одной особенностью русского национального сознания, как отмечает Л.Б. Никитина, является то, что в русском языке в каждом из значений лексема «мысль» всегда характеризуется «опредмеченностью». «Опредмеченная» **мысль** характеризуется особенным размером (*мыслишка, мыслица, огромная мысль*), степенью глубины (*глубокая мысль, мелкая мысль*), ширины (*широкая мысль, узкая мысль*), высоты (*высокая мысль, возвышенная мысль*), веса (*тяжелая мысль, легкая мысль*), рельефа (*плоская мысль*), цвета (*светлая мысль, черная мысль*) и т.д. [Никитина, 2005: 385].

Л.Б. Никитина, изучив сравнения и ассоциации, приходит к выводам о том, что в русской языковой картине мира мысль очеловечивается [Там же: 386], представляется как летучее вихреобразное подвижное существо, резкое и порывистое [Там же: 387], получает новую систему наименований, определений и глагольных характеристик. Она может быть связана с определенным местом расположения, в силу чего внутренняя интеллектуальная жизнь человека отражается в русской языковой картине мира так же динамично, изменчиво, открыто для описания разнообразных характеристик, как и жизнь внешняя, которая дана в непосредственных ощущениях. «Мысль манифестируется в языке по образу и подобию объектов внешнего мира, в том числе целостного человека» [Там же: 388]. Наблюдения Е.П. Бондаревой показали, что согласно толковым словарям значение лексемы «мысль» формируется на основе нескольких семантических составляющих: 1. ‘процесс

мышления», 2. «результат мыслительного процесса», 3. «заполнять сознание», 4. «взгляды», 5. «область знаний» [Бондарева, 2005: 49]. Образные признаки концепта «мысль» делятся на девять групп: стихийные; витальные; антропоморфные, имеющие в своем составе гендерные, социальные, эмоциональные, ментальные признаки; зооморфные; вегетативные; предметные, подразделяющиеся на артефактные; гастрономические; пространственные; временные [Там же: 57–58]. Исследование Е.В. Дзюба относительно концепта «ум» позволило выявить то, что в русской ментальности умственные способности оцениваются очень неоднозначно ввиду противоречивых особенностей русского национального сознания и разнообразия обстоятельств, в которых возможно применить когнитивные навыки [Дзюба, 2011: 139].

Мыслительная деятельность в основном сводится к процессу познания. Из каких составных частей он состоит, посредством чего вербализуется?

Как отмечают В.Г. Сидоров и Л.И. Сидорова, такие субъективные формы отражения действительности, как ощущение, восприятие и представление делают возможной реализацию процесса познания, они определяют появление логической составляющей, опирающейся на понятия, суждения и умозаключения. Понятие может выражаться как словом, так и предложением. Однако, несмотря на кажущиеся сходства понятия и значения слова, они не идентичны, но при наиболее полной широте охвата свойств, отношений и связей субъекта во время мыслительного процесса «содержание слова все более полно будет совпадать с понятийным выражением денотата» [Сидоров, Сидорова, 2007: 142].

Р.В. Лопухина утверждает, что язык есть синкретичный сплав языковых и логических форм [Лопухина, 2005: 17], а «мышление не просто реализуется и существует в соответствующих формах мысли, а реализуется именно в определенных синтаксических формах, в которых выражены формы мысли» [Там же: 16].

Итак, мысль, мышление по природе своей процессуальны, имеют динамическую природу. Р.В. Лопухина отмечает, что этнически обусловленное мышление выступает в качестве динамической ипостаси, сознание – накопительно-оценочной ипостаси, а этнический язык – как ипостась инструментальная и коммуникативная. Динамика мыслительного процесса выражается в непрерывности происходящего в мозгу человека порождения мыслей, вызываемого получением и переработкой информации. «Мышление, таким образом, – это своеобразный вечный двигатель ментально-лингвального континуума, его энергетический двигатель, который “включается” с рождением человека и “выключается” только в момент смерти его мозга. В самом общем виде этнически обусловленное мышление представляет собой протекающий в мозгу языковой личности процесс выделения сущностей (объектов) и приписывания им атрибутов, акциденций и предикатов» [Лопухина, 2005: 11-12].

В свою очередь, в мыслительном процессе выделяется ряд составляющих динамических процессов. Так, в последние годы в лингвистике **мотивация** рассматривается как **мыслительный процесс**. Необходимость формирования и развития науки лингвопсихологии отмечает С.А. Сухих, выделяя в качестве объектов ее изучения законы корреляции сфер мотивов или смысла с системой знаний или соотнесение с семантической сферой жизнедеятельности человека, а также с формальным уровнем опосредованной реализации вышестоящих сфер – смысла и знаний. «В данном направлении лингвопсихология граничит с психосемантикой, или семантикой субъективного мира» [Сухих, 2001: 29]. (См. также Чернова, 1996; Ильин, 2000; Зализняк Анна А., 2001; Чернова, 2002). Языковые средства, обозначающие ситуации, в которых деятельность человека имеет направленность на достижение цели, исследованы С.В. Черновой. Мыслительный процесс представлен в следующих ситуациях: замысел, представляющий собой мотив, направляющий действие, выражается глагольными лексемами *задумать, вздумать, придумать, замыслить, надумать*, и др.; заинтересованность лица в реализации и исполнении

задуманного – *думать, мечтать, предполагать* и др.; принятие решения (*решить*) и операционно-технический аспект целенаправленной деятельности [Чернова, 2005].

1.2.3. Лингвистическое изучение репрезентации мышления в языке классиков русской литературы

В последние годы усиливается внимание лингвистов к анализу лексических и концептуальных единиц, связанных с мыслительной и интеллектуальной деятельностью героев русской литературы. Особый интерес представляют те явления и процессы, которые имеют обозначения в тезаурусе конкретного языка. Таким образом, размышление, принятие решения и общение обусловлены лингвистической подготовкой.

Разграничение процессов психической деятельности дает лингвистике возможность классифицировать глагольную лексику чувства, восприятия, мышления, сознания, ощущения, внимания, знания, памяти и другие. Однако вопрос о том, существует ли «мозговой код» мышления, до сих пор остается открытым. Хотя именно такой материализованный код, по мнению ученых, стал основой формирования человеческого разума, мышления, внутреннего мира, сознания.

Проблемы ума, находчивости рассматриваются в языкознании сквозь призму культурных доминант, поскольку способность к мышлению и различного рода специфика этой способности в картине мира играет одну из важнейших, определяющих ролей, входит в число ценностных приоритетов, культурных доминант каждой нации, в состав национальной языковой картины мира [Федотова, Рядчикова, 2017: 122].

Вопросы мышления и его вербализации связаны с проблемой интеллекта, то есть умственных способностей человека, совокупности характеристик поведения, определяющих степень успешности адаптации к новым жизненным условиям и задачам. Интеллект базируется на способности мыслить, но не

ограничивается исключительно мышлением. Он представляет собой систему таких познавательных способностей человека, как представления, ощущения, восприятие, память, воображение и мышление [Интеллект. Электронный ресурс]. Лингвистический анализ дефиниций интеллекта в качестве способности к познанию делает возможным выявить в его семантике определенные типы признаков, в том числе когнитивность как направленность на выполнение действий, имеющих отношение к знанию и мышлению. При этом предполагается определенная свобода для исследователя, поскольку «когнитивный подход к анализу как один из путей поиска истины в речевом сообщении делает возможным и вполне закономерным смещение некогнитивных (интенциональных и эмоциональных) и когнитивных (познавательных) элементов как “феноменов духа” автора и читателя и вписывание их в лингвокогнитивную парадигму интерпретации сообщения “о чужом умственном усилии”» [Расторгуева, 2005: 325].

В соответствии с этим для исследования когнитивной картины мира писателя необходимо учитывать национальную специфику, культуру, идеи, литературное направление, психологические особенности автора и героев, словарный фонд и глаголы интеллектуальной деятельности и мышления. Свои исследования таким глаголам посвятили Ю.Д. Апресян [Апресян, 2001], Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1989], Л.М. Васильев [Васильев, 1971, 1981], М.А. Дмитриовская [Дмитриовская, 1985], Анна А. Зализняк [Зализняк, 1991], И.И. Макеева [Макеева, 1993], Е.Н. Руденко [Руденко, 2004], И.Б. Шатуновский [Шатуновский, 1996] и другие ученые. Лингвистический анализ предикатов дает возможность в полной мере раскрыть национальную особенность языка в широком смысле и языка писателя, идиостиль которого требует объяснения, поскольку, по словам В.В. Виноградова, «изучение языка художественного произведения тесно связано с более широкими задачами исследования языка художественной литературы и ее стилей, а также языка того или иного писателя. В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам,

объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [Виноградов, 1959: 169].

Масштабность замыслов и разнообразие художественных средств для их адекватного лингвистического изучения породили понятия «художественный концепт», «концепт художественного текста». Под **концептом художественного текста** Д.В. Колесова предлагает понимать «элемент смысла художественного произведения, который эксплицируется в словах, синонимических и антонимических рядах, фразеологизмах, метафорах, фигурах умолчания и т.п. выразительных средствах» [Колесова, 1995: 10]. По мнению Ю.В. Мироновой, в художественном тексте концепты реализуются с помощью следующих средств: сильных текстовых позиций (заглавия, эпитафия, начала и конца произведения) и таких содержательных категорий текста, как имена собственные и ключевые слова [Миронова, 2003: 10]. Мы поддерживаем приведенные выше мнения, так как к концепту относится и его вербализует все мыслимое мыслительное содержание какого-либо слова, понятия. Концепт вербализуется посредством языка, получает словесную форму, наименование, репрезентируется разноуровневыми средствами языка.

Тенденция к объяснению фактов языка как ментально обусловленных, попытки изучения ментальных процессов средствами языка обнаруживаются еще в XVII в. в «Грамматике общей и рациональной» А. Арно и К. Лансло, в которой представлены два разряда слов: 1) слова, обозначающие предметы мысли (существительные, местоимения, прилагательные, наречия, частицы и артикли); 2) слова, определяющие способ мысли и обозначающие сущность (глаголы, союзы, междометия) [см. Кобрина, 2009: 6].

Современные лингвисты, развивая эти идеи, отмечают, что в числе наглядных реализаций того, что слово представляет собой сумму знаний, накопленных об объекте, который оно номинирует, а значение слова является переходным звеном, связывающим языковой уровень с уровнем сознания, находятся обозначающие ментальные категории состояния и процесса ментальные слова (глаголы, существительные, прилагательные и т.п.

М.В. Пименова отмечает: «Под **ментальными глаголами** понимаются глаголы умственной (ментальной) активности и ментального состояния (ср.: русский: *знать, думать, размышлять, одобрять, полагать, винить*; английский: *think* «думать», *believe* «верить», *comprehend* «понимать», *estimate* «оценивать», *know* «знать», *remember* «помнить»). Ментальные (ср.: англ. *mental* «умственный, производимый в уме, мысленный») глаголы рассматриваются в пределах конструкций, т.е. типовых предложений, в составе которых они выступают в качестве сказуемых или компонентов сложного сказуемого, напр. в сочетании с модальным глаголом (ср.: Ты *должен вспомнить* адрес), безотносительно к их залоговой форме» [Пименова, 1995: 3]. (О глаголах ментального состояния см. также Усачева, 2007.) И.М. Кобозева к ментальным именам относит входящие в ментальное поле имена существительные, значительная часть которых коррелирует по значению с ментальными предикатами, обозначающими действия, состояния и способности. Большинство исследователей отмечен приоритет таких глаголов по сравнению с производными от них существительными [Кобозева, 1993: 97].

Широкий спектр ментальных слов содержится в словаре В.И. Убийко (1998), в докторской диссертации М.В. Пименовой (2001).

За последние годы появилось немало лингвистических исследований, посвященных анализу мыслительной и интеллектуальной деятельности персонажей художественных произведений.

Доминирующими чертами русской ментальности в концептах художественного текста, как показали исследования Ю.В. Мироновой, проведенные на материале рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника», являются долготерпение, претранность, доброта, ум, странничество. Исследователь отмечает, что концепт УМ, представленный в текстах И.С. Тургенева, выражается с помощью следующих слов и словосочетаний, обозначающих характеристики человека: *рационалист; русский мужик с умной речью; умен; человек себе на уме*. Все эти примеры способствуют раскрытию семы «рассудок» и помогают сделать вывод о том, что УМ, как и доброта,

является одной из наиболее значительных ментальных особенностей русского человека [Миронова, 2003: 15]. Художественный концепт УМ, наряду с концептом ДОБРОТА, многослоен. «В художественном тексте И.С. Тургенева данные концепты эксплицируют два типа познания мира: идеалистический и рационалистический» [Там же: 15-16].

Семантика глаголов интеллектуальной деятельности и их функционирование в прозе И.С. Тургенева представлена в работе Л.И. Кондратенко, где автор приходит к выводу об изобразительной возможности глагольной лексики, отмечает ее многозначность, различные типы модальности, определяет ядро и периферию, выявляет семантические и сочетаемостные особенности в идиостиле писателя. «По наличию идентифицирующей денотативной семы было выделено девять подгрупп: 1) мыслительный процесс; 2) представление; 3) полагание; 4) решение; 5) понимание; 6) неправильное понимание / неправильное мнение; 7) знание; 8) память; 9) свойства и интеллектуальные состояния» [Кондратенко, 2005]. Правда, не совсем понятно, почему представление, полагание, решение и т.д. исследователь выносит за рамки мыслительного процесса. Думается, что пункты со второго по восьмой включительно являют собой разновидности мыслительного процесса и должны быть включены в него.

Р.В. Лопухина в докторской диссертации исследует логико-синтаксические парадигмы русского языкового мышления на разнообразном материале, в основном извлеченном из художественных произведений русской литературы XIX–XX веков [Лопухина, 2005].

Отражение в языке поэтов «серебряного века» А. Блока и В. Брюсова восприятия мира человеком исследовано Л.Б. Крюковой [Крюкова, 2006]. Автор рассмотрела взаимосвязь восприятия и мышления, отраженного в языке поэтов «серебряного века», проведя анализ поэтических образов стихотворений А. Блока и В. Брюсова. «На языковом уровне процесс восприятия представлен двунаправленно: от субъекта к объекту и наоборот» [Крюкова, 2006: 13], в стихотворении А. Блока мышление подталкивает автора к восприятию, а

восприятие, в свою очередь, рождает новые мысли, в стихотворении В. Брюсова процесс восприятия рождает и направляет мыслительный процесс героя [Там же: 15-16]. Исследователем отмечены глаголы мыслительной деятельности, характерные для поэзии «серебряного века», например, глагол «внимать», представляющий симбиоз значений восприятия (слушать) и мышления (понимать) [Там же: 15].

А.С. Усачевой рассмотрены когнитивные предикаты, характеризующие идиостиль И. Бродского, проведен семантико-стилистический, компонентный, контекстологический и когнитивный анализ глаголов интеллектуальной деятельности идиостия поэта. Уточнение семантики глаголов и выявление нюансов значения проведено с помощью контекста, выделены глаголы восприятия, понимания, познания, мышления, сравнения и сопоставления, выбора и определения, решения, воображения и предположения, определения, проверки. Определен ядерный пласт высокочастотных глаголов и периферия дифференцирующих. Лингвопоэтическая особенность произведений И. Бродского, по мнению А.С. Усачевой, выражается в «когнитивной насыщенности», объединении смежных и / или противоположных единиц в пределах ближайшего словесного окружения, «в закреплённости за рядом глаголов индивидуально-авторского ассоциативно-образного фона; в активной тенденции к внутритекстовой интерпретации отдельных представителей класса» [Усачева, 2007: 18].

В. Dhooge делает вывод об избыточной локализации глаголов мыслительной деятельности в произведениях А.Платонова. В. Dhooge, изучая язык и концептуализацию мира у А. Платонова, большое внимание уделяет избыточной локализации мыслительных процессов и рассматривает «конструкции, описывающие различные виды ментальных процессов или называющие органы, отвечающие за мыслительные процессы» [Dhooge, 2007: 470]. Исследователем представлен материал, отмечающий избыточность лексем, обозначающих мыслительные процессы и наименования локуса прохождения этих процессов; представляющий орган мышления в качестве

субъекта мышления. Ученый отмечает расширение языковой нормы у Платонова («думать в голову»). Другим вопросом, раскрытым в работе В. Dhooge, является лингвистическое представление процесса зарождения чувств и формирования мыслей, их взаимосвязь. Примеры, приведенные ученым, доказывают зависимость речи героев от их мыслительных способностей, подтверждают факт о том, что только чувственное восприятие реальности приводит к затруднению общения.

Е.Н. Рядчикова и О.В. Телегина рассмотрели разновидности фантастической литературы и жанра фэнтези как феномен «возможных миров», исследовали представленные в них ментальные процессы, изучили их влияние на мышление и бытие в когнитивно-прагматическом аспекте [Рядчикова, Телегина, 2010].

О.В. Закирова рассмотрела качественные прилагательные как ядерные центры интеллектуальной характеристики героев романа Л.Н. Толстого «Война и мир» [Закирова. Электронный ресурс].

Масштабное исследование вербализации представлений об уме, глупости, мудрости предпринял С.Г. Воркачëв, материалом для него послужили, в числе прочего, Библия и ряд художественных текстов, в том числе поэтических. Основной акцент делается на изучении проявляющихся в речевых моделях функций обособленных предикатных имен, обозначающих интеллектуальную оценку – *умник, умница, дурак, глупец, идиот, кретин* и т.п. Ученый считает очевидным и неудивительным, что в русской литературе дефицит интеллекта, нижняя граница нормы обладания им – глупость – вызывает намного больший интерес, чем ум – верхняя граница нормы [Воркачëв, 2017: 250].

Е.Н. Рядчикова и Е.Е. Федотова исследуют сложность и противоречивость мышления персонажей Ф.М. Достоевского, реализацию писателем ценностно-оценочных приоритетов при описании мыслительного процесса [Рядчикова, Федотова, 2016; Федотова, Рядчикова, 2017].

Проведенный лингвистами анализ лексических и концептуальных единиц, связанных с мыслительной и интеллектуальной деятельностью героев

классиков русской литературы, показал, что художественный концепт УМ многослоен, глаголы интеллектуальной деятельности имеют широкие изобразительные возможности, способны служить характеризующим маркером направлений и течений художественной литературы во временном плане, служить формально-содержательным элементом идиостиля писателя, быть закрепленными за индивидуально-авторским ассоциативно-образным фоном, имеют тенденцию к внутритекстовой интерпретации и к расширению языковой нормы. Ряд произведений русской художественной литературы характеризуется не только наличием, но и избыточной локализацией глаголов мыслительной деятельности. Речь героев отражает зависимость от их мыслительных способностей, а эмоционально-чувственное восприятие реальности приводит к проблемам в речевой коммуникации.

Выводы к главе 1:

С развитием науки все большее внимания уделяется проблемам, лежащим на стыке философии и языкознания. Но вопрос о том, существует ли «мозговой код» мышления, до сих пор остается открытым. Хотя именно такой материализованный код, по мнению ученых, стал основой формирования человеческого разума, мышления, внутреннего мира, сознания.

Установлено, что язык, являясь элементом культуры, не может не оказывать влияние на мышление и опыт человека. Особый интерес для человека представляют те явления и процессы, которые имеют обозначения в тезаурусе конкретного языка. Таким образом, размышление, принятие решения и общение обусловлены лингвистической подготовкой.

Появившиеся в конце XX века новые отрасли лингвистического знания позволили прагматистам рассматривать мышление с точки зрения эволюции, культурологи, аксиологии и лингвокультурологии. Различие культур, дискурсов, видов деятельности, ситуаций и языков обуславливает гетерогенность мышления. На наш взгляд, по аналогии с гоминизаторской функцией языка (по Г. Гийому), можно говорить о гоминизации мышления (скачок от инстинкта к мысли), без которого, как и без языка, не происходило

бы развитие ни одной науки. Успехи ряда гуманитарных наук, в частности психологии, социологии, сумевших показать разграничение процессов психической деятельности, дали лингвистике возможность классифицировать глагольную лексику чувства, восприятия, мышления, сознания, ощущения, внимания, знания, памяти и другие.

Для современного языковедения, для лингвистического анализа особый интерес представляют когнитивная социология и социолингвистика, которые наряду с социальной психологией, этнографией выстроили парадигму когнитивной лингвистики.

При исследовании мышления лингвистика опирается на данные философии и психологии, но в языковедческом аспекте мышление понимается как вербализованный, речемыслительный процесс. Ряд зарубежных и отечественных языковедов, начиная с XIX века, создали оригинальные концепции взаимосвязи мышления и языка в их историческом развитии, положив начало ряду ответвлений лингвистики, находящихся на стыке с психологией, социологией, философией. В поле зрения лингвистов попали и получили развитие понятия «значение», «смысл», «мысль», процессы восприятия, мышления, порождения высказывания, память, внимание, знание, мнение, основными средствами изучения которых становятся категории, понятия, концепты, семантические значения в аспекте когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

Проблемы ума, находчивости рассматриваются в лингвистике сквозь призму культурных доминант, поскольку способность к мышлению и различного рода специфика этой способности в картине мира играет одну из важнейших, определяющих ролей, входит в число ценностных приоритетов, культурных доминант каждой нации, а сама мыслительная деятельность входит в состав национальной языковой картины мира.

Лингвокогнитивистика и лингвокультурология оперируют понятием концепта, к которому относится и его вербализует разноуровневыми средствами языка все мыслимое мыслительное содержание какого-либо слова,

понятия. К настоящему времени выработано значительное количество разнообразных методов и приемов изучения концептов, концептуальных систем, описание которых оказывается возможным посредством изучения разнообразных языковых единиц, их сочетаемости и ассоциативных связей, когнитивных моделей, экстралингвистической информации.

Мысль, мышление по природе своей процессуальны, образны, имеют динамическую природу, могут быть рассмотрены как концептуальные системы человеческого сознания, основными операциями которых являются опосредование, сравнение, расчленение, воссоединение, обобщение и конкретизация информации. В свою очередь, в мыслительном процессе выделяется ряд составляющих динамических процессов, среди которых важное место занимает мотивация.

Для исследования когнитивной картины мира писателя необходимо учитывать национальную специфику, культуру, идеи, литературное направление, психологические особенности автора и героев, словарный фонд. Лингвистический анализ предикатов, имен и глаголов интеллектуальной деятельности и мышления, концептов художественного текста, текстовых позиций, содержательных текстовых категорий дает возможность в полной мере раскрыть национальную особенность языка в широком смысле и языка писателя, идиостиль которого требует объяснения.

Понятийную сферу «мыслительная активность» возможно представить как сферу когнитивно-ментальную. Такой конгломерат познавательной и рече-мыслительной деятельности человека, вербализируясь посредством единиц языка различных уровней, концептов, базируется на накопленных языковой личностью лингвистических и экстралингвистических знаниях и представлениях и на оперировании с ними, объединяет процессы и результаты сознательного и бессознательного мышления, психической деятельности автора текста, его прагматические установки, предопределяет особенности идиостиля, обнаруживается во внешних и внутренних программах текста.

Глава 2. Лингвоспецифические и лингвопрагматические аспекты когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность», представленной в произведениях Ф.М. Достоевского

2.1. Особенности языка и стиля Ф.М. Достоевского сквозь призму лингвопрагматики, лингвокогнитивистики и лингвоаксиологии

В процессе изучения глубочайших по смыслу текстов классиков русской и мировой литературы теснейшим образом переплетаются и взаимодополняют друг друга ряд лингвистических наук, в частности, таких, как лингвокогнитивистика, изучающая процессы познания посредством языка; лингвоаксиология, определяющая круг ценностей и оценочных характеристик, выраженных в единицах языка; лингвокультурология, выявляющая следы культуры в языковом знаке; лингвопрагматика, исследующая функционирование языковых знаков в речи в аспекте отношения «знак – пользователь знака», рассматривающая язык в контексте (социальном, ситуативном и т.п.). Лингвистическая прагматика включает в себя ряд вопросов, касающихся автора речи, адресата, их отношений и ситуации общения. В связи с субъектом речи, отмечает Н.Д. Арутюнова, изучаются явные и скрытые цели высказывания, речевая тактика и типы речевого поведения, правила порождения речи, установки говорящего/пишущего: косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказания и т.п., а также прагматические пресуппозиции: оценка автором речи знаний, мнений, психологического состояния и способностей понимания адресата. Кроме того, исследуется отношение адресанта к тому, что он сообщает, оценка содержания высказывания [Арутюнова, 1990: 390].

Система, правила и особенности порождения речи, текста, обусловленные интенциями автора, формируют его идиостиль. Идиостиль человека, по мнению В.И. Карасика, можно трактовать как право субъекта выбирать

определенные средства общения в связи с тем, что «стиль предполагает выбор» [Карасик, 2004: 10].

Описание идиостиля писателей, их языковой картины мира, концептов, представленных в языке, уже давно находится в центре внимания исследователей; в последние десятилетия эти исследования дополняются и обогащаются методами когнитивно-прагматического лингвистического анализа. Так, Н.Ф. Алефиренко приходит к выводу о том, что языковая личность, тем или иным образом задействованная в дискурсивно-текстовой деятельности, имеет субъективную точку зрения, представления и знания о мире, объединенные в систему, понимаемую ученым как определенный тип когнитивного пространства (социумное, индивидуальное, универсальное и этническое), представляющего собой особый вариант дискурсивной идиоматики [Алефиренко, 2002: 8]. Таким образом, языковая личность посредством когнитивного пространства коррелирует с дискурсивно-текстовыми единицами, процессами и явлениями.

Почти сто лет назад отечественный литературовед М.М. Бахтин определил художественную систему Достоевского как смысловую полифонию (многоголосие): в романах писателя как равноправные звучат разные точки зрения, на равных спорит и автор с каждым из героев. В силу этого художественный смысл его произведений разворачивается как свободный и потенциально бесконечный диалог, что реализуется не только в логике сюжетов и взаимоотношениях персонажей, но и в особом типе языка, определенном М.М. Бахтиным как «двуголосое слово» [Бахтин, 2002. Электронный ресурс]. Герои Достоевского полны размышлений и чувствований, поэтому у изучающих творчество Достоевского часто возникает чувство, что существует не один автор, написавший художественные произведения, а несколько авторов-философов, представивших свои взгляды на страницах романов: Иван Карамазов, Великий инквизитор, Раскольников, Мышкин, Ставрогин и другие. Таким образом, все наследие Ф.М. Достоевского состоит из ряда отдельных, несовпадающих, находящихся в конфликте между

собой философских теорий, выражаемых определенными героями, а идеи самого Достоевского оказываются не такими очевидными и приоритетными [Там же]. М.М. Бахтин делает особый акцент на специфике мыслительного процесса и самого писателя, и его персонажей: «И диалектика и антиномика действительно наличествуют в мире Достоевского. Мысль его героев действительно иногда диалектична или антиномична. Но все логические связи остаются в пределах отдельных сознаний и не управляют событийными взаимоотношениями между ними. Мир Достоевского глубоко персоналистичен. Всякую мысль он воспринимает и изображает как позицию личности... Диалектический или антиномический ряд – лишь абстрактный момент, неразрывно сплетенный с другими моментами цельного конкретного сознания. Через это воплощенное конкретное сознание в живом голосе цельного человека логический ряд приобщается к единству изображаемого события. Мысль, вовлеченная в событие, становится сама событийной и приобретает тот особый характер “идеи-чувства”, “идеи-силы”, который создает неповторимое своеобразие “идеи” в творческом мире Достоевского» [Там же]. Российский философ, культуролог Г.С. Померанц в развитие этих наблюдений говорит о персонажах писателя: «Слишком талантливо эти лица, созданные воображением Достоевского, мыслят. Слишком много они дали развитию русской и мировой философии» [Померанц. Электронный ресурс]. Одна из особенностей творческого процесса Достоевского – «мышление характерами мыслителей. Достоевский не изображает характеры (как мемуарист) и не просто мыслит характерами (как все романисты). Он именно мыслит характерами мыслителей, то есть участвует сразу в двух процессах: литературном и философском» [Там же].

В связи с появлением новых аспектов лингвистической науки интерес к изучению языка и стиля художественной прозы одного из самых сложных писателей XIX века Ф.М. Достоевского в когнитивном, лингвостилистическом и лингвопрагматическом аспектах не только не может считаться исчерпанным, но и разгорается с новой силой, обогащая гуманитарные науки новым знанием:

Г.С. Померанц отмечает сложность понимания мыслей Достоевского и многообразие индивидуальных важных творческих идей, появляющихся у исследователя его творчества. Именно эти глубокие размышления способствуют наиболее полному восприятию романов Достоевского, но они в то же время не идентичны взглядам автора. Это уже не Достоевский, а Булгаков, Бердяев, Шестов, Мережковский, Бахтин [Померанц. Электронный ресурс].

Можно выделить темы ряда работ, выполненных в рамках лингвокогнитивного и лингвостилистического подходов: проявление ранних схем мифологического мышления в поэтике Достоевского и концептуальные символы странности (В.Н. Топоров), стиль Достоевского в русской картине мира (Н.Д. Арутюнова), мотивация поведения его героев (М.И. Логвинов), русские универсалии в идиостиле Достоевского (Ю.Н. Караулов), анализ грамматического, логико-семантического и стилистического аспектов лексических оценочных значений в идиостиле Достоевского (П.В. Козленко), концепт «идея» (П.Б. Степун), концепты «смирение», «честь», «гордость», «воля», «ум» (А. Жид), лингвистические приемы и средства неопределенности (Ю.Н. Караулов), категория времени (М.П. Галышева) и др.

Для проведения концептуального анализа исследователи художественных произведений обращают внимание на заглавия, эпиграфы, ключевые слова, имена собственные (эпонимы, топонимы, антропонимы, патронимы), лексико-семантические ряды, языковые синонимы, контекстуальные синонимы, метафоры, ассоциативные группы.

Ю.Н. Караулов, ссылаясь на идеи Н.Д. Арутюновой, полагает, что в текстах Ф.М. Достоевского отразились особенности русского языка и русского национального характера: пространственные представления первичны; стихия превалирует над сознательной деятельностью человека и является основной движущей силой; предпочтение отдается аномалии, а не норме; чужое имеет большую ценность, чем свое; ярко выражена неопределенность в высказываниях [Караулов. Электронный ресурс].

Ю.Н. Караулов исследовал семантическое и концептуальное воплощение этих особенностей в языке Ф.М. Достоевского, опираясь на идеи Б.П. Вышеславцева: «Достоевский верит, что из русской хаотической стихии создастся дивный космос» [Вышеславцев. Цит. по: Караулов. Электронный ресурс]. Стихия объясняется как стихийность, связанная с «беспредельностью русского пространства» [Там же]. Герои Достоевского – в высшей степени иррациональные люди, потерявшие власть над событиями, совершающие поступки исключительно под влиянием стихийных сил.

Ю.Н. Караулов выделяет три типа лингвистических приемов, выражающих категорию неопределенности идиостиля Достоевского:

1) стандартные средства русского языка: неопределенные местоимения и местоименные наречия, неопределенно-личные и безличные синтаксические конструкции, порядок слов, употребление родительного падежа вместо винительного;

2) набор системных средств русского языка – союзов, частиц, наречий, указывающих черту, за которой начинается «смысловое отталкивание» второй части высказывания;

3) лексические, специфически авторские, свойственные в таком количестве употреблений только Достоевскому, приемы усиления неопределенности [Там же].

Большое внимание Ю.Н. Караулов уделяет концептам, выражающим аномалии, наиболее частые из них – «безумие», «юродивость», «преступление». Превалирование чужого над своим, интерес и стремление к нему заставляет героев искать и странствовать в прямом и переносном смысле.

Исследования Р.В. Лопухиной, проведенные на материале языка русских классиков, включая Ф.М. Достоевского, убедительно показали, что русская языковая личность обычно не пользуется логически однозначными, жесткими силлогическими конструкциями, а «прибегает к неопределенным языковым способам выражения логически однозначных кванторов. Да и сами логические показатели не отличаются в русском языке четкостью, являясь “размытыми

понятиями”» [Лопухина, 2005: 20]. Русское национальное мышление, постулирует исследователь, отличается особой логикой, которую с точки зрения формальной логики можно обозначить как «антилогику», «алогистичность». Одно из основных свойств умозаключений русского языка, утверждает Р.В. Лопухина, заключается в правильности формальной, но не обязательной подлинности, истинности [Там же: 28]. В силу того, что в русском языке представлено разнообразие средств и приемов как для обозначения верных дедуктивных умозаключений (силлогизмов), так и для сознательного обозначения неверных умозаключений (антилогизмов), раскрывающих двойственность реальности и вариантов взаимодействия людей между собой, русский человек «зачастую реализует возможность выражать антилогизмы средствами естественного языка по законам формальной логики, которые иногда оказываются “перевернутыми”» [Там же: 31].

Э. Г. Апанасенко рассматривает вопрос об отношении героев романов Ф.М. Достоевского к Европе и всему иностранному, изучает концепт «русские» в концептосфере писателя, составляет концептуальное поле, смысловые блоки которого имеют подвижные границы. Исследователь вводит термин «национальная трансформация», обозначающий склонность русского характера к перемене, заимствованиям. Различная оценка этого феномена, русского национального характера, включающего отношение к материальным ценностям и работе, основывается, по мнению Э.Г. Апанасенко, на западных, славянофильских и евразийских взглядах [Апанасенко, 2007: 136].

Ж. Катто отметил связь времени и топоса с внутренним миром героев и мироощущением писателя. Пространство обуславливает внутренний мир героя, его настроение и тревоги. Находясь в определенном пространстве, он обращает внимание только на детали, связанные с его душевными вопросами, проблемами и мыслями [Катто, 1978: 51]. По мнению Ж. Катто, в романе должна присутствовать свобода героя и свобода автора, порождающие пространство и время произведения. Для Достоевского, максимально концентрировавшего время, «характерно желание обнаружить в мгновении то,

что в нём есть драгоценного, самого живого, как бы задержать мгновение» [Там же: 44].

Т.Ф. Изверкова продолжила исследование категории пространства, являвшегося объектом изучения М.М. Бахтина, В.Н. Топорова, Ж. Катто, Р.Я. Клейман, Л.В. Карасева, В.А. Подороги и других, уделив особое внимание топологическим оппозициям в романах Ф. Достоевского. Были рассмотрены такие важные для идиостиля писателя местоположения персонажей относительно середины, как пространственная оппозиция *правого – левого*; связанная с духовной составляющей оппозиция *прямого – кривого*; сюжето- и характерообразующая оппозиция *пустоты – заполненности*.

М.П. Галышева провела масштабный анализ категории времени в художественном мире Ф.М. Достоевского, основанный на взаимозависимости поэтики и времени-пространства романов. Опираясь на изученный материал и собственные исследования, М.П. Галышева приходит к следующим выводам: 1) основные временные промежутки идиостиля Достоевского – *мгновение* и *минута* – наименее длительные по протяженности интервалы, создающие впечатление отсутствия времени, такое использование подтверждает то, что герои Достоевского ощущают время мгновениями; 2) «у большинства персонажей Достоевского нет нормального переживания настоящего, и они никак не могут с ним психологически совпасть, потому что не ощущают реальности переживания времени» [Галышева. Электронный ресурс]; 3) психологическое время участников исторического процесса определяет историческое время в художественном мире Достоевского.

Исследование М.И. Логвинова носит междисциплинарный характер (богословский, психологический, философский, литературоведческий, лингвистический), необходимый для изучения художественной мотивация поведения героев романов Ф.М. Достоевского и роли взаимосвязи «“логики ума” (ratio) и “принципов сердца” (emotio) в динамическом процессе формирования мотива поступков действующих лиц» [Логвинов, 2004: 14]. Анализ типов поведения персонажей романов «Преступление и наказание» и

«Братья Карамазовы» доказывает, что основным принципом мотивации поведения героев является волевой акт. Исследователь разделяет мнение Л.Я. Гинзбурга об особенной логике мотивации героев Достоевского, возможно, самых непредсказуемых среди всех литературных героев романов XIX века [Логвинов, 2004: 6]. Основным мотивом героев романов является отсутствие мотива. Исследователь утверждает, что Достоевский не противопоставляет сердце (интуицию, духовное, эмоциональное) разуму (рассудку, уму, когниции). Эти идеи и выводы еще более акцентированы в исследовании А.М. Буланова, который убедительно показал, что в произведениях Достоевского «область интеллектуального познания природного мира, прерогатива разума – важная, но не единственная сила. Познание другого человека является неизмеримо более широким полем, где необходимо еще и понимание. Оказывается, Достоевский не одинок и в том, что едва ли не главным в понимании другого Я является сердце» [Буланов, 2004: 146].

Объектом исследования П.В. Козленко стали оценочные значения агентивных имен в художественном пространстве Ф.М. Достоевского. Исследование идиостиля Ф.М. Достоевского показывает взаимосвязь языковых явлений с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной психологией, культурой. Взгляды писателя, его общечеловеческие приоритеты, коммуникативные установки, эмоциональные процессы отражены в оценочной семантике существительных, исследованных Н.В. Козленко [Козленко, 2004: 17]. Наиболее активно Достоевским используются оценочные существительные с положительным или отрицательным значением оценки лица; оценочные прилагательные и слова категории оценки; оценки-метафоры; частицы, междометия, местоименные слова с восклицательной интонацией.

Приведем одну из наиболее характерных метафор, в той или иной вариации часто встречающихся в произведениях Достоевского, в том числе, для репрезентации мышления:

«И что же: при всем это она никогда не забывала о хромоножке.

Мысль о ней лежала на ее сердце камнем, кошмаром, мучила ее

страшными привидениями и гаданиями, и все это совместно и одновременно с мечтами о дочерях графа К» [Бесы: 287].

По мнению П.В. Козленко, описание оценочных средств выявляет «принципы художественного мышления автора-творца» помогает реконструировать его художественный универсум (картину мира)» [Козленко, 2004: 10].

Еще одним из ключевых концептов русской языковой картины мира является концепт *правда / истина*. В произведениях Достоевского он отражен в словах *правда, истина*, их производных, в синонимах (*аксиома*), оппозициях (*неправда, ложь, обман, враньё, заблуждение*), ассоциатах и исторических производящих, доказывающих связь правды с верой [Харина, 2007]. При исследовании концепта *правда/истина* О.В. Харина обнаружила связь этого концепта со следующими уже изученными С.Н. Шепелевой (*душа*), А.В. Варзиным (*воля, свобода*), Н.Д. Арутюновой (*широкость*), И.Б. Левонтиной (*надрыв*). О.В. Харина отмечает полифонический характер романов и множественность *правд* в них. Для персонажей Достоевского правда локализована: 1) на земле (справедливость); 2) в Боге (высшая истина). Персонажи-мыслители романов Ф. М. Достоевского, понимающие истину как человеческое начало, ставя под сомнение связь правды, истины и Бога, отрицают культурные ценности, отраженные в языке, поэтому они обречены на моральную гибель [Харина, 2007].

Еще одной категорией, связанной с русской духовностью и ментальностью, является категория *чистоты – нечистоты*. По мнению Д. Чавдаровой, эта оппозиция основывается на мифологической модели. За физической чистотой в идиостиле Достоевского часто скрывается порок, бездуховность, нечистота, ветхость. *Нечистота – постоянный* элемент описания Петербурга, героев-нигилистов, юродивых. Многие персонажи романов, погруженные в нечистоту, сохраняют веру в Бога и являются чистыми в душе. Семантический анализ имен позволил Д. Чавдаровой утверждать, что в идиостиле Достоевского существует три взаимодействующих компонента: имя

– видимость – сущность [Чавдарова. Электронный ресурс]. Изучение концепта-мифологемы *чистота – нечистота* объясняет христианское понимание духовной чистоты в русской языковой картине мира и внешней чистоты в западной картине мира.

В идиостиле Ф.М. Достоевского соединяются понятия «брат» и «друг», «добро» и «красота», «совершенная свобода» и «смирение», а «в художественной концептосфере воплощается идея единства родной земли и неба, духовной родины, как нравственного закона в душе человека» [Бондаревская, 2008. Электронный ресурс].

И.А. Долбина исследовала концепт *брат* в романе «Братья Карамазовы», его лексическое, стилистическое описание, морфологические репрезентанты и их развертывание в дискурсе персонажей и автора [Долбина. Электронный ресурс].

Полный анализ концептосферы романа «Братья Карамазовы», ее ядро и периферийные зоны представлены О.А. Бондаревской. Вокруг ядра-концепта «Братья Карамазовы», состоящего из концепта «братья» и авторского антропонима «Карамазовы», находятся другие антропонимы и топонимы. С отдалением от центра возрастает абстрактность концептов, на периферии находятся ключевые слова, несущие ментальную информацию [Бондаревская, 2008. Электронный ресурс].

Изучению культурного концепта «цель» посвящено исследование Т.А. Яценко, где доказывается самодостаточность концепта «цель» и отделимость его от концепта «причина», соответственно соотносящихся с понятиями «будущее» (потенциальное, желаемое) и «прошлое» (реальное событие). В романе «Преступление и наказание» концепт «цель», по мнению исследователя, включает в себя не только становление цели преступления, но и объединение «Цели» со «Смыслом», раскрывающее идею о «предназначении» человека. «Здесь вопрос “зачем убил?” сливается с вопросом “зачем живу?”» [Яценко, 2004: 87]. Это показывает значимость концепта в концептосфере Достоевского и в русской языковой картине мира, а также его связь с

концептами «причина», «предназначение», «счастье», «гордость». Во внутренних «диалогичных» монологах Раскольников, по мнению Т.А. Яценко, «проявляются характеристики “Цели” как концепта русской культуры: 1) высокий уровень абстрактности; 2) глобальный характер; 3) настойчивый поиск истинной цели» [Там же: 88].

Все представленные нематериальные и лингвоспецифичные концепты связывают мышление и речь, материализация концептуальной картины мира Достоевского осуществляется посредством слова. Исследование концептов и идиостиля писателя открывает перспективы для исследования связи ментальной жизни человека, мыслительных процессов и их языкового выражения с национально опосредованной психологией и культурой [Кондратенко, 2005: 8]. Учёт «человеческого фактора» в языке и языковые особенности романов становятся «проекцией духовного движения национальной культуры, позволяют высветить онтологически воплощенные в ней важнейшие категории русской ментальности» [Бондаревская, 2008. Электронный ресурс].

2.2. Лингвопрагматический аспект репрезентации сложности и противоречивости мышления в произведениях Ф.М. Достоевского

Ф.М. Достоевский, будучи глубоко психологичным писателем, философом, пытался уделить внимание как можно большему количеству понятий, на основе которых базируются мировоззрение и ментальность народа. Двумя из них являются язык и мышление, язык – как система кодов нации, мышление – как формирующее звено национального характера. «Язык есть, бесспорно, форма, тело, оболочка мысли (не объясняя уже, что такое мысль), так сказать, последнее и заключительное слово органического развития. Отсюда ясно, что чем богаче тот материал, те формы для мысли, которые я усвоиваю себе для их выражения, тем буду я счастливее в жизни, отчетнее и для себя и для других, понятнее себе и другим, владичнее и победительнее»

[Достоевский. Дневник писателя. Электронный ресурс]. Языком героев своих романов Ф.М. Достоевский пытался объяснить природу мыслительного процесса. Одна из наиболее сильных, привлекательных и актуальных во все времена сторон всех его произведений – отражение мыслительного процесса, своего собственного, как автора, и персонажей, мысль в динамике. Причем процесса трудного, мучительного, порой изматывающего. Гениальность мыслей и стиля писателя вовлекает читателя внутрь самой творческой лаборатории, делает читателя соучастником раздумий, колебаний, умозаключений. Любая мысль у писателя, добрая или злая, проходит процесс формирования буквально на наших глазах, вместе с развитием сюжета, по собственному выражению Достоевского, «наклеывается, как из яйца цыпленок». Понимание и степень достижения истины зависит не только от характера, духовного и умственного развития героя, но и от мироощущения автора и его творческой мысли.

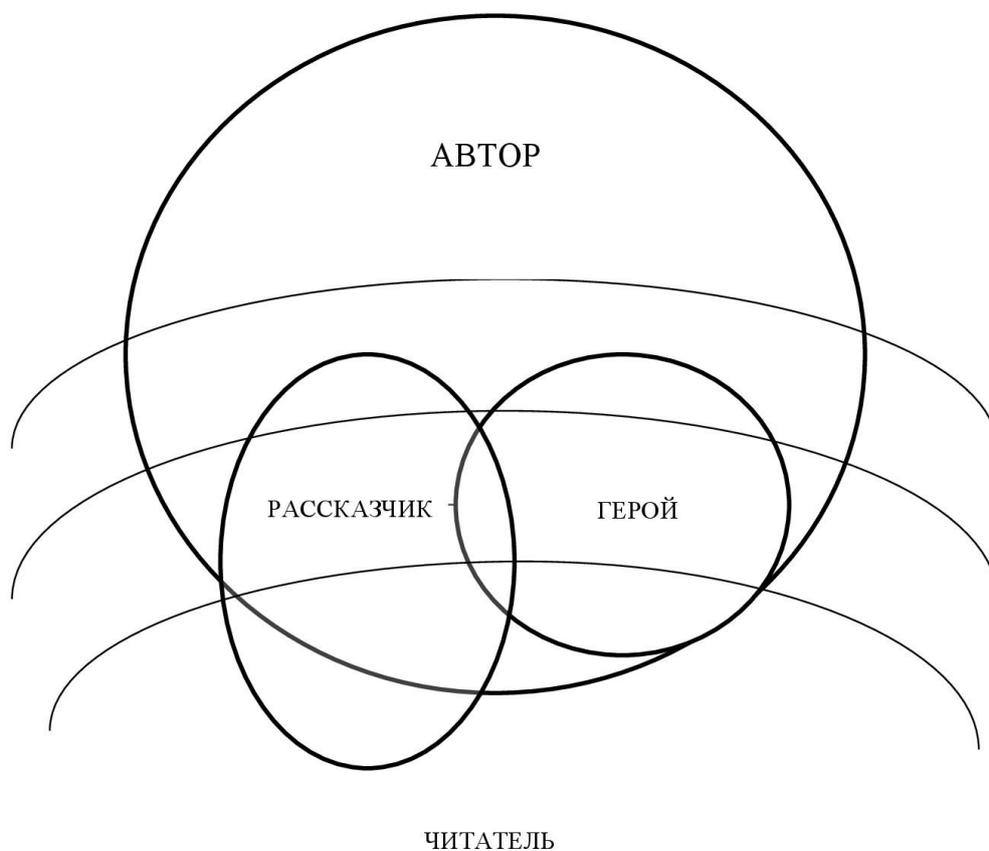
Концептосфера романов Достоевского включает в себе философскую ментальную авторскую идею, поскольку, согласно Р.И. Павлиёнису, именно носители и представители различных концептуальных систем определяют объекты окружающего их мира посредством языкового воплощения [цит. по: Бондаревская, 2008. Электронный ресурс].

Герои Достоевского – это люди, которым не требуется большого богатства, а «надобно мысль разрешить» [Солодкий, 2008: 468]. Глубина произведений великого писателя определяется не столько даже сюжетом, сколько скрупулезным вниманием к чувствам и мыслям, детальнейшим описанием даже самых коротких и незначительных из них. Б.С. Солодкий представляет всех героев произведений Ф.М. Достоевского философами, вне зависимости от их возраста и образования, основываясь на том, что их идеи и мысли настойчиво сосредоточены на поиске смысла жизни, причинах бытия («из быта – в бытие»). Особой осью, заставляющей двигаться вокруг себя судьбы героев, у Достоевского является своеобразное мировидение, приоритетная мысль [Там же: 459]. Даже герой-подросток в одноименном

романе при всей его импульсивности и непосредственности, свойственных его возрасту, тоже предстает рефлексирующим мыслителем. Его повествование интеллектуально, включает в себя построение умозаключений, выстраивание идей, умение рефлексировать, анализировать, сравнивать, оценивать произошедшее [Иванчикова, 1996: 251].

Очень сложным и неоднозначным представляется взаимодействие между автором, рассказчиком, героями и читателями, которые стремятся постичь произведения Ф.М. Достоевского. Образно мы попытались представить такие виды прагматического взаимодействия, как «автор – рассказчик – персонаж – читатель», на схеме 1.

Схема 1. Лингвопрагматические особенности представления типов мыслителей в произведениях Ф.М. Достоевского

На схеме представлены четыре типа мыслителя, когнитивные процессы которых формируют представление о мышлении в картине мира Ф.М. Достоевского.

Наиболее специфичной, на наш взгляд, выглядит у Достоевского линия «автор – рассказчик». Автор представлен творцом, создателем, творческой силой, возвышающейся над остальными участниками ментальной активности, – это великий классик со сложными идейными замыслами, понимание которых доступно только глубокомыслящему, подготовленному читателю, прошедшему этапы понимания рассказчика и героя. В качестве обозначения автора нами был выбран круг, обозначающий идеальность, бесконечность и цельность замыслов Ф.М. Достоевского. Рассказчик представлен схематично более узко, в форме овала, имеющего, в отличие от круга, два центра, поскольку в романах рассказчик нередко совмещает в себе и автора, и персонажа. Он несколько сужен по отношению к автору, присутствует в пространстве и времени повествования и мотивирован другой целью – донести до реципиента фактическую информацию, разгадав коды которой, читатель выйдет на новый уровень понимания отражения смысла, содержащегося в словах.

Герой, часто двойственно представляющий действительность, рефлексирующий и имеющий две сущности, находящиеся в конфликте друг с другом, может иметь самостоятельный взгляд на мир, а может идентифицироваться с рассказчиком. На схеме герой представлен в виде находящегося в сфере автора и пересекающегося с пространством рассказчика круга, в символическом смысле обозначающего потенциальные силы и способности человека, готовность к изменению и развитию.

Читатель способен воспринимать, усваивать и анализировать информацию на уровне, зависящем от степени развития его интеллектуальных способностей, отмеченных на схеме дугами, которые охватывают различные зоны понимания: от очевидных фактов, изложенных рассказчиком, и отрицательной, греховной сущности персонажа – к сложности внутреннего мира героя и глобального замысла автора, отдельные детали которого так и

останутся непознанными в связи с невозможностью полной расшифровки знаковой системы автора-творца.

Идиостиль Ф.М. Достоевского, отражающий мировоззрение писателя, базируется на взаимосвязи языковых особенностей с духовной жизнью человека, морально-этическими нормами поведения, мышлением, самосознанием, национальной психологией и культурой.

Мышление во взаимодействии с языком – одно из базовых понятий культуры, обуславливающих уникальность народа, оно является неотъемлемым свойством души. «Мы мыслим “стихийной основной силой того языка”, на котором предпочли мыслить» [Достоевский. Дневник писателя. Электронный ресурс]. Важно то, что связь «язык – мышление – дух... есть основа саморазвития любой нации, её культуры и традиций» [Половинкин. Электронный ресурс]. Три эти составляющие формируют и сохраняют русскую духовность, отсутствие хотя бы одного звена разрушает национальный духовный дискурс.

Ф.М. Достоевский затрагивает вопрос влияния на человека рационального знания, мышления, воли и русской духовности. «Н.А. Бердяев писал: “Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путём, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего даётся лишь цельной жизнью духа, лишь полнотою жизни”» [Лосев, 1990: 71]. Бог познается сердцем, а не умом, духовность невозможно оценить разумом, но «духовность никогда не противоречит рациональному мышлению, во всяком случае, правильно ориентированному рациональному мышлению» [Лещук. Электронный ресурс]. В свою очередь, «одной из важнейших характеристик духовной составляющей природы человека является, в частности, его интеллектуальный потенциал» [Кириллова, 2012: 2]. Лингвистическое изучение русской языковой картины мира убедительно показало, что понимание мыслительной деятельности носителей русского языка основывается на

духовности, совести, чести, доброте и свойственном им самоанализе [Сергеева, 2004: 4]. Интеллектуальная деятельность входит составной частью в национальную ментальность как систему представлений и ценностей. «Для русского языкового сознания ментальность ассоциируется с нравственностью, гуманизмом, с духовностью народа, душевностью – чрезвычайно важным качеством русской ментальности, любовью к Родине и святостью» [Колесов, Пименова, 2011: 131].

Достоевский не разводит на разные полюса разум и интуицию. Конфронтация ума и сердца героев Достоевского может быть охарактеризована как «коллизия самосознания и самопроявления, имеющая разнообразные варианты» [Логвинов, 2004: 13].

Герои романов Ф.М. Достоевского как представители русской культуры не являются исключительно рационально мыслящими субъектами. Автор подчеркивает ограниченность разума в познании человека.

«Разум познает в человеке не лишь себе подобное и сводит человека к тому, что он познал. Лучшие люди в произведениях Достоевского – это люди сердца, чувств» [Деникин. Электронный ресурс].

И все-таки именно мысль, идея является в большинстве случаев основной завязкой, канвой романов Достоевского: у его героев «идея входит в человека, вызывая в нем внутреннюю перестройку, превращая человека в личность, вступая в сложный контакт с эволюционными “отложениями” индивидуума, бессознательными сферами психики, что неизбежно приводит к изменению и самой идеи» [Солодкий, 2008: 459]. При этом подсознательное, неосознаваемое в произведениях Достоевского как русского духовного мыслителя чрезвычайно сильно. Это соотносится с тем, что в душе русского человека область подсознательного «занимает исключительное место. Он чаще всего не знает, чего он хочет, куда его тянет, отчего ему грустно или весело» [Вышеславцев, 1991: 113]. «Основная идея», которая терзает Родиона Раскольникова – «кто я, Наполеон или тварь дрожащая?» Подобно ему в набросках к ненаписанному роману «Грешник» писатель говорит, что и другим его героем, Грешником, с

самого раннего детства, «как стал себя помнить», овладела одна «бесперывная мысль»: «Чем я буду и как это все сделаю». Размышления о будущем породили в нем сомнения в выборе пути: «Или рабство, или владычество» [см.: Сайченко, 2013: 153]. Мысль, мучавшая Ивана Карамазова – «если бога нет и бессмертие души отсутствует, то, следовательно, всё дозволено, тогда каждый “своеволен”»; или бог есть, тогда всё обусловлено, предопределено, но тогда нет свободы воли. С мыслью, что человек есть самоценность и самоцель, выходят на страницы романов и Раскольников и Шигалев, и Валковский, и Кириллов, и Мышкин, и Зосима, и Иван Карамазов, и другие герои Достоевского, представляя и интерпретируя эту мысль чрезвычайно разнообразно, каждый по-своему – но неизменно в процессе напряженных испытаний. Сам Достоевский выразил эту мысль в известных гуманистических тезисах: «найти человека в человеке», «восстановить в человеке образ человеческий».

Однозначного ответа на мучительные вопросы Достоевский не даёт. Но так как, в представлении писателя, любая мысль, идея может служить и добру и злу, и правде и лжи, то ее гуманность должна определяться гуманностью поступков человека, представляющего ее [Солодкий, 2008: 460].

По словам М. Бахтина, завершенная идея – ничья и поэтому безжизненна и мертва, идея не может быть прописана где-то вне самого человека. Так, для Достоевского ценна не сама по себе идея, а ее развитие, многогранность – порой противоречивая, сложность, даже незавершенность, «её экзистенция, её бытийность в реальной жизни» [Там же: 465]. С точки зрения Достоевского, «чистой» идеи нет: она «не имеет постоянной прописки», «указного» местопребывания и обязательно должна пройти вместе с человеком все приключения и злоключения, претерпевая изменения, мотивированные идеями других идей, правилами морали и своими вариациями [Там же: 459].

Во многом поэтому в произведениях Ф.М. Достоевского столь распространенным является выражение двойственности и неопределенности мышления. Многие персонажи Достоевского находятся в вечном поиске

эстетических идеалов, красоты, истины. Героям его романов свойственны самоанализ, рефлексия, диалог с самим собой, внутренняя полифония голосов.

Л.П. Гроссман подчеркивает раздвоение сознания героя как одну из основополагающих идей Достоевского, представившего молчаливую полемику персонажа, спорящего с самим собой «в уме», подвергающего себя «самоопросу и показаниям в одном лице» [Гроссман, 1959: 352]. Достоевский утверждает: «Нелепости слишком нужны на земле. На нелепостях мир стоит, и без них, может быть, в нем совсем ничего бы не произошло» [Достоевский // Мудрость России, 2005: 237].

Известно, что в зависимости от способностей, интеллекта, степени развития каждая отдельная личность может делать различные выводы, обладая одной информацией. Для наиболее правильного решения задачи «интеллект одного человека должен быть дополнен интеллектом другого, а это дополнение применительно к задачам абстрактного мышления невозможно без языка [Шалютин, 1980: 37]. Достоевский же наделяет «коллективным» рефлексирующим, сомневающимся интеллектом каждого конкретного персонажа, давая ему простор для саморазвития и совершенствования, так как, по словам Д. Дарского, «самым основным и неотъемлемым убеждением Достоевского была мысль о двойственности и незаконченности. Человек – это промежуточное и переходное создание, это “недоделанное, пробное существо, созданное в насмешку”» [цит. по: Белик, 1974: 125].

Многие исследователи-лингвисты обращали внимание на вышеупомянутую особенность автора и его героев.

Л.А. Новиков, проанализировав структуру и язык одного из ранних рассказов Ф.М. Достоевского «Двойник», приходит к выводу о том, что «диалектика мысли прежде всего и ярче всего отражает у Достоевского сложную противоречивую сущность характера» [Новиков, 1981: 25]. Колеблющемуся и полифоническому характеру главного героя Голядкина-младшего противопоставлена четкая позиция Голядкина-старшего и рассказчика, что реализуется в лексико-семантических рядах, метафорах,

эпитетах, стилистически маркированной лексике. Речь главного героя характеризуется бедностью лексики, «косноязычием», обрывом фраз, отражающим его манеру мышления.

Таким образом, представленные логические и лингвистические данные доказывают сложность и гетерогенность мышления героев Ф.М. Достоевского, особое отражение этого процесса в языке, помогающего расшифровать подтекст произведений. Сам же автор, безусловно, понимал, что двойственность и неопределенность мышления не помеха цельности личности, а один из способов ее совершенствования. Приведем характерный пример:

«К утру у Варвары Петровны созрел проект разом покончить по крайней мере хоть с одним недоумением – проект замечательный по своей неожиданности. Что было в сердце ее, когда она создала его? – трудно решить, да и не возьмусь я растолковывать заранее все противоречия, из которых он состоял» [Бесы: 78].

В языке Достоевского можно выделить категории и концепты, отражающие мыслительную активность героев, представленные в рамках русской языковой картины мира в сочетании с такими иррациональными категориями, также имеющими отношение к когнитивно-ментальной сфере «мыслительная деятельность», как спонтанность, стихийность, озарение, рефлексия, чувствительность, духовность. Рассмотрим некоторые из них:

1) спонтанность мышления, резкий переход от одной мысли к другой:

«– Вы полагаете, что Бога можно добыть трудом, именно трудом мужицким? – переговорил он, подумав, как будто действительно встретил что-то новое и серьезное, что стоило обдумать. – Кстати, – перешел он вдруг к новой мысли, – вы мне сейчас напомнили: знаете ли, что я вовсе не богат, так что нечего и бросать?» [Бесы: 249].

Такое поведение весьма характерно для героев Достоевского. Они как бы задают тему для размышлений, но откладывают ее развитие на потом, очевидно, чтобы не скомкать, не решить наспех, а тщательно и глубоко обдумать.

2) внезапное озарение в процессе размышления:

«– Один, один он мне оставался теперь, одна надежда моя! – всплеснул он вдруг руками, как бы внезапно пораженный новой мыслью, – теперь один только он, мой бедный мальчик, спасет меня и – о, что же он не едет!» [Бесы: 130].

«Наконец Иван Федорович в самом скверном и раздражительном состоянии духа достиг родительского дома и вдруг, примерно шагов за пятнадцать от калитки, взглянув на ворота, разом догадался о том, что его так мучило и тревожило» [Братья Карамазовы²: 274].

В процессе такого озарения для персонажей Достоевского значительную роль играет духовность: она как будто вмешивается в обыденную жизнь героев, в земное, приземленное течение дел; таящаяся и дремлющая до времени искра Божья внезапно пронзает разум человека, врывается в круг его осознанности с тем, чтобы изменить его мышление, его поведение и понимание происходящего.

а) «Митя мрачно отступил, и вдруг его как бы “что-то ударило по лбу”, как он сам потом выразился. В один миг произошло какое-то озарение в уме его, “загорелся светоч, и я все постиг”. В остолбенении стоял он, недоумевая, как мог он, человек все же умный, поддаться на такую глупость, втюриться в такое приключение и продолжать все это почти целые сутки, возиться с этим Лягавым, морочить ему голову» [БК: 388].

В данном примере отчетливо прослеживается связь между логичным, рациональным мыслительным процессом и натолкнувшим на него стихийным прояснением сознания. Неожиданность пришедшей мысли подчеркивается словом «вдруг» и идиомами «что-то ударило по лбу», «стоял в остолбенении». Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев подробно исследовали такие «неожиданности» в русской языковой картине мира, как слова «внезапно», «неожиданно», «вдруг», и пришли к выводу о том, что эти слова чрезвычайно значимы для осмысления

² В дальнейшем – БК

событий в русской языковой картине мира, а именно для представления нелогичности и, следовательно, непредсказуемости мира. Однако, если «неожиданно» обычно относится только к ментальным фактам, а «внезапно» – к событиям, то слово «вдруг» имеет более широкий спектр применения [Булыгина, Шмелев, 1997]. А.Д. Шмелев подчеркивает практически одинаковую высокую частотность употребления «вдруг» и в произведениях Достоевского (более всего в «Преступлении и наказании»), и в бытовой непринужденной русской речи [Шмелев, 2002], что еще раз подтверждает предположение о характерных чертах русской языковой картины мира.

Значение лексемы «озарить» как «ярко осветить (высок.), ... прояснить что-н.» [Ожегов, 1989: 360] в приведенном примере подтверждено торжественными, носящими сакральный смысл словами Мити: «Загорелся светоч, и я все постиг» [БК: 388].

б) *«У меня вдруг как будто озарение... Я знаю, что я нехорошо это говорю, но я все-таки все расскажу, – продолжал Алеша тем же дрожащим и пересекающимся голосом. – Озарение мое в том, что вы брата Дмитрия, может быть, совсем не любите... с самого начала..».* [БК: 197].

В примере (б) озарение, не проверенное рационально, подвергается сомнению: «как будто озарение», «дрожащим и пересекающимся голосом», «может быть». Духовный, религиозный герой Алеша не безоговорочно подвержен влиянию эмоции, озарения (б), «простой», стихийный Митя, напротив, полностью строит именно на озарении все дальнейшие размышления (а).

в) *«Одна странная мысль вдруг осенила Степана Трофимовича: “не рассчитывает ли неутешная вдова на него и не ждет ли, в конце траурного года, предложения с его стороны?” Мысль циническая; но возвышенность организации даже иногда способствует наклонности к циническим мыслям, уже по одной только многосторонности развития. Он стал вникать и нашел, что походило на то»* [Бесы: 33].

Глагол «осенить» употребляется для описания неожиданного появления удачной мысли. В данном примере описывается процесс формирования мысли от внезапного ее возникновения, формулирования, осмысления, оценки до проверки и подтверждения. Герой романа «Бесы» убеждается в существовании тонкой грани между *возвышенной* посылкой к размышлению и *циническим* выводом. Для идиостиля Достоевского характерно преобладание этических, моральных оценок, что «обусловлено определенной позицией автора, оценивающего достоинства и недостатки своих героев именно с нравственно-этической точки зрения» [Козленко, 2004: 18].

Приведенные примеры ярко, ёмко отражают русскую языковую картину мира в идиостиле Ф.М. Достоевского, особенности мироощущения и характера которого нашли отражение в его произведениях, сформировали язык, показали душевное состояние героев, русскую ментальность, соборность, стихийность. Процесс формирования человеческой мысли, рациональное мышление и интуиция, представленные в языке романов, доказывают возможность достижения истинного, высшего знания при полном взаимодействии ума и сердца, науки и религии, логичности и духовности.

Разумеется, далеко не всегда можно отождествлять автора с его персонажами. Интересным потому представляется исследовать объяснение природы мыслительного процесса героями романов Ф.М. Достоевского, выявить общее и различное в понимании мышления писателем и героями его романов. Это может способствовать освещению многогранности внутреннего мира классика, присущих ему противоречий.

Понимание и степень достижения истины зависят не только от характера, духовного и умственного развития героя, но и от мироощущения автора и его творческой мысли. Следующие примеры, извлеченные из романов «Братья Карамазовы» и «Подросток», представляют **осмысление мыслительного процесса героями произведений:**

«Вообрази себе: это там в нервах, в голове, то есть там в мозгу эти нервы (ну черт их возьми!)... есть такие этакие хвостики, у нервов

этих хвостики, ну, и как только они там задрожат... то есть видишь, я посмотрю на что-нибудь глазами, вот так, и они задрожат, хвостики-то... а как задрожат, так и является образ, и не сейчас является, а там какое-то мгновение, секунда такая пройдет, и является такой будто бы момент, то есть не момент, - черт его дери момент, - а образ, то есть предмет али происшествие, ну там черт дери – вот почему я и созерцаю, а потом мыслю... потому что хвостики, а вовсе не потому, что у меня душа и что я там какой-то образ и подобие, все это глупости» [БК: 601].

Дмитрий Карамазов рассматривает мыслительную цепочку строго с точки зрения физиологии, отрицая влияние духовного мира.

«Как это так выходит, что у человека умного высказанное им гораздо глупее того, что в нем остается? Я это не раз замечал за собой и в моих словесных отношениях с людьми за весь этот последний роковой год и много мучился этим» [Подросток: 8].

В данном примере затрагивается философско-лингвистический аспект мыслительной операции, опровергающий положение о языке как о материальной оболочке мышления и приведенное выше мнение Достоевского о зависимости качества вербального выражения мысли от богатства лексического материала.

«Удивительно, как много посторонних мыслей способно мелькнуть в уме, именно когда весь потрясен каким-нибудь колоссальным известием, которое, по-настоящему, должно бы было, кажется, задавить другие чувства и разогнать все посторонние мысли, особенно мелкие; а мелкие-то, напротив, и лезут» [Подросток: 158].

«- ... Не все натуры одинаковы; у многих логический вывод обращается иногда в сильнейшее чувство, которое захватывает все существо и которое очень трудно изгнать или переделать...

- Ошибка! – завопил спорщик, – логический вывод уже сам по себе разлагает предрассудки. Разумное убеждение порождает то же чувство.

Мысль выходит из чувства и, в свою очередь, водворяясь в человеке, формулирует новое!» [Подросток: 55].

Два последних примера основаны на объяснении психологии и логики мышления, мотива как исходной потребности начала мыслительных операций, психологического состояния, внешних условий и ситуации. Л.С. Выготский представил психолингвистические причины появления мысли и указал на необходимость оперирования социальными факторами при объяснении вопросов, связанных с анализом сознания человека [цит. по: Лурия. Электронный ресурс].

Эти и другие примеры подтверждают существование интереса к познанию мышления в разных отраслях знания, неизученность этого процесса в полной мере, параллельное сосуществование мозговых и психолого-лингвистических составляющих когнитивных явлений, а также влияние языка, моделей мышления на формирование русской картины мира.

2.3. Реализация ценностно-оценочных приоритетов Ф.М. Достоевского в когнитивно-ментальной сфере «мыслительная активность»

Одним из аспектов отражения взаимодействия действительности и человека является оценочный. В процессе познания мира у человека вырабатывается определенная система ценностей, на что влияют природные данные, воспитание, образование, исторический фон, на котором протекает жизнь человека, его характер, вкусы, мировоззрение, ценностные традиции шкалы «хорошо – плохо» той культуры, к которой принадлежит индивид. Опираясь на выработанную систему ценностей, человек дает всему оценку, являющуюся исключительно человеческой категорией в связи с тем, что оценка определяется психологией, физиологией, течением жизни и эмоциями человека, но в свою очередь сама определяет его когницию, поведение и восприятие мира [Шмелев, 1981: 5].

Категория оценки отражена на разных уровнях языка за счет содержащих оценочное значение языковых средств этих уровней, образующих категории и поля [Кенжебалина. Электронный ресурс].

Языковое пространство строится на основе концептов, обладающих стилистической оценкой и представляющих собой константы, относящиеся к конкретной культуре, становящиеся составными частями картины мира, в силу чего нет необходимости реконструировать их, «договариваться об их значении и употреблении» [Бондарева, 2005: 44]. Восприятие и оценка концепта складывается на основе социальных, национальных, возрастных, культурных и личностных составляющих. И.К. Архипов представляет концепты как тайные, сокровенные знания, известные всем членам языковой общности ввиду того, что они воспитываются и формируют в ней свое мировоззрение, и всем известно, что все остальные также обладают этими знаниями [Архипов. Электронный ресурс].

Изучение концептов очень своевременно ввиду активации интереса к изучению мозга и ментальной информации – данных, находящихся в мозге и формирующих основу сознания и мышления человека [Кубрякова, 2001 (а): 7]. Поскольку концепт – это «квант ментальности», который реализуется в смысле и передается словом [Миронова, 2003: 8], постольку исследования, изучающие ментальность, должны затрагивать аспекты выражения национального характера и типа мышления в языке. В современной лингвистике вопросами ментальности занимается когнитивистика [Миронова, 2003: 9].

Концепт «мысль» – результат ментальной активности, мышления и называющего его концепта, включающего в себя дефиницию *мозга* как реального органа мышления и *ума* как физически несуществующего квазиоргана, отвечающего за психику (целям нашей работы соответствует считать эти концепты именно способностью мыслить, а не органом человека [см.: Рядчикова, Федотова, 2016]).

Мысль – концепт, связанный с деятельностью сознания, сложно организованная составная часть духовной сферы, внутреннего мира человека.

Вне всякого сомнения, способность к мышлению и различного рода специфика этой способности в картине мира играет одну из важнейших, определяющих ролей, входит в число ценностных приоритетов, культурных доминант каждой нации. Существует великое множество философских, культурологических, социологических, исторических, литературоведческих, лингвистических исследований, посвященных проблемам ума и глупости, находчивости и тугодумия, хитрости и простодушия, где они рассматриваются сквозь призму культурных доминант.

В.И. Карасик указывает, что для языкового исследования культурных доминант существует отдельная методика, включающая в себя проведение серии операций с целью всестороннего описания концепта, включая возможности появления новых смыслов. Основными методами исследования культурных доминант в лингвистике являются наблюдение, подразумевающее сплошную выборку слов, устойчивых сочетаний, прецедентных текстов из различных источников (словарей, сборников афоризмов, художественных произведений, периодической печати и т.д.), и эксперимент, основанный на составлении и поведении опросов, анкетирований, освещающих оценочные суждения. При этом языковое исследование концептов предполагает использование сведений, уже полученных историей, философией, культурологией, психологией, этнографией [Карасик, 1996: 7]. Среди культурных доминант в языке В.И. Карасик рассматривает концепт «умный / глупый» и подчеркивает, что этнокультурная специфика интеллектуальной оценки на материале английского и немецкого языков наблюдается в результативности умственной деятельности (актуальным для англичан является признак быстроты соображения, для немцев же это не самый важный признак ума) [Карасик, 1996: 12].

Культурные доминанты невозможно рассматривать вне понятия ценности, вне аксиологического подхода.

Аксиология – это раздел «философской рефлексии, занимающейся исследованием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого

бытия» [Воркачѳв, 2017: 10]. Под понятием «ценность» аксиология подразумевает явления, несущие глобальную человеческую, общественную или личную пользу. Факт ценности определяется признанием большей части социума. Как отмечает С.И. Вершинина, философский аспект подразумевает не индивидуальный, а совокупностный подход к пониманию ценностей, подразумевающий их системность, иерархичность, зависимость друг от друга. Системы ценностей характеризуются преемственностью и последовательностью [Вершинина, 2010: 75].

Входит ли в представления Ф.М. Достоевского процесс мышления в число национальных русских ценностей?

Анализ языкового материала подтверждает, что на шкале человеческих ценностей Достоевский не отдает первых позиций мышлению, считая, что развитое чувство и воспитание нравственности имеют более важное значение [Рядчикова, Федотова, 2016]. Писатель утверждает:

«Чтобы умно поступать, одного ума мало» [Преступление и наказание³: 188].

«Великие мысли происходят не столько от великого ума, сколько от великого чувства» [Вечный муж. Электронный ресурс].

Кроме того, далеко не каждая мысль может быть адекватно и полно вербализована:

«Во всякой гениальной или новой человеческой мысли, или просто во всякой серьезной человеческой мысли, зарождающейся в чьей-нибудь голове, всегда остается нечто такое, чего никак нельзя передать другим людям, хотя бы вы исписали целые томы и растолковывали вашу мысль тридцать пять лет; всегда останется нечто, что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки; с тем вы и умрете, не передав никому, может быть, самого главного из вашей идеи» [Идиот. Электронный ресурс].

³ В дальнейшем – ПИИ

Тем не менее, множество высказываний и размышлений великого русского писателя, мыслителя и философа посвящено именно уму, мыслительной способности человека; некоторые из них вошли в золотой фонд русской афористики.

Бесспорно, незаурядный ум, интеллект возвышает человека, открывая перед ним широкие возможности и делая его сильным и влиятельным:

«На то и ум, чтобы достичь того, чего хочешь» [Зимние заметки о летних впечатлениях. Электронный ресурс].

Следует постоянно совершенствовать умственные способности за счет построения умозаключений, получения новых знаний:

«Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное» [Записки о русской литературе. А.В. Корвин-Круковской. Электронный ресурс].

Достоевский признает чтение значимым мыслительным процессом, настаивая на его важности в развитии ума, порождении мыслей, творческих идей, однако иногда характеризует его действие как «странное», что создает антиномию:

«Я страшно читаю, и чтение странно действует на меня. Что-нибудь, давно перечитанное, почитаю вновь и как будто напрягусь новыми силами, вникаю во всё, отчетливо понимаю и сам извлекаю умение создавать» [Письмо брату Михаилу (24 марта 1845). Электронный ресурс].

Возможно, странность имеет отношение не к чтению как к когнитивному процессу, предполагающему получение новой информации, а к перечитыванию прочитанного ранее. Но вне зависимости от этого считаем необходимым квалифицировать существительные *чтение* и *перечитывание* и глаголы *читать*, *перечитывать* как лексемы, обозначающие мыслительные процессы. Аналогично этому и *удивление*, традиционно относимое к эмоциям, также следует внести в разряд лексических единиц, отражающих способность к

мышлению, осознанию, рефлексии. Достоевский высоко оценивает эту способность и осуждает обратное:

«Всему удивляться, конечно, глупо, а ничему не удивляться гораздо красивее и почему-то признано за хороший тон. Но вряд ли так в сущности. По-моему, ничему не удивляться гораздо глупее, чем всему удивляться. Да и кроме того: ничему не удивляться почти то же, что ничего и не уважать. Да глупый человек и не может уважать» [Дневник писателя, 1873. Электронный ресурс].

Достоевский тревожится по поводу людей, утрачивающих способность к тем или иным мыслительным операциям, в частности, к пониманию комического, считает, что это плохой прогноз для их дальнейшей жизни и общения с окружающими:

«Дурной признак, когда перестают понимать иронию, аллегорию, шутку» [Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-1881 гг.: 557].

Итак, с одной стороны, мыслительные способности, знания есть сила человека, его бесспорное превосходство над всеми живыми существами планеты. С другой стороны, ум способен проявляться и в добрых, и в злых поступках, быть силой, ориентированной на созидание, праведность, справедливость или направленной на разрушение, уничтожение, грех. Ввиду этого ум не может играть приоритетную роль в развитии цивилизации и культуры:

«Главное в человеке – это не ум, а то, что им управляет: характер, сердце, добрые чувства, передовые идеи» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 586).

«Не ум главное, а то, что направляет его, – натура, сердце, благородные свойства, развитие» [Униженные и оскорблённые. Электронный ресурс].

Действительно, только обладая такими «направляющими» силами, человек способен называться человеком; в случае отсутствия

ориентированности на нравственность даже незаурядный ум может превратить человека в злого гения, монстра. Согласно философскому изречению Достоевского, «лучшие люди познаются высшим нравственным развитием и высшим нравственным влиянием» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 586]. В художественном мире Достоевского столь важно «сердечное познание» и «познание сердцем», что оно выводит к самому главному – к содержанию этическому, к нравственному смыслу бытия [Буланов, 2004: 146].

Разум и чувства могут быть настолько рассогласованы, что вступают в противоречие друг с другом, выражают и получают противоположные оценки:

«Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой»
[БК. Электронный ресурс].

И, вероятно, в таких ситуациях, когда человек колеблется между оценками «позор – красота», верх берет не рассудок, а чувство, сердечная тяга; не на позор тогда будет ориентироваться личность, а на красоту, которая, как известно со слов того же Достоевского, обязательно «спасет мир».

Согласно мнению писателя, наличие интеллекта, умственных способностей не является неотъемлемым качеством человека, а значит, суть человека заключается не в рассудке, ведь можно жить интуитивно, основываясь на обычаях, чувстве самосохранения, не анализируя правильность своих поступков и не рефлексировав, и при этом не быть сумасшедшим:

«Что знает рассудок? Рассудок знает только то, что успел узнать (иного, пожалуй, и никогда не узнает...), а натура человеческая действует вся целиком, всем, что в ней есть, сознательно и бессознательно, и хоть врет, да живет...» [Записки из подполья. Электронный ресурс].

В данном афоризме отражено отношение Ф.М. Достоевского к рассудку и натуре человеческой: классик уменьшает значение рассудка, ограничивает его временными (*успел*) и количественными (*иного никогда не узнает*) рамками, представляет частью людской природы, выдвинутой ему в противовес как целое. Противительный союз *а* грамматически оформляет это противостояние.

Достоевский находит оправдание существованию, не имеющему составляющую разума (*хоть врет, да живет*), и оценивает рассудок не так высоко, как натуру, ввиду того, что натура способна действовать «вся, целиком», а рассудок – нет.

Достоевский делает акцент на важности деликатного отношения к природным силам, на роли гармоничности, чувства меры в различных видах ментальной активности человека, включающей способность к фантазированию:

«Фантазия есть природная сила в человеке. Не давая ей утоления, или умертвишь ее, или, обратно, – дашь ей развиться, именно чрезмерно (что и вредно)» [Записки о русской литературе (Н.Л. Озмидову). Электронный ресурс].

Излишнее философствование, отвлеченные раздумья – при всей их притягательности для интеллекта – также проигрывают по сравнению с природой, естественными процессами, кажутся чем-то искусственным, ненатуральным. Вот почему:

«Надо любить жизнь больше, чем смысл жизни» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 591].

« – Слишком понимаю, Иван: нутром и чревом хочется любить – прекрасно ты это сказал, и рад я ужасно за то, что тебе так жить хочется, – воскликнул Алеша. – Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить.

– Жизнь полюбить больше, чем смысл ее?

– Непременно так, полюбить прежде логики, как ты говоришь, непременно чтобы прежде логики, и тогда только я и смысл пойму. Вот что мне давно уже мерещится. Половина твоего дела сделана, Иван, и приобретена: ты жить любишь» [БК. Электронный ресурс].

Разумеется, существительное «смысл» не является ментальным, однако словосочетание «смысл жизни» в данном контексте подразумевает такой усиленный, сложный и чрезвычайно масштабный ментальный процесс, как поиски смысла жизни, включающий в себя множество когнитивных действий, в

частности, таких, как цепи наблюдений, размышлений, сопоставлений, противопоставлений, ассоциаций, запоминания и воспоминаний, прогнозирование, взвешивание решений, выводов и т.п.

Умению мыслить Достоевский не отвел главную роль, возможно, ввиду крайней сложности, неизведанности, спонтанности, трудности определения границ и факторов мышления как процесса, а также обусловленности его множеством внутренних и внешних причин, часто случайных и загадочных:

«Всякая первоначальная причина тотчас тащит за собой другую, еще первоначальнее, и так далее в бесконечность. Такова именно сущность всякого сознания и мышления» [Записки из подполья. Электронный ресурс].

На следующую, меньшую по значимости, ступень шкалы ценностей, связанных с мышлением, Достоевский ставит умение выражать мысль с помощью речи:

«Хорошие мысли предпочитают блестящему слогу. Слог – это, так сказать, внешняя одежда; мысль – это тело, скрывающееся под одеждой» [Журнальные заметки П. Молодое перо. Электронный ресурс].

Оценка, представленная в данном высказывании, достаточно противоречива: оценка «хорошие» у Достоевского имеет больший вес и ценность, чем «блестящий» и, следовательно, занимает на оценочной шкале более важное место, чем сравниваемое с ним яркое по оценочной семантике прилагательное.

Таким образом, часть ценностно-оценочной шкалы, способствующей реализации концепта «мысль» и репрезентации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная деятельность» в картине мира Ф.М. Достоевского, может быть представлена следующим образом: чувство → натура человеческая (эмоции, привычки, потребности) → нравственность → рассудок (как нечто непознаваемое и не могущее быть познанным) → слово (как способность опредмечивать, материализовать, выражать мысль) [Рядчикова, Федотова, 2016].

В современном прагматичном мире, ставящем во главу угла материальное обогащение, данная система ценностей, возможно, покажется архаичной, не соответствующей времени, противоречивой и ошибочной. Но значительное количество исторических фактов и событий последнего времени доказывают истинность взглядов и проницательность классика русской и мировой литературы Ф.М. Достоевского: наличие незаурядного ума у человека, не разделяющего принципы нравственности и человечности, становится причиной разрушения, беды, деградации личностного и глобального, цивилизационного масштаба.

Если продолжать вести речь о парадоксальных оценках и идеях Достоевского, то уместным будет привести следующий его афоризм:

«Счастье не в счастье, а лишь в его достижении» [Дневник писателя. Электронный ресурс].

С позиций формальной логики это полный алогизм, абсурд, нарушение логических законов, когда предмет не равен самому себе [А есть не А]. Но, тем не менее, носитель русского языка способен понять и даже принять данное утверждение, проигнорировав оболочку алогизма. Вероятно, логика рассуждений в таком случае могла бы выглядеть следующим образом. Достижение счастья, конечной точки, не оставляет перспектив для дальнейшего развития, достигшему счастья уже некуда и не за чем более стремиться, некуда прикладывать свои силы и разум. А просто так сидеть и наслаждаться текущим моментом деятельный, работоспособный, изобретательный, любознательный и непоседливый русский человек не хочет, так ему не интересно. Кроме того, с позиции науки, счастье – это психическое состояние, включающее в себя определенные эмоции. Психическое, как известно, не существует само по себе, а «управляется» своей материальной сущностью – мозгом, психические состояния функционируют в тесном взаимодействии с механизмами их вербализации. Эмоциональность в сочетании с познавательными процессами специфическим образом отражает действительность. Эмоциональные процессы, как и познавательные, включают в себя эмоциональный и

интеллектуальный компоненты, связанные между собой. В силу этого процесс достижения определенной, высшей, психической эмоции и ментального состояния очень сложен и трудозатратен – в первую очередь именно интеллектуально, психически, эмоционально. На этом пути, обычно нелегком, полном проб и ошибок, взлетов и падений, человек набирается опыта, совершенствуется, нарабатывает определенные навыки и привычки, расширяет свое сознание, усиливает и углубляет познание. Именно это и может оказаться настоящим счастьем для гармонично развитой личности.

Представляется, что здесь Достоевский говорит не о материальном благополучии – в противном случае счастьем было бы как раз получение искомого – предметов, денег, золота и т.п., и зачастую, как известно, алчные люди не пренебрегают ничем ради окончательного результата, физического обладания; о нечестных средствах и приемах, применявшихся на пути к искомому, впоследствии предпочитают не вспоминать, стыдятся, сами ужасаются. Очевидно, писатель имеет в виду иной род счастья – ценности внутренние, духовные, обогащающие не карман, а личность.

Изучение концепта «мысль», особенностей репрезентации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная деятельность» вкпе с морфологическими, синтаксическими, средствами их вербализации и логическими особенностями позволило выделить следующие наиболее характерные и часто встречающиеся ***разновидности семантических значений явлений и процессов когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность»***, представленных в языке произведений русского классика. Изучение этих разновидностей позволяет глубже постичь особенности мыслительного процесса.

1. Мысль как самостоятельный деятель (выступает в роли метафорического субъекта внутреннего мира): *мысль вдруг осенила; пронзила мне мысль эта вдруг сердце; мысль эта иногда, даже во сне, мучила его; у Алеши вдруг мелькнула мысль; мелькнула другая мысль, как молния; мысли кружились теперь около главного пункта.*

2. Мысль как движение от субъекта к внешнему миру является предметом, объектом деятельности человека: *отталкивал он от себя эту мысль; он сам поскорей погасил эту мысль; не решался высказать мысль; Алеша как бы стыдился таких своих мыслей и упрекал себя в них; с злорадством прицепившись к мысли, роясь в ней, играя и потешаясь ею.*

3. Влияние мысли на человека и его психики, сознания, представлений на формирование мысли нередко обличено в сложные предложения, одна из грамматических основ которых выражает самостоятельность мысли (субъект «мысль»), другая – ее зависимость от воли человека (субъект – действующее лицо): *он отгонял мысль: мысль терзала его; он ...не в силах даже выносить свои мысли, до того они давили его.*

4. Мысленное представление может не совпадать с реальностью:

«Алешу более всего мучила мысль, что брат точно рад унижению Катерины Ивановны, хотя, конечно, того быть не могло» [БК: 162].

5. Колебания в принятии решения:

«Я слышал ... – не решался высказать мысль свою Лембке, – я слышал, что вы, возвратясь из-за границы, где следует изъяснили ... вроде раскаяния?» [Бесы: 338].

«Казалось, что он хотел ему что-то сказать, но колебался. Лицо его было бледно и злобно, но он выдержал, не проговорил ни слова и молча пошел вон из комнаты» [Бесы: 385].

Итак, мысль, обдумывание действия подталкивает к дальнейшему действию. Есть все основания считать проблемную ситуацию импульсом появления мысли, но не внешним, а именно внутренним мотивом, представляющим собой отражение проблемной ситуации или вопроса как фактора рождения мысли [Веккер 1998: 240]. Дальнейшее развитие мысли, ее влияние на психическое состояние человека, его эмоции, предположения, фантазии и воображение может иметь положительный результат (*стала наклеиваться в легкомысленной и плутоватой голове его опять всегдашняя успокоительная мысль [Бесы: 262]; на этой мысли он окончательно ободрился*

[БК: 202]; *мысль об этом представлялась в лестной форме* [Подросток: 165] и негативный эффект (*мысль его мучила* [Подросток: 27]; *мучительно преследовавшая его мысль* [Бесы: 274]; *мысль вонзалась в душу поминутно как острый нож* [БК: 389]; *мысль эта приводила его в мрачную ярость* [ПиН: 370]; *мысль начала вдруг пугать его* [ПиН: 360]). В большинстве конструкций, представляющих концепт «мысль» в произведениях Достоевского, заключена негативная семантика, связанная с обусловленностью мыслительных процессов и действий героев сложными замыслами и глубокими психоментальными идеями автора.

Значительным аспектом концептуального анализа считается исследование метафорической сочетаемости номинанта концепта. «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» [Денисов, Морковкин, 1978: 293] включает четыре возможных сочетания слова «мысль» с глаголами: *работает, родилась, пришла в голову, мелькнула*. Из произведений Достоевского было извлечено гораздо больше сочетаний: *мысли кружились; мысль промелькнула; клочки мыслей кишели; мысль терзала; мысль не оставляла его; мысль поднималась в нем; мысли соединились; мысль осенила; мысль поразила; мысли перескакивали одна через другую; мысли толпились в голове; мысли зародились; мысль блеснула; мысль пронзила мне сердце; мысль пронеслась, как молния; мысли загорались, как звездочки; мысль наклеывалась в голове, как из яйца цыпленок; мысль вонзалась в душу как острый нож* и др. Встречающиеся во многих сочетаниях метафоры позволяют создать и сформировать образ концепта, репрезентированного в текстах Достоевского, действия, поступки и мышление героев которого основаны на своеобразной логике «ума» и «сердца», являющейся одной из особенностей идиостиля писателя.

Многие контексты из произведений Достоевского, репрезентирующие концепт «мысль», содержат фразеологические обороты: *стараясь хоть как-то собраться с мыслями* (= сосредоточиваться); *пришло на мысль* (= вспомнилось); *подумал он мельком, одним только краешком мысли* (= краткое время, попутно) – авторское преобразование фразеологизма *краешком*

глаза; окказиональные фразеологизмы: *погасить мысль* (= остановить мыслительный процесс); *прилепливаться мыслями* (= заострять внимание). В подобных случаях наблюдается взаимопроникновение и взаимодействие лексических, фразеологических, синтаксических и семантических факторов. Те переходные случаи, которые во множестве наблюдаются в тексте, стали объектом изучения ученых, придерживающихся теории семантической диффузности, или семантического синкретизма [Усачева, 2007: 6-7]. Вне языкового окружения определить семантическое значение концепта «мысль» трудно. «В некоторых особых случаях контекст как раз предназначен именно для того, чтобы эту неопределенность либо усилить, либо создать. Контекст выполняет двойную функцию по отношению к словам и фразеологизмам с семантикой неопределенности: с одной стороны, он способствует разрешению, снятию семантической неопределенности (пример *а*)), а с другой стороны, напротив, ведет к намеренной размытости (пример *б*)» [Жуков А.В., Жуков К.А., 2003: 110]:

а) *«Все тверже и тверже укреплялась в нем мысль, что если бы действительно этот загадочный вчерашний человек, этот призрак, явившийся из-под земли, все знал и все видел, - так разве дали бы ему, Раскольникову, так стоять теперь и спокойно ждать»* [ПиН: 265].

б) *«- Эх, Миша, душа его бурная. Ум его в плену. В нем мысль великая и неразрешенная. Он из тех, которым не надобно миллионов, а надобно мысль разрешить»* [БК: 85].

В примере *а*) концепта «мысль» идентифицируется как «предмет размышления», в примере *б*) возникает значительная сложность в определении дефиниции концепта ввиду размытости контекста: происходит объединение значений «предмет размышления», «идея» и «вопрос; проблема, требующая решения». Трудность в выяснении точного значения, выражения с помощью средств конкретного метаязыка различных оттенков значения обусловливается неординарностью протекания мыслительных процессов героев Ф.М. Достоевского [Федотова 2010].

Концепт «думать» – один из базовых концептов ментального, «мысленного» состояния внутреннего мира человека. Он является основным, т.к. послужил базой для появления производных: *обдумать, придумать, передумать, задумать, думаться, задуматься, додуматься, выдумка, задумка, задумчивость, надуманность* и др.

Лексическое значение глагола «думать» представлено в словаре С.И. Ожегова следующим образом: «Думать – 1. о ком – чем, над чем и без доп. Направлять мысли на кого- что-н., размышлять. 2. Полагать, держаться какого-н. мнения. 3. на кого (что). Считать виновным в чем-н., подозревать (прост.). 4. с неопр. Иметь намерение (разг.). 5. о ком-чем. Проявлять заботу о ком- чем-н., беспокоиться» [Ожегов, 1989: 148]. В первом значении глагол «думать» употребляется для описания «осуществления процесса мышления» наряду с «мыслить», «рассуждать», «размышлять». «Думать», в отличие от вышеперечисленных глаголов, не предполагает обязательность умозаключения, вывода.

Значение глагола складывается из иерархизованных денотативных сем, отражающих признаки денотата, и неиерархизованных, не связанных непосредственно с признаками денотата неденотативных сем, выражающих субъективное отношение к денотату. Денотативные субстанциональные семы указывают на предметы и их признаки, а денотативные несубстанциональные – на процессы и их признаки [Гайсина, 1982: 59-64; Михайлова, 1984: 64-71]. Все конститuentы лексико-семантической группы глаголов памяти можно разделить на четыре основные группы: хранение информации в памяти, сохранение информации в памяти, воспроизведение информации в памяти и утрата информации из памяти [Ребрина, 2007: 140].

Идиостилю Ф.М. Достоевского присущи значимые для русской речи черты, одновременно выступающие в качестве составляющих русского национального самосознания, русской идеи, веры, стихийности [Караулов. Электронный ресурс].

В произведениях Ф.М. Достоевского представлены различные языковые единицы и конструкции, репрезентирующие когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», в состав которых входит концепт, выраженный глагольной лексемой «думать». Мы выделили несколько семантических групп, к рассмотрению которых и перейдем.

Одной из особенностей автора и его героев является способность к подробному, глубокому мышлению и рефлексии, что составляет специфику концепта «думать» в языке произведений Ф.М. Достоевского. В этом аспекте когнитивно-ментальная сфера «мыслительная активность» представлена следующими семантическими разновидностями ментальных действий:

а) умение отделить главное от второстепенного:

«Но это еще были мелочи, о которых он и думать не начинал, да и некогда было. Он думал о главном, а мелочи отлагал до тех пор, когда сам во всем убедится» [ПиН: 59].

б) концентрация внимания на мысли, зависимость от мысли мешает адекватной жизни:

«Всегда-то, всегда, все эти пять лет, я боялась день и ночь, что перед ним в чем-то я виновата. Молюсь я, бывало, молюсь и все думаю про вину мою великую перед ним» [Бесы: 266].

в) отсутствие контроля над процессом мышления:

«Он с минуту осматривался в кабинете, видимо не замечая рассматриваемого; он думал и, конечно, не знал о чем» [Бесы: 624].

г) тяжесть от мыслей, стремление перестать думать о проблемах:

«Таким образом, увлекшись посторонними соображениями, он развлекся и решил не “думать” о сейчас наделанной им “беде”, не мучить себя раскаянием, а делать дело, а там что будет, то и выйдет. На этой мысли окончательно ободрился» [БК: 202].

В последнем контексте концепты «думать» и «мысль», выраженные одноименными лексемами, синонимичны.

Приведенные примеры описывают разные мыслительные процессы героев, отдающих себе отчет (*думал о главном, решил не думать*), потерявших контроль над событиями (*пять лет боялась, боюсь и думаю про вину*), находящихся под властью «стихийных сил» [Караулов. Электронный ресурс] (*думал, не знал о чем*).

Во втором словарном значении глагол «думать» можно сопоставить с глаголами «считать», «полагать», «предполагать», «верить», он является путативным эпистемическим предикатом, противопоставленным фактивному «знать» по признаку «предположение» – «уверенность» [Апресян, 1997: 424-425].

В предложениях с эпистемическим предикатом «думать» важно не то, думает человек или нет, а то, о чем он думает, каково его мнение.

Художественный, политический и религиозный тексты чаще всего включают в себя путативные предикаты «верить», «думать», а многие произведения Ф.М. Достоевского зачастую строятся на теме мнения и веры. «Проблема мнения, знания и веры – это не столько философская и онтологическая проблема, сколько лингвистическая (по крайней мере, на 90%), и решать ее надо лингвистическими методами» [Шатуновский. Электронный ресурс]. Русское мнение и вера имеют специфические лингвокультурологические особенности, проявляющиеся в идиостиле Ф.М. Достоевского. Уникальность личности персонажа, его самосознания в произведениях Ф.М. Достоевского подчеркивает субъективность мнения, оценки и выражается особыми лексическими средствами.

«Все были в тревоге и не понимали друг друга; всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки» [ПиН: 436].

В данном примере наиболее четко прослеживается путативность предиката. Безальтернативность мысли проистекает из субъективности мнения [Шатуновский. Электронный ресурс]. Отрывок из описания «зараженных» умом и волей людей представляет одну из основных идей автора – соборность,

невозможность существования одного сознания, не взаимодействующего с другими.

«Вы правы: я думаю, именно так придется, что оглашу внезапно и именно в какую-нибудь мстительную, ненавистную минуту, когда всего больше буду их ненавидеть» [Бесы: 644].

В данном примере основа «я думаю» сходна с конструкциями «мне кажется», «скорее всего», «наверное», подразумевающими сомнение в истинности. Сочетание «я думаю, ... придется» указывает на неуверенное, несамостоятельное мышлеположение. Именно так рассуждает Ставрогин, в дальнейшем отказавшийся от идеи распространить документ, в котором он сознается в преступлениях.

На наш взгляд, особняком должно стоять значение «держаться какого-н. мнения», входящее в словарную статью «Думать» (значение 2, вместе с вышеописанным эпистемическим значением) [Ожегов, 1989], поскольку оно представляет собой не столько процесс мышления, сколько оценку, сложившееся мнение о ком-то или о чем-то.

«– Я удивляюсь, как дурно вы думаете про людей, как гадливо, – с некоторым видом озлобления произнес Ставрогин» [Бесы: 645].

«Дурно думаете» в этом примере можно заменить конструкцией «плохое мнение, представление». Лексема «думать», с одной стороны, не описывает конкретно мыслительный процесс (как в значении 1), но, с другой стороны, не является своего рода «связкой», соединяющей субъект и объект, и не лишена «признакового» [Шатуновский. Электронный ресурс] значения (как в значении 2).

Еще одно значение глагола думать – «иметь намерение». Рассмотрим два примера:

а) *«Ставрогин и не думал уходить, напротив, опять стал впадать мгновениями в сильную задумчивость»* [Бесы: 643-644].

б) *«Смуров, разумеется благоговел перед Колей Красоткиным и не смел и думать равняться с ним. Теперь же был ужасно заинтересован,*

потому что Коля объяснил, что идет “сам по себе”, и была тут, стало быть, непременно какая-то загадка в том, что Коля вдруг вздумал вдруг именно сегодня идти» [БК: 537].

«Думать» в синонимическом ряду «иметь намерение», «иметь желание», «иметь замысел», «собираться», «предполагать», «намечать», «планировать», «намереваться» является предпосылкой к «волевому акту» [ЛОРЯ: 396]. Ум, сердце и воля в романах Ф.М. Достоевского имеют первостепенное значение и определяют характер действия, мышления героя и осознания себя в мире [Логвинов, 2004: 13]. В примере *а)* героя заставляют принять решение воля (*не думал*) и рассудок (*задумчивость*); в примере *б)* воля героя (*думать равняться*) находится в зависимости от сердца (*благоговел*) и рассудка (*не смел, заинтересован*).

Таким образом, по отношению к специфике исследуемых концептов «мысль» и «думать» возможно применить слова А.С. Усачевой в отношении класса глаголов интеллектуальной деятельности и определить, что данная специфика концепта заключается, «с одной стороны, в его абстрактности и недифференцированности, с другой – в принципиальной логико-понятийной значимости как ключевого номинанта когнитивной деятельности человека, способного обозначать не только процесс думания как таковой, но и выражать мнение» [Усачева, 2007: 12].

Основываясь на проведенном анализе, можно сделать следующие выводы:

- богатство сочетаемости концепта «мысль» в контекстах произведений Достоевского доказывает разносторонность, неоднозначность, нетривиальность мыслительных процессов героев его романов;

- мысль персонифицирована, не всегда формируется волевым актом субъекта, в большинстве случаев носит личный характер;

- обилие примеров с негативной коннотацией носит неслучайный характер: пессимистический, рефлексивный настрой характерен для

классика и большинства его героев, намеренное интеллектуальное мышление которых зачастую приводит к нежелательным последствиям;

- в русской языковой картине мира концепты «мысль», «думать» могут наполняться содержанием, имеющим различную когнитивную и эмоциональную окраску [Федотова, 2010]. Их могут репрезентировать глаголы, имена и словосочетания не только сугубо ментальные, но и приобретающие такую характеристику в контексте (например, *чувствовать, находить, ослепнуть, видеть сердцем, заботиться в своем сердце, поиск смысла жизни, достижение счастья*).

2.4. Лингвокогнитивный аспект языкового выражения рефлексии

Ф.М. Достоевским

Под **рефлексией** понимается «процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний» [Краткий психологический словарь, 1998: 318]. Материалы многочисленных исследований представляют рефлексию в роли объекта изучения как свойство личности, направленное на самоанализ, системы приемов получения и осознания данных. Становясь предметом своего собственного исследования, рефлексия с большим успехом выявляет истинные мотивы сознания и протекающие в нем мыслительные процессы. А.В. Карпов различает ситуативную (способность проявлять адекватную реакцию в конкретной ситуации), ретроспективную (умение анализировать совершенные поступки) и проспективную (способность планировать) рефлексию [Карпов, 2003].

Мы опираемся на когнитивный подход понимания рефлексии, изучающий этот феномен с точки зрения теоретического мышления. В работах А.В. Брушлинского, И.Н. Семенова и других ученых, рефлексия представлена как способность размышлять, сопоставлять, анализировать собственные мысли и действия. К числу основных причин рефлексии относится феномен «соотношения социального и биологического (органического) в психическом

развитии человека, проблемы общественно-исторической обусловленности человеческой психики» [Брушлинский, 1968: 6]. И.Н. Семенов рассматривает рефлексию как «механизм опосредованного самопознания, активного личностного переосмысления своего индивидуального сознания, с помощью которого обеспечивается самосовершенствование личности», как «переосмысление содержаний сознания, раскрывающихся субъекту как целостному “я” в мыслительном процессе» [Семенов, 1990. Электронный ресурс]. По мнению исследователя, для создания механизма рефлексии требуется: диагностика ситуации или проблемы; понимание собственной позиции; оценка соответствия своей деятельности задачам; привлечение опыта для преодоления затруднений. А. Мирошниченко интересуют вопросы распознавания явлений языка и явлений мысли во время погружения в собственное сознание при рефлексии – лингво-идеологическое исследование. Его основными категориями являются мотив, интенция, цель, целесообразность, эффективность высказывания [Мирошниченко, 1995]. А.Р. Лурия указывал на главную проблему процесса рефлексии: «Трудно сознательно наблюдать протекание собственной сознательной мысли и продолжать мыслить, и именно этот момент составляет существенную трудность для описания процессов мысли как исходной стадии формирования речевого высказывания» [Лурия. Электронный ресурс].

Эти представления ученых относительно категории рефлексии приводят нас к выводу о том, что главными вопросами рефлексии являются: «Почему необходимо сделать так?», «Почему необходимо выбрать именно эту языковую форму для выражения мысли?» Вообще уже сам вопрос, в терминологии современной психологической науки, является «исходным пунктом специфически мыслительного пути преодоления информационного дефицита стимульной ситуации... Вопрос есть психическое отображение нераскрытости, непредставленности тех предметных отношений, на выяснение которых направлен весь последующий мыслительный процесс. Именно в таком качестве информации о ее дефиците и вместе с тем обобщенной информации о типе

непредставленных предметных отношений (что? где? когда? как?), которые ставят содержание мысли как результата мыслительного процесса, вопрос и является исходным пунктом развертывания этого процесса» [Веккер, 1998: 242-243].

В центре рефлексии лежит категория осмысливания. Для Достоевского процесс осмысливания связан в первую очередь с осознанием человека самого себя как части божественного замысла, божественного творения:

«Самые серьезные проблемы современного человека, происходят от того, что он утратил чувство осмысленного сотрудничества с Богом в Его намерении относительно человечества» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 589].

Божественное творение – человек – должен иметь и сознание, представления, идеи, достойные Творца:

«Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 587].

В других ситуациях – житейских, приземленных – осмысление не такой уж сложный, по мнению писателя, процесс, и отнюдь не он есть вершина человечности. В следующем высказывании классика осмысление представлено как однократное завершённое действие, которое противопоставлено длительному процессу становления гуманной человеческой личности:

«Осмыслить и прочувствовать можно и верно и разом, но сделаться человеком нельзя разом, а надо выделяться в человека» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 589].

В этом нелегком процессе становления завершающим аккордом писатель считает осмысленные отношения к природе, тягу к ней, слияние и внимательное, бережное отношение, когда человек научается рефлексировать не только по поводу себя самого, но и по поводу окружающей его стихии:

«Соприкосновение с природой есть самое последнее слово всякого прогресса, науки, рассудка, здравого смысла, вкуса и отличной манеры» [Достоевский // Энциклопедия Мудрости, 2000: 590].

Вероятно, именно оторванность человека, его рассудка, способности мыслить от первопричин – от Бога и от сотворенной им природы – нивелирует, по мнению писателя, сам процесс рефлексии, его значимость для человеческого существа:

«Для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину ... Но все-таки я крепко убежден, что не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь. Я стою на том [Записки из подполья. Электронный ресурс].

Вместе с тем, отсутствие сознания, отсутствие рефлексии – это признак глупости, свойство дураков. Соответственно, если человек обретает способность к рефлексии, то становится умнее, делает шаг вперед по интеллектуальной лестнице:

«Дурак, сознавшийся, что он дурак, есть уже не дурак» [Униженные и оскорбленные. Электронный ресурс].

В современной языковой традиции глагол «сознаваться» относится в большей степени к процессу порождения речи, употребляется в значении ‘сказать, рассказать, признаться’. Но у Достоевского, как представляется, акцент сделан не на речевой стороне, а на ментальной – от существительного «сознание, осознание». Вероятно, наш современник вместо слова «сознавшийся» употребил бы здесь слово «осознавший».

Рефлексия, выражающаяся в основном как творческие искания, конфликт с социумом, желание нестандартного решения проблем и правильного выражения мыслей, общение с собственным сознанием, анализ своего мышления, стремление к пониманию внутреннего «Я», характерна практически для всех героев произведений Ф.М. Достоевского, наиболее ярко, объемно и

мучительно, пожалуй, – для главного героя романа «Преступление и наказание».

Обратимся к примерам из романов Достоевского.

«И вот все эти колебания и соображения пролетели и мелькнули в его уме в тот миг, когда он вступал теперь в гостиную. Промелькнула и еще одна мысль – вдруг и неудержимо: “А что, если она и никого и не любит, ни того, ни другого?” Замечу, что Алеша как бы стыдился таких своих мыслей и упрекал себя в них, когда они в последний месяц, случалось, приходили к нему» [БК: 192].

Представленные в этом примере рефлексия, самоанализ, неожиданные мысли, колебания, стыд за собственные мысли, сложность самоопределения являются характерными особенностями русского характера в представлении Ф.М. Достоевского.

«Мысль мелькнула» – наиболее часто употребляемая категория при описании мыслительных процессов у Ф.М. Достоевского. Как известно, «мелькать – являться, показываться на короткое время, на мгновение; появляться и исчезать, сменяясь другим» [Ожегов. 1989: 279]. Именно скорость размышлений героев Достоевского ярко показывает спонтанность мышления, быструю смену операций в «мыслительных цепочках» (их мы подробнее рассмотрим в последнем разделе данной работы).

Среди характернейших, очень часто встречающихся приемов рефлексии у Достоевского – саморазоблачение персонажа:

«Все это я обдумал и совершенно уяснил себе, сидя в пустой комнате Васина, и мне даже вдруг пришло в голову, что пришел я к Васину, столь жаждая от него совета, как поступить, – единственно с той целью, чтобы он увидал при этом, какой я сам благороднейший и бескорыстнейший человек, а стало быть, чтоб и отмстить ему тем самым за вчерашнее мое перед ним принижение» [Подросток: 141].

«– Разве вас кто-нибудь уже приглашал в Америку?»

– Признаюсь, меня подбивали, но я отверг... Чему вы смеетесь? Уже не думаете ли вы, что я вам все наврал? (“А что, если он узнает, что у меня в отцовском шкафу только и есть один этот номер “Колокола”, а больше я из этого ничего и не читал?” – мельком, но с содроганием подумал Коля)» [БК: 567].

«– Вижу ясно: вы мне не поверили! Ни в чем и ни на грош! Вина моя, а не ваша, не надо было соваться. Зачем, зачем я омерзил себя признанием в тайне моей!» [БК: 510].

«“Ну что я понимаю в любви и в женщинах и как могу я заключать такие решения”, – с упреком себе думал он после каждой подобной своей мысли или догадки» [БК: 192].

«Но сознаться себе самой, что этот старый болтун осмеливается ее сожалеть и почти протезировать, понимая, что делает ей честь своим присутствием, было очень досадно» [Бесы: 468].

«Дух у меня тогда весь захватило, Господи, да вдруг и подумала: а придет да свистнет мне, позовет меня, так я как собачонка к нему поползу битая, виноватая! Думаю я это и сама себе не верю: “Подлая я аль не подлая, побегу я к нему аль не побегу?”» [БК: 364].

Христианское саморазоблачение в двух последних примерах – результат взаимодействия рациональных (понимать, подумать, думать), эмоциональных (дух захватило, было очень досадно) и нравственных (сознаться себе самой, сама себе не верю) мыслей и переживаний. Гордость, сила и вера героинь романов Ф.М. Достоевского позволяют им быть честными с собой, сохранять человечность и духовность.

Рассмотрим примеры языковой репрезентации логических цепочек механизма рефлексии Родиона Раскольникова.

1. Мысль → оценка себя → мысль о невозможности процесса мышления:

«В раздумье стал он среди комнаты. Мучительная, темная мысль поднималась в нем – мысль, что он сумасшествует и что в эту минуту не

в силах ни рассудить, ни себя защитить, что вовсе, может быть, не то надо делать, что он теперь делает...» [ПиН: 67].

В данном примере сомнения в происходящем в сознании героя выражаются словами *не в силах рассудить, сумасшествует*. Раскольников, находясь в состоянии сосредоточенности мыслей (*в раздумье*), все же начинает осознавать себя неспособным к обдумыванию, построению заключения, выбору верного варианта поведения (ментальная несостоятельность) и неадекватным в действиях и мыслях (психическое отклонение). Рефлексия осуществляется на уровне познания и анализа активным осознанием героя собственного мышления и психики. Парадокс заключается в том, что герой думает о том, что не может думать. Эта мысль парализует волю и дееспособность.

«“Зачем на Неву? Зачем в воду? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на острова, а там где-нибудь, в одиноком месте, в лесу, под кустом, – зарыть все это и дерево, пожалуй, заметить?” И хотя он чувствовал, что не в состоянии всего ясно и здраво обсудить в эту минуту, но мысль ему показалась безошибочной» [ПиН: 88].

Из сложного процесса рефлексии в этом примере репрезентирована позиция «субъект, каким он видит себя» [Краткий психологический словарь, 1998: 318]. Представление здесь основано на эмоциональном отношении к себе (*он чувствовал*), но формирующем решение, мотивирующем и направляющем действия. Глагол *обсудить* доказывает процесс рефлексивного мышления, основанного на диалоге с самим собой, по мнению героя, не приводящего к решению в состоянии, описанном в контексте. Тем не менее, он приходит к определенному решению. Таким образом, в этом контексте та же мысль, что и в предыдущем – о том, что герой не может думать, – приводит уже не к негативному, парализующему, а к позитивному результату, успокаивает и завершает мучительные размышления.

2. Мысль → негативная оценка себя → воспоминание → проверка → вывод → позитивная оценка себя:

«Тут пришла ему в голову странная мысль: что, может быть, и все его платье в крови, что, может быть, много пятен, но что он их только не видит, не замечает, потому что соображение его ослабло, раздроблено... ум помрачен... Вдруг он вспомнил, что и на кошельке была кровь. “Ба! Так, стало быть, и в кармане тоже должна быть кровь...” Мигом выворотил он карман, и – так и есть – на подкладке кармана есть следы, пятна! “Стало быть, не оставил же еще совсем разум, стало быть, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался! – подумал он с торжеством, глубоко и радостно вздохнув всю грудью, – просто слабосилие лихорадочное, бред на минуту”, – и он вырвал всю подкладку из левого кармана панталон» [ПиН: 74].

Коммуникация Раскольниковова с самим собой в виде реплик преследует цель построения когнитивной цепочки, результатом которой является не избавление от улики преступления, что было бы более рациональным и естественным в данной ситуации, а доказательство своего здравого мышления. Сомнения в своей мыслительной активности (*соображение его ослабло, раздроблено, ум помрачен*) сменяются катарсисом и тожеством уверенности (*не оставил же еще совсем разум, есть же соображение и память, коли сам спохватился и догадался*) под влиянием объективных причин. Показательно и в то же время поразительно, что после убийства человек – весьма, кстати, религиозный – мучается не проблемой совершенного греха, а проблемой сохранности собственного «я», своего разума, психики, своей самооценки. Очевидно, что именно так Достоевский показывает корень зла, приведшего Раскольниковова к грехопадению: излишняя, болезненная заикленность Родиона на себе, собственный эгоизм перевесили в нем незыблемые законы человечности, законы христианской религии. Возникновение изначального сомнения (*тут пришла ему в голову странная мысль*) синонимично причине становления подобного состояния в примере *а* (*мучительная, темная мысль поднималась в нем*), что можно объяснить началом динамического мышления (олицетворения, фазисные глаголы «*мысль пришла*», «*мысль поднималась*») с

негативной коннотацией (*странная, мучительная, темная*), повлиявшего на ход рефлексии. Главной причиной рефлексивного процесса является развитость и психические особенности личности Раскольникова, заинтересованность в решении первоначально значимой для него проблемы, раскаяния, граничащего с желанием самооправдания.

Зачастую рефлексия персонажа Достоевский показывает как внутреннюю речь, как молитвенное обращение к Богу. Насыщенный сверхсильными эмоциями, такой монолог как правило представляет измененное состояние сознания героя, например:

3. Мысль → сомнение → оценка → отвержение мысли:

«Он положил локти на колена и подпер обеими руками голову. «Боже! – воскликнул он, – да неужели ж, неужели ж я в самом деле возьму топор, стану бить по голове, размозжу ей череп... буду скользить в липкой, теплой крови, взламывать замок, красть и дрожать; прятаться, весь залитый кровью... с топором... Господи, неужели? Ведь вчера же, сходя с лестницы, я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко... ведь меня от одной мысли наяву стошнило и в ужас бросило... Господи! Ведь я все же равно не решусь! Я ведь не вытерплю, не вытерплю!» [Пин: 51].

В этом случае несколько не смущаясь, Раскольников стремится привлечь в свидетели своих действий самого Бога, не прося при этом у Господа ни помощи, ни благословения. «Сочетание в тексте имени Бога и описаний темных деяний выглядит невероятным – преступным – оксюмороном. Действия Раскольникова как будто не зависят от морали и от Божьего благоволения. Потому-то он и физически, и эмоционально оказывается в сильнейшем напряжении... Внутренние желания и моральные запреты находятся у Раскольникова в непримиримой борьбе, сознание изменено. Тем не менее, герой принимает существование Бога как Того всезнающего, кому можно задать вопрос, для читателя – будто риторический: “Господи, неужели?!”, звучащий более как междометие, но для самого героя

чрезвычайно важный» [Рядчикова, Ихлова, 2015: 201]. По замечательному наблюдению Г.С. Померанца, «в терминах символа веры Достоевского это вопль грешника, сознательно отталкивающего Христа и в отчаянии бросающегося к его ногам» [Померанц. Электронный ресурс].

Языковая модель героев романов Достоевского очень тесно сплетена с авторской, психологическая рефлексия персонажей выражена с помощью интеллектуальной рефлексии автора и правильно им подобранных лингво-идеологических соответствий, позволяющих наиболее четко раскрыть характер описываемых людей.

Именно рефлексия, представленная в текстах романов либо как несобственно-прямой монолог, либо как внутренние размышления персонажа, либо как открытое откровение в разговоре с собеседником, помогает понять истинную их сущность, как, например, это случается в самом начале романа «Идиот», когда главный герой делится своим внутренним настроением, с которым он ехал в Россию после лечения:

4. Чужая оценка → аргумент → своя оценка → вывод / осознание:

«На первый случай я положил быть со всеми вежливым и откровенным; больше от меня ведь никто не потребует. Может быть, и здесь меня сочтут за ребенка, – так пусть! Меня тоже за идиота считают все почему-то, я действительно был так болен когда-то, что тогда и похож был на идиота; но какой же я идиот теперь, когда я сам понимаю, что меня считают за идиота? Я вхожу и думаю: вот меня считают за идиота, а я всё-таки умный, а они и не догадываются... У меня часто эта мысль» [Идиот: 101].

Главными в этом контексте являются глаголы ментального действия. Формально они призваны доказать, что герой умеет размышлять логично, последовательно, доказательно, чётко (что отнюдь не свойственно больным идиотией). Однако, как стремится показать Достоевский, идиотизм героя действительно имеет место быть, но не в качестве заболевания (на протяжении почти всего романа), а в качестве «непохожести» на общепринятое, эталонное

поведение. Так, в приведенном контексте актуализируются такие семы слова «идиот», как ‘вежливость’, ‘откровенность’, ‘ребенок’, ‘наивность’, ‘простота’. Однако, поскольку они актуальны – по мнению общества – лишь для неискушенного, неопытного маленького ребенка, но никак не для взрослого мужчины, князя, постольку героя и считают ненормальным, идиотом [см. Ширшиков, 2005 (б)], его простодушие, открытость и чистота вызывают у лукавых и развращенных людей сильное недовольство, раздражение, досаду, обиду. «“Стеническая”, “сильная” форма этой эмоции выглядит как раздражение и злость,... о чем, кстати, свидетельствует появление таких интенсификов “дурака”, как “идиот” и “кретин”» [Воркачёв, 2017: 231]. Мышкин оценивает окружающих посредством того, как они мыслят (*считают, сочтут за..., не догадываются*), противопоставляя им свое мышление (*я понимаю, думаю, у меня эта мысль*).

Отметим, что молодого князя Мышкина называют не просто глупым, дураком, дурачком, что оставляло бы ему хоть какие-то шансы не быть изгнанным из того круга общения, в который он попал, а именно идиотом. «В русской культуре к дуракам относятся сочувственно, считая их обиженными Богом или неразумными в силу малого возраста... Очевидно, по этой причине слово “дурак” (в отличие от слов “глупец”, ”идиот” и кретин”) в позиции обособления способно передавать различные оттенки положительного отношения говорящего к протагонисту оцениваемого события – сочувствие и любовь, чаще всего в ее русской разновидности – жалости,.. а также фундаментальную... составляющую любви – заботу...» [Воркачёв, 2017: 232]. Единственный, но самый тяжкий в глазах его окружения грех, порок князя Мышкина – его неумение лукавить, юлить, подстраиваться под нужных людей, правдоискательство. Как писал А.М. Горький, «Достоевский считал характернейшей особенностью интеллигенции – и Толстого – неистовую, исступлённую прямолинейность грузного, тяжелого русского ума» [Горький. Электронный ресурс].

Окружающие стали бояться молодого человека, страх быть разоблаченными со всей прямотой заставляет их «разбить зеркало», отражающее правду. По сравнению с чистой душой князя практически все, с кем он вынужден общаться, чувствуют себя в той или иной мере ниже его духовно, хоть на мгновение, но оказываются задетыми его моральным некичливым превосходством. Поэму, чтобы обелить самих себя, ему начинают давать нелюбимые характеристики, вначале в метафорическом значении. «“Дурак”, “глупец”, “идиот”, “кретин” – относительно мягкие, ослабленные инвективы, использование которых в отношении других лиц, свидетельствующее об унижении последних, приносит говорящему ощущение некоего удовлетворения по случаю собственного интеллектуального превосходства» [Воркачёв, 2017: 243]. Однако впоследствии персонажи романа не довольствуются определением убогого (убогих в то время на Руси почитали и уважали, жалели), не просто приклеивают Мышкину ярлык с семантикой «ментально ограниченный», но переводят его в разряд «страдающий психическим, душевным расстройством» [см., например, Ширшиков, 2005 (а)]. Князя оговаривают, объявляют неизлечимо больным, асоциальным, не могущим находиться среди людей. Лишенный сочувствия и любви, даже жалости, ни в чем не повинный Лев Мышкин не выдерживает такого существования. Его ценностные приоритеты, нравственные принципы, моральный стержень, интеллект, настоящая русская интеллигентность пришли в критический диссонанс с другими социальными правилами и законами, которых он не то что не понимает, а даже боится понять. С целью сохранить себя, его некогда больной мозг нашел парадоксальное решение: он послушно решает «оправдать» приклеенный ему ярлык идиота; спасение от общества, которое его не приняло и стало выдавливать из своих рядов, нашлось в том, чтобы снова уйти в болезнь, «спрятаться» в ней, чтобы по-прежнему пребывать в мире своих собственных представлений, ценностей и иллюзий относительно людей.

Почему не отказал мозг Чацкого, когда тот оказался в подобной же ситуации социального изгнанника? Грибоедов не показал его сумасшествие, герой лишь переменяет место общения, стремится уехать. Конечно, это позиция сильной личности, в отличие от слабого Мышкина. Но далеко ли уедет Чацкий, найдет ли общество с иными устоями, где он сможет стать «своим», быть полностью принятым, жить комфортно? Вряд ли. Не исключено, что рано или поздно и он оказался бы сломлен, подобно герою Достоевского, чеховскому Иванову и другим «лишним» людям, у которых один путь – тем или иным способом изолировать самих себя от общества. Ибо наряду с неоспоримыми и многими могучими достоинствами, ориентированный нравственно и стремящийся к идеалу «русский ум при всей своей зрелости и независимости скромн... В то же самое время... склонен довольствоваться словами вместо дел, склонен к мечтательности, нигилистичен, отягощен невежеством, резво начинает и быстро утомляется,.. не любит конкретики и склонен к самообману» [Воркачѳв, 2017: 260].

Достоевский показал трагедию интеллектуального рефлексирующего человека, обладающего высокой нравственностью, духовностью, которая не допускает подстраивания под негатив, чтобы «с волками жить – по-волчьи выть». Мышкин не смог, не допускал даже мысли «по-волчьи выть», но не смог и подняться до противостояния своему кругу; слабые попытки очистить общество, исправить, хоть как-то переделать его под себя ограничились с его стороны внешне лишь недоуменными вопросами, растерянностью, мягкими упреками, внутренне – печалью и горечью, отчаянными, но безуспешными попытками найти выход. Буря разъедающих эмоций и когнитивный диссонанс привели к внутренней, ментально-эмоциональной (психической) катастрофе.

Концепт «идиот» в романе Ф.М. Достоевского является авторским квазиконцептом, который реализует основной замысел автора произведения, его пропозициональную установку, заключающуюся в изображении «прекрасного человека», который не похож на других, вступает «в антагонистические отношения вследствие его “иных” представлений о мире,

“инога”, христианского мировоззрения» [Ширшиков, 2005 (а): 5]. Произведенный В.Б. Ширшиковым анализ концепта «идиот» позволил заключить, что вложенные Ф.М. Достоевским новые, по сравнению со словарными, смыслы в лексему «идиот» отражают особенности собственно авторского мировосприятия и обуславливают смысловую осложненность текста. В ходе анализа выявлены авторские новации: оживление потенциальных смыслов, развитие коннотативных оттенков [Там же: 17].

Начало романа «Подросток», написанного от первого лица, также предваряется рефлексией этого лица.

5. Мысль / озарение → новая оценка себя:

«О низость! Что ж, откуда вдруг эти тысячи, эти рысаки и Борели? Как мог я так вдруг всё забыть и так измениться? Позор! Читатель, я начинаю теперь историю моего стыда и позора, и ничто в жизни не может для меня быть постыднее этих воспоминаний!» [Подросток: 201].

Нередко рефлексировать вместо героев вынужден сам автор: он доводит их мысль до логического завершения, как бы додумывает ситуацию. Пример:

6. Оценка → эмоция → нарушение логики мышления:

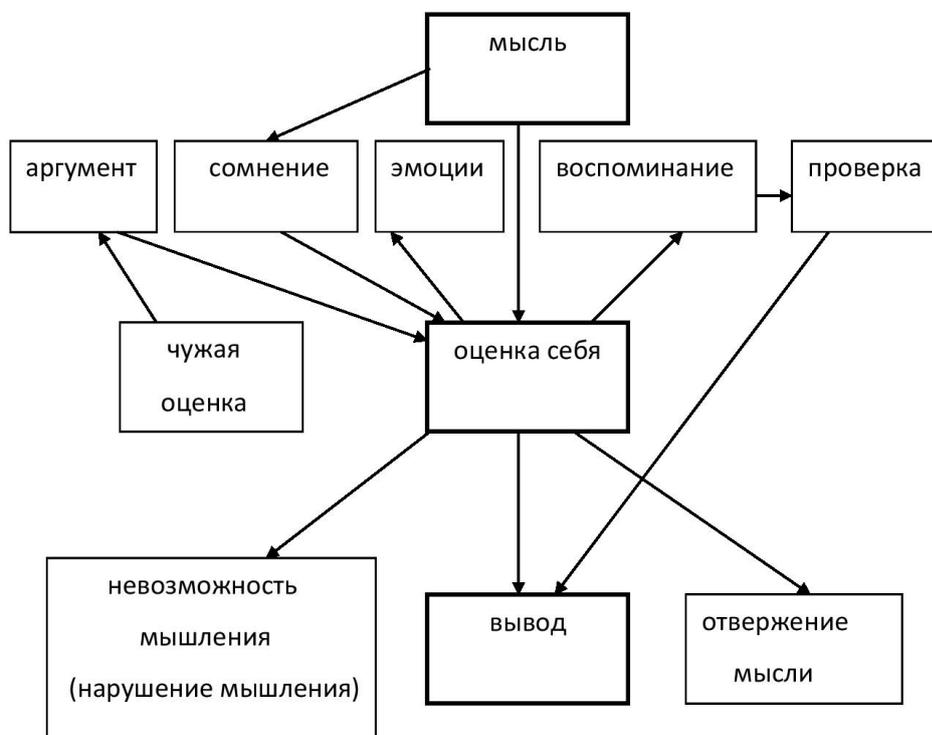
«- О! идиот пр-ро-клятый! – воскликнул он уже совершенно вне себя: – и рассказать ничего не умеет! – Ганя, раз начав ругаться и не встречая отпора, мало-помалу потерял всякую сдержанность... Еще немного, и он, может быть, стал бы плевать, до того уж он был взбешен. Но именно через это бешенство он и ослеп; иначе он давно бы обратил внимание на то, что этот «идиот», которого он так третирует, что-то уж слишком скоро и тонко умеет иногда всё понять и чрезвычайно удовлетворительно передать» [Идиот: 115].

Здесь неспособность понимать, «затмение рассудка», временную ментальную ограниченность Гани, наступившую по причине состояния аффекта, чрезвычайной эмоционально-психической нагрузки, автор передает словом «ослеп», уподобляя внешнее зрение «внутреннему», то есть уравнивая

глаза и мозг, зрительные процессы и ментальные. Рефлексией по поводу поведения Гани Достоевский показывает, что в данной ситуации ограниченным оказывается не князь, а Ганя.

Выявленные нами логические последовательности механизма рефлексии, репрезентированного в произведениях Достоевского, представлены на Схеме 2. В ней представлены сводные данные выявленных нами логических цепочек механизмов рефлексии героев Ф.М. Достоевского. Основополагающими этапами всех последовательностей являются **мысль, оценка себя и вывод**. В большинстве изученных контекстов, репрезентирующих когнитивно-ментальную сферу «мыслительная деятельность», рефлексивный процесс начинается с появления **мысли** и завершается **выводом**, на одном уровне с которым находятся осознание невозможности дальнейшего мышления и отвержение мысли, также являющиеся вариантами умозаключения. Среднее звено многих цепочек – оценка, наиболее часто представленная в идиостиле Ф.М. Достоевского как **оценка себя** и лишь изредка воплощенная во внешней, чужой оценке. Между мыслью и оценкой находится промежуточное звено, влияющее на анализ собственных мыслей героев, – когнитивно-эмоциональные процессы: воспоминание, проверка, аргументация, сомнение и эмоции.

Схема 2. Логические цепочки механизма рефлексии героев Ф.М. Достоевского

Следовательно, в большинстве рассмотренных примеров процесс рефлексии происходит следующим образом: от появления мысли к выводу через оценку себя, опосредованную сомнением, воспоминанием, проверкой, аргументированием или влиянием негативных (реже – позитивных) эмоций.

Стрелки указывают на последовательности механизма рефлексии, отраженные в произведениях Ф.М. Достоевского, однако рефлексия в общем предполагает возможность и обратного направления стрелок, наличие большего количества соединений когнитивных этапов и определяющих оценку ментальных составляющих.

Выводы к главе 2:

Языком героев своих романов Ф.М. Достоевский пытался объяснить природу мысли. Одна из наиболее сильных, привлекательных и актуальных во все времена сторон всех его произведений – отражение мыслительного процесса: своего собственного, как автора, и персонажей, мысль в динамике, описание процесса формирования мысли от внезапного ее возникновения, формулирования, осмысления, оценки до проверки и подтверждения. В основном этот процесс представлен как трудный, мучительный, порой изматывающий и не всегда понятный самим героям. Используя оценочную лексику, приемы несобственно-прямой речи, авторских ремарок, демонстрации динамики мыслительного процесса посредством фазисности глаголов, метафор, приемов олицетворения, Достоевский делает читателя соучастником раздумий, колебаний, умозаключений. Многие собственные мысли писатель вкладывает в уста своих персонажей с целью реализации философской ментальной авторской идеи. Идиостиль Ф.М. Достоевского, отражающий мировоззрение писателя, базируется на взаимосвязи языковых особенностей с духовной жизнью человека, морально-этическими нормами поведения, мышлением, самосознанием, национальной психологией и культурой.

В большинстве случаев основной завязкой романов Достоевского является доминантная мысль, идея какого-то человека. Разумеется, далеко не каждый персонаж может быть расценен как образец строгого логичного мышления. Напротив, часто описывается раздвоение сознания человека, сложные и мучительные поиски себя и своего пути. Но Достоевский дает описание даже неосознаваемых, подсознательных мыслей, даже мыслей навязчивых, постоянно терзающих его героев, нередко прибегая к технике смены вопросов и ответов. Чаще всего мучительные вопросы остаются открытыми или представлены противоречиво, мышление выражается двойственно и неопределенно – чтобы читатель, расшифровав подтекст произведений, сам сделал свой выбор.

Многие персонажи Достоевского находятся в вечном поиске эстетических идеалов, красоты, истины, самосовершенствования. Героям его романов свойственны самоанализ, рефлексия, диалог с самим собой, часто противоречивый, внутренняя полифония голосов, хаотичная диалектика мысли. Все это нашло отражение в речи персонажей: их лексика либо бедна, косноязычна, обрывиста – если мышление тоже не на высоте, и последовательна, логична, насыщена яркими метафорами, эпитетами, четко позиционирована – если ум хорошо развит.

В языке Достоевского можно выделить языковые единицы, категории и концепты, отражающие мыслительную активность героев, представленные в рамках языковой картины мира писателя в сочетании с такими иррациональными категориями, также имеющими отношение к мыслительному процессу, как спонтанность, стихийность, резкий переход от одной мысли к другой, озарение, рефлексия, чувствительность, духовность. Эти категории способствуют показу русской языковой картины мира в идиостиле Ф.М. Достоевского, особенности мироощущения и характера которого нашли выражение в его произведениях, сформировали язык, показали душевное состояние героев, русскую ментальность, соборность, стихийность. Процесс формирования человеческой мысли, рациональное мышление и интуиция, обнаруживаемые в языке романов, доказывают возможность достижения истинного, высшего знания при полном взаимодействии ума и сердца, науки и религии, логичности и духовности.

Однако мышлению как таковому Достоевский отказывает в приоритете на шкале человеческих ценностей. Гораздо важнее, по его мнению, развитое чувствование. Тем не менее, множество высказываний и размышлений великого русского писателя, мыслителя и философа посвящено именно уму, мыслительной способности человека; некоторые из них вошли в золотой фонд русской афористики. Из афористичных высказываний Достоевского, содержащих концепты, репрезентирующие когнитивно-мыслительную сферу «мыслительная деятельность», следует, что эта деятельность открывает для

человека необъятные горизонты, делает его сильным, могущественным, поэтому необходимо развивать ум все новыми знаниями, глубокими размышлениями, чтением – оно, как важнейший мыслительный процесс, способно разбудить собственные мысли, развить творчество и подтолкнуть к нему. В силу этого, как нам представляется, существительные *чтение* и *перечитывание*, глаголы *читать*, *перечитывать*, а также *удивление*, традиционно относимое к эмоциям, необходимо включить в ряд лексем, отражающих мыслительные процессы, осознание, рефлекссию.

В представлении Достоевского люди, утрачивающие способность к тем или иным мыслительным операциям, в частности, к пониманию комического, вызывают тревогу, так как это плохой прогноз для их дальнейшей жизни и общения с окружающими. Поскольку ум может быть как добрым, так и злым, как созидательным, так и разрушительным, направленным на праведные или на неправедные дела, постольку ему нельзя отдавать главенствующую роль в человеческой цивилизации, считает писатель, ибо если ум не сориентирован на высокие идеалы, не воспитан в нравственности, в гармоничности, без излишнего философствования, то он, даже высокоразвитый, способен сделать человека животным, чудовищем. И хотя рассудок, ум – то высокое, что отличает человека от других существ, он, все же, как следует из размышлений писателя, вовсе не есть обязательная принадлежность человека, т.е. сущность человеческая к рассудку не сводится, и он вполне может существовать без рассудка, не становясь при этом сумасшедшим, а жить по наитию, по заведенным традициям, обычаям, согласуясь лишь с зовом природы, не рефлексировав, не задумываясь, правильно это или нет. То есть писатель оправдывает полусознательное существование человека, поскольку ум – всего лишь часть человеческой природы, а она, природа, способна действовать гораздо лучше разума. Тем более что мыслительный процесс чрезвычайно сложен, таинственен, спонтанен, обусловлен множеством внутренних и внешних причин, часто случайных и загадочных, так что зачастую невозможно найти его первопричину, определить начало и конец.

После способности мыслить на шкале ценностей, связанных с мышлением, у Достоевского стоит способность выражать мысль, облекать ее в словесную оболочку, поскольку она не самоценность, а средство для разума.

Таким образом, часть ценностно-оценочной шкалы, способствующей реализации концепта «мысль» в картине мира Ф.М. Достоевского, выглядит следующим образом: чувство → натура человеческая (эмоции, привычки, потребности) → нравственность → рассудок (как нечто непознаваемое и не могущее быть познанным) → слово (как способность опредмечивать, материализовать, выражать мысль).

Наиболее характерными, часто встречающимися разновидностями семантических значений, репрезентированных в языке произведений русского классика в отношении мышления, являются следующие: мысль может быть самостоятельным деятелем, но зависит от воли человека; мысль, представляемая как движение от субъекта к внешнему миру, является предметом, объектом деятельности человека; мысленное представление часто не совпадает с реальностью; обдумывание приводит к колебанию в принятии решения, подталкивает к дальнейшему действию; воздействие мысли на реципиента, его эмоциональную сферу, представление, воображение может быть как позитивным, так и негативным – последнее гораздо чаще встречается в языке произведений Достоевского, так как мышление и поведение литературных героев соответствует сложным психоментальным замыслам писателя.

Сочетаемость лексемы *мысль* в языке произведений Достоевского гораздо более многообразна, чем это представлено в Словаре сочетаемости русского языка (более 18 вариантов против 4 словарных). Многие из этих сочетаний включают в себя метафоры или метафорические сравнения, фразеологические обороты, которые помогают составить единый образ концепта. В подобных случаях наблюдается взаимопроникновение и взаимодействие лексических, фразеологических, синтаксических и семантических факторов. Зависимость от контекста, сложность точной дефиниции, определения средствами имеющегося

метаязыка тех или иных оттенков значения концепта «мысль» заключается в нетривиальности протекания мыслительных процессов героев Ф.М. Достоевского.

В реализации концепта «думать» как одного из базовых концептов ментального, «мысленного» состояния внутреннего мира человека в языке произведений Достоевского принимают участие следующие семантические группы: умение отделить главное от второстепенного; концентрация внимания на мысли; зависимость от мысли – помеха адекватной жизни; отсутствие контроля над процессом мышления; тяжесть от мыслей, стремление перестать думать о проблемах. Одна из основных идей автора – соборность, невозможность существования одного сознания, не взаимодействующего с другими.

Таким образом, у Достоевского мысль персонифицирована, не всегда формируется волевым актом субъекта, в большинстве случаев носит личный характер. Богатство сочетаемости концепта «мысль» в контекстах произведений писателя доказывает разносторонность, неоднозначность, нетривиальность мыслительных процессов героев его романов. Обилие примеров с негативной коннотацией носит неслучайный характер: пессимистический, рефлексирующий настрой характерен для классика и большинства его героев, намеренное интеллектуальное мышление которых зачастую приводит к нежелательным последствиям.

В русской языковой картине мира, куда составной частью входит и язык произведений Ф.М. Достоевского, концепты «мысль», «думать» могут наполняться содержанием, имеющим различную когнитивную и эмоциональную окраску.

Практически всем героям Достоевского свойственна рефлексия – как свойство личности, направленное на самоанализ, как способность размышлять, сопоставлять, анализировать собственные мысли и действия, как способ переосмысливать свое индивидуальное сознание посредством оценки соответствия своей деятельности задачам и привлечения опыта для

преодоления затруднений; как сознательное наблюдение протекания собственной сознательной мысли. Одним из средств рефлексии являются вопросы о содержании мысли как результата мыслительного процесса.

Для Достоевского процесс осмысливания связан в первую очередь с осознанием человеком самого себя как части божественного замысла, божественного творения, поэтому человек должен иметь и сознание, представления, идеи, достойные Творца. Однако в житейских, приземленных ситуациях осмысление не такой уж сложный, по мнению писателя, процесс, и отнюдь не он есть вершина человечности: это однократное завершённое действие противопоставлено длительному процессу становления гуманной человеческой личности, высшим достижением которой становится умение рефлексировать не только по поводу себя самого, но и по поводу окружающей его природы, стихии. Вместе с тем, отсутствие сознания, отсутствие рефлексии – это признак глупости, свойство дураков. Соответственно, если человек обретает способность к рефлексии, то становится умнее, делает шаг вперед по интеллектуальной лестнице. Но вместе с тем рефлексия, выражающаяся в основном как творческие искания, желание нестандартного решения проблем и правильного выражения мыслей, общение с собственным сознанием, анализ своего мышления, стремление понять внутреннее «Я», способна привести к конфликту и с социумом, и с самим собой, со своей совестью.

Рефлексия, самоанализ, неожиданные мысли, колебания, стыд за собственные мысли, сложность самоопределения являются характерными особенностями русского национального характера, нашедшего отражение в языке романов Ф.М. Достоевского.

Герои Достоевского рассматривают мыслительную активность то строго с точки зрения физиологии, отрицая влияние духовного мира, то как нечто непостижимое, не могущее до конца и полностью быть высказанным, особенно если к процессу мышления присоединяется сильная эмоция, захватывающее чувство. Разум и чувства могут быть настолько рассогласованы, что вступают в противоречие друг с другом, выражают и получают противоположные оценки.

Среди характернейших приемов рефлексии у Достоевского – саморазоблачение персонажа как результат взаимодействия рациональных, эмоциональных и нравственных мыслей и переживаний.

Языковая репрезентация механизма рефлексии схематично может быть представлена в виде таких логических последовательностей: мысль → оценка себя → мысль о невозможности процесса мышления; мысль → негативная оценка себя → воспоминание → проверка → вывод → позитивная оценка себя; мысль → сомнение → оценка → отвержение мысли; чужая оценка → аргумент → своя оценка → вывод / осознание; мысль/озарение → новая оценка себя; оценка → эмоция → нарушение логики мышления.

Глава 3. Особенности, модели и классификации семантических значений репрезентантов когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» в произведениях Ф.М. Достоевского

Для изучения когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» важным представляется изучить описание хода мысли в языке художественных произведений Ф.М. Достоевского выявить особенности семантики языковых средств, привлеченных для вербализации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность», поскольку один и тот же охват отражаемого содержания, одна и та же форма мысли могут быть представлены различными средствами языка, «которые в связи с этим допускают особую (свою) классификацию, независимо от выражаемых форм мысли» [Чесноков, 1967: 174].

3.1. Мыслительные процессы, выраженные глаголами ментального действия

С точки зрения когнитивной лингвистики особенностью произведений Ф.М. Достоевского является сложная комбинация отражения авторского мыслительного процесса и мыслительного психоаналитического процесса героев. Описание мыслей, стремлений, поступков, решений и волевых актов персонажей часто мотивировано не только созданием конкретного и целостного характера, но и выражением философского сознания автора. Все результаты мыслительного процесса, доказывающие или опровергающие интеллектуальные способности и психическое здоровье/нездоровье героев романов, подчинены логике автора, особому взгляду на мир Ф.М. Достоевского, затрагивающего в своем творчестве вопросы рассудочного и чувственного миропонимания и принятия решения. Очень актуальным и интересным представляется выявление языковых средств, с помощью которых

писатель показывает суть и особенности мышления своих персонажей, изучение их семантики, сочетаемостных особенностей, когнитивных и лингвокультурных параметров.

Анализ языкового материала показал, что одну из ведущих ролей в этом ключе играют глаголы. Как отмечает З. Вендлер, благодаря глаголам ментальных состояний возможно даже создание отдельной культуры [Вендлер, 1982].

Исходя из лингвистических разработок относительно языковой репрезентации когнитивной деятельности человека, нам представляется необходимым исследовать в языке произведений Ф.М. Достоевского мыслительные процессы, выраженные глаголами когнитивного действия. При этом считаем возможным рассматривать не только отдельные глагольные лексемы, но и, в соответствии с принципами когнитивного анализа, их ближайшее окружение, необходимое для полноценного понимания как их семантики, так и в целом авторского замысла относительно описания мышления героев художественных произведений. Мы основываемся на следующих формулировках З.Д. Поповой и И.А. Стернина: «Традиционно в лексикологии принято говорить о лексико-семантической системе (или подсистеме) языка. Фразеологи говорят о фразеологической подсистеме языка. Однако исследования лексики и фразеологии дают богатый материал, свидетельствующий в пользу того, что в языке лексика и фразеология объединяются в единое интегральное образование – лексико-фразеологическую систему языка. В ряде работ изучались соотношения между семантикой глагола и глагольноименного фразеосочетания. Фразеосочетание, безусловно, содержит больше сем, чем глагол. В частности, глагол не всегда может выразить нужную аспектуальную и фазовую характеристики действия, некоторые глаголы имеют не все формы лица и залога. И тогда недостающие семы восполняет глагольноименное фразеосочетание» [Попова, Стернин, 2011: 101]. Фразеосочетания, входя с лексемами в одну систему, преобразуют лексическую систему языка в лексико-фразеологическую. В номинативной системе языка представлены и

лексические, и фразеологические средства номинации, и во многих тематических сферах наблюдается довольно отчетливое распределение этих средств: одни денотаты репрезентируются «преимущественно словами, другие – словами и фразеологическими единицами, а некоторые – преимущественно или исключительно фразеологическими единицами. Соответственно выделяются номинативные группировки, включающие только лексические единицы, включающие лексические и фразеологические единицы, а также группировки, включающие преимущественно фразеологические единицы» [Там же: 104–105].

В данном разделе будут рассмотрены наиболее часто встречающиеся примеры, ярко отражающие особенности стиля мышления героев романов Ф.М. Достоевского, доказывающие или опровергающие интеллектуальные способности, психическое здоровье / нездоровье с целью показать разнообразие репрезентации русским классиком мыслительных процессов, специфику их протекания, языковой экспликации и когнитивно-прагматических параметров как репрезентантов когнитивно-ментальной сферы «мыслительная деятельность».

Оказалось возможным выделить следующие разновидности подобного рода ментальных действий и состояний.

1. Процесс формирования мысли:

«Разбросанные мысли его вдруг соединились, ощущения слились воедино, и все дало свет. Страшный, ужасный свет! “Вот если застрелиться, так когда же, как не теперь? – пронеслось в уме его. – Сходить за пистолетом, принести его сюда и вот в этом самом, грязном и темном углу и покончить”. Почти минуту он стоял в нерешимости» [БК: 448].

Очень часто Достоевский акцентирует внимание на скорости, стремительности протекания мысли: она проносится, как в данном примере, даже со скоростью света (*пронеслась как молния*), как в следующем примере:

«– Мысль тогда у меня пронеслась, так одна, быстро, как молния; крепко уж, видите ли, убежден я был тогда, Родион Романович. Дай же, я думаю, хоть и упусти на время одно, зато другое схвачу за хвост, – своего-то, своего-то, по крайности, не упусти» [ПиН: 359].

Нередко для показа порождения мысли писатель использует сравнения, метафоры, яркие образы, например:

«Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеывалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его» [ПиН: 54].

Поскольку Достоевский, будучи выдающимся мастером слова, прекрасным стилистом, стремился к разнообразию языковых средств, в том числе выражения мыслительных операций, постольку он не мог оперировать однообразным, узким, общепринятым набором. Нередки случаи, когда о сути мышления, о том, что мыслительный процесс у героя идет, можно догадаться по имплицитным смыслам, по контекстному окружению глагола, зачастую не являющегося ментальным. Таков, например, глагол «нарастать», требующий сильной синтаксической связи, указывающей на объект. Сочетание «нарастало в нем» вне контекста тоже не может быть однозначно отнесено к ментальному процессу. И только исходя из контекста, хотя и там объект прямо не назван (неопределенное местоимение «что-то»), можно понять, что в голове героя начался новый, еще не вполне осознаваемый им, мыслительный процесс. О том, что это именно мысли, а не чувства, можно понять, исходя из того, что имевшееся чувство было вербализовано («почти страшно»):

«Уже сильно смеркалось, и ему было почти страшно; что-то нарастало в нем новое, на что он не мог дать ответа» [БК: 272].

2. Появление мысли, идеи как предчувствия:

«Странная была у меня идея еще со вчерашнего дня: мне все казалось, что его тотчас же освищут, лишь только он покажется... И что же случилось со мной, когда он отверз уста и я услышал его первую фразу!» [Бесы: 448].

«Алеша решил зайти к нему во всяком случае прежде, чем к штабс-капитану, хоть и предчувствовал, что не застанет брата» [БК: 202].

«День праздника был назначен окончательно, а фон Лембке становился все грустнее и задумчивее. Он был полон странных и зловеющих предчувствий, и это сильно беспокоило Юлию Михайловну» [Бесы: 325].

Впрочем, не всегда предчувствие персонажей оказывается таковым – подчас за ним кроется нечто иное, другие, вполне осмысленные идеи, желания и поступки.

«– У меня инстинктивное предчувствие, что вы, Алеша, брат мой милый (потому что вы брат мой милый), – восторженно проговорила она опять, схватив его холодную руку своей горячей рукой, – я предчувствую, что ваше решение, ваше одобрение, несмотря на все муки мои, подаст мне спокойствие. Потому что после ваших слов я затихну и примирюсь – это я предчувствую!» [БК: 193].

Здесь прослеживается некоторое манипулирование со стороны героини: с одной стороны, она говорит всего-навсего о своем собственном предчувствии, но с другой стороны – делает это нарочито, поскольку повторяет в короткой речи трижды. Кроме того, дважды называет собеседника «милым братом», стремясь расположить его к себе, демонстративно проявляет восторг как от уже свершившегося факта, на который она надеется, внушает Алеше, что он способен подарить ей еще большую радость («ваше одобрение», «подаст мне спокойствие», «я затихну и примирюсь»), прибегает к противопоставлению нынешнего и возможного будущего («несмотря на все мои муки» – «подаст спокойствие»), к паралингвистическим средствам (схватила его холодную руку своей горячей рукой). Все это говорит, скорее, не о предчувствии, а о сознательном расчете.

3. Неудачная попытка отвлечься от тягостной мысли:

«Он чувствовал во всем себе страшный беспорядок. Он сам боялся не совладеть с собой. Он старался прицепиться к чему-нибудь и о чем бы

нибудь думать, о совершенно постороннем, но это совсем не удавалось
[ПиН: 78].

«И все бы это было хорошо, но одно только было нехорошо: одна тяжелая идея билась во мне с самой ночи и не выходила из ума. Это то, что когда я встретился вчера вечером у наших ворот с той несчастной, то сказал ей, что я сам ухожу из дому, из гнезда, что уходят от злых и основывают свое гнездо и что у Версилова много незаконнорожденных. Такие слова, про отца от сына, уж конечно, утвердили в ней все ее подозрения на Версилова и на то, что он ее оскорбил» [Подросток, 197-198].

Писатель стремится показать огромную довлеющую силу мысли, рассмотреть случаи, когда не человек владеет своим мышлением, а определенные мысли завладевают им, начинают его мучать, ухудшать психическое и физическое состояние. Мысль как бы обретает самостоятельность, живет независимо от своего хозяина, породившего ее, становится активным деятелем.

4. Сумбурность, беспорядочность мыслей, сменяющих одна другую:

«Вспоминались ему какие-то несвязные вещи, ни к чему не подходящие: то он думал, например, о старых стенных часах, которые были у него лет пятнадцать назад в Петербурге и от которых отвалилась минутная стрелка; то о развеселом чиновнике Мильбуа и как они с ним в Александровском парке поймали раз воробья, а поймав, вспомнили, смеясь на весь парк, что один из них уже коллежский асессор»
[Бесы: 411].

Беспорядочное мышление характерно для многих героев произведений Ф.М. Достоевского. Например, Фон Лембке не может сосредоточиться в ходе мышления (*думать* – осуществлять процесс мышления), результатом которого явилось возобновление в памяти несвязных ассоциаций. В подавляющем большинстве случаев подобные описания сопровождаются указанием на плохое соматическое и интеллектуальное состояние:

«Он был как бы сам не свой. Он даже и на месте не мог устоять ни одной минуты, ни на одном предмете не мог сосредоточить внимания; его мысли перескакивали одна через другую, он заговаривался; руки его слегка дрожали» [ПиН: 418].

В данном примере герой романа «Преступление и наказание» не осуществляет мыслительную деятельность, у него есть желание думать, но он не в состоянии сконцентрироваться (глагол *не мог* показывает отсутствие возможности, необходимой для осуществления в данном случае адекватного последовательного мышления). Рассеивание мыслей выражено фразой *«мысли перескакивали одна через другую»*. За этим кроется какая-то серьезная ментальная первопричина.

«Он ни о чем не думал. Так, были какие-то мысли и обрывки мыслей, какие-то представления, без порядка и связи, – лица людей, виденных им еще в детстве, или встреченных где-нибудь один только раз, и об которых он никогда бы не вспомнил... Предметы сменялись и кружились как вихрь. Иные ему даже нравились, и он цеплялся за них, но они погасали, и вообще что-то давило его, внутри, но не очень. Иногда даже было хорошо» [ПиН: 218].

Сумбурность, отсутствие направленности мышления (*он ни о чем не думал*), непричастность героя к работе мыслительного аппарата (*мысли и обрывки мыслей, какие-то представления, без порядка и связи*) и неконтролируемость процесса нашли отражение в данном отрывке. Раскольников, находясь на грани помешательства, чувствует одновременно тяжесть, давление ситуации и удовольствие от расслабленного сознания. Интересно, что здесь стремление мыслить обозначено глаголом «цепляться» (герой «цепляется» за понравившийся ему мысленный образ, т.е. хочет задержать его в своем сознании, сделать ярче и четче, поразмышлять о нем подольше). Заключение в нем коннотация `слабая попытка, часто безуспешная` говорит о слабости мышления персонажа в данной ситуации, о безнадежности намерения усилить и восстановить четкий и адекватный

мыслительный процесс. Образное описание с использованием сравнения «*предметы сменялись и кружились как вихрь*» в данном контексте тоже отражает процесс мышления персонажа, который можно отнести к разряду контекстуальных, индивидуально-авторских.

«Он ни о чем не думал, да и не хотел думать; но грезы вставали одна за другою, мелькали отрывки мыслей, без начала и конца и связи. Как будто он впадал в полудремоту» [ПиН: 405].

В данном примере показано отсутствие желания мыслительной активности (*он ни о чем не думал, да и не хотел думать*) и ее появление помимо воли персонажа. В нескольких словах Достоевский создает образ-ассоциацию с явлениями природы – грезы вставали одна за другою подобно тому, как встают, накатывают высокие мощные морские волны в бурю, а мелькающие отрывки мысли – пена на гребне бушующих волн. Появляется коннотация о самовольности, силе и неукротимости процесса. Это один из тех случаев, когда не человек думает мысли, а, образно говоря, «мысли думают человека», управляют его состоянием помимо его воли и сознания.

Из вышесказанного можно заключить, что беспорядочность мышления может проявляться как во время активного мышления, так и в отсутствии активного мышления. Последний случай может подчеркиваться нежеланием возобновления либо сопровождаться усилиями, прилагаемыми для достижения активного мышления. Маркерами сумбурных мыслей выступают следующие конструкции: *несвязные вещи; мелькали отрывки мыслей, без начала и конца и связи; мысли перескакивали одна через другую; обрывки мыслей; представления без порядка и связи; цепляться (за мысли); (представляемые) предметы сменялись, кружились как вихрь.*

5. Расхождение между мысленным представлением и реальностью:

«Прежде, когда случалось ему представлять все это в воображении, он иногда думал, что очень будет бояться. Но он не очень теперь боялся, даже не боялся совсем. Занимали его в это мгновение даже какие-то посторонние мысли, только все ненадолго» [ПиН: 61].

Здесь представлено взаимодействие мыслей и чувств, ментального и эмоционального. Герой предполагает и опасается их несовпадения, рассогласования. В большинстве случаев у Достоевского подобные вещи показаны в сопровождении отрицательных эмоций и характеристик (*боялся, опасался, мучился*), что говорит о внутреннем дискомфорте, психическом напряжении персонажей, боязни будущих событий.

«Алешу более всего мучила мысль, что брат точно рад унижению Катерины Ивановны, хотя, конечно, того быть не могло» [БК: 162].

«Я считал себя вправе быть особенно строгим и даже взыскательным. Я боялся, чтоб он не предпринял чего-нибудь еще безумнее. Но, к удивлению моему, встретил необыкновенную твердость...» [Бесы: 454].

б. Внутренний разлад (действия противоречат мыслям):

«Хотя Иван Федорович и говорил вчера (Катерине Ивановне, Алеше и потом Смердякову), что завтра уедет, но, ложась спать, он очень хорошо помнил, что в ту минуту и не думал об отъезде, по крайней мере совсем не мыслил, что, поутру проснувшись, первым движением бросился укладывать чемодан» [БК: 285].

Слова Ивана Карамазова противоречат мыслям (во время объявления он не думал об отъезде, не мыслил), мысли противоречат действиям, в результате чего высказанные обещания соответствуют действиям. *Не думал* в данном контексте имеет более широкое значение, синонимичное глаголу *не хотеть*), чем *не мыслил* (не представлял в воображении).

«Его вдруг поразила мысль, что он совершенно забыл про него, и забыл именно в то время, когда сам ежеминутно повторял про себя: “Нож, нож”» [Бесы: 269].

Механическое повторение слова, внутренней установки персонажа в данном примере не оказывает влияния на когнитивную деятельность: стараясь сконцентрироваться на мысли и не забыть ее, Ставрогин, напротив, впадает в забытьё. Временное отключение сознания приводит к противоречию между

мыслью и действием, что в результате осознается героем, пораженным неожиданной мыслью.

«Но, высказав свою глупость, он почувствовал, что сморозил нелепый вздор, и вдруг захотелось ему тотчас же доказать слушателям, а пуще всего себе самому, что сказал он вовсе не вздор. И хотя он отлично знал, что с каждым будущим словом все больше и нелепее будет прибавлять к сказанному уже вздору еще такого же, – но уж сдержать себя не мог и полетел как с горы» [БК: 93].

В данном примере четко виден конфликт воли и желания Федора Павловича Карамазова, который, стремясь доказать состоятельность своей в действительности несостоятельной идеи, начал выстраивать высказывание (желание контролируется волей), в дальнейшем контроль был потерян. Грань мышления и эмоции реализуется в эмоционально-когнитивных глаголах: глагол *почувствовать* имеет значение близкое к *понять*, он, возможно, использован автором для подтверждения слабости мышления Карамазова-старшего и зависимости его от чувств и «нервов» [БК: 92]; глагол *захотеться* показывает желание получить «ирреальное» с помощью цепочки последовательных операций, обычно желание «имеет не рациональный, а чувственный, сенсорный характер», но в данном примере описано не «желание тела», а «желание ума» – доказать свои идеи слушателям и самому себе [Шатуновский. Электронный ресурс].

«Я мог высидеть, когда меня называли шпионом и идиотом; и чем дольше они уходили в своем разговоре, тем менее мне казалось возможным появиться...

Но вдруг теперь, когда я, услышав о Крафте, вскочил с кровати, меня всего обхватило как судорогой. Не думая ни о чем, не рассуждая и не воображая, я шагнул, поднял портьеру и очутился перед ними обеими» [Подросток: 155].

Долгорукий, обладая волей, не сомневался в силе самоконтроля, но одно упоминание о Крафте заставило его действовать под властью эмоций, а не разума (*не думая, не рассуждая и не воображая*).

Таким образом, примеры показывают, что основными причинами внутреннего разлада являются противоречия между мышлением, волей и эмоциями героев, страх перед будущим.

7. Частичная / временная утрата памяти.

Здесь можно выделить три разновидности:

а) норма, то, что может быть присуще любому человеку:

«Потом он с великим недоумением припоминал несколько раз в своей жизни, как мог он вдруг, после того как расстался с Иваном, так совсем забыть о брате Дмитрие, которого утром, всего только несколько часов назад, положил непременно разыскать и не уходить без того, хотя бы пришлось даже воротиться на эту ночь в монастырь» [БК: 273].

«Раскольников шел грустный и озабоченный: он очень хорошо помнил, что вышел из дому с каким-то намерением, что надо было что-то сделать и поспешить, но что именно – он позабыл» [ПиН: 221].

б) сомнение в норме:

«Что до меня, то мне с первого взгляда показалось, что Андрей Антонович смотрит хуже, чем давеча утром. Казалось, он был в каком-то забвении и не совсем сознавал, где находится» [Бесы: 467].

в) не норма, состояние аффекта, впоследствии проходящее:

«Он помнил потом, что его оттащили от нее силой насколько человек, а что ее вдруг увели, и что опамятовал он уже сидя за столом» [БК: 469].

«Но тут случилось странное, правда на одну секунду: у старика действительно, кажется, выскочило из ума соображение, что мать Алеши была и матерью Ивана... – Как так твоя мать? – пробормотал он, не понимая. – Ты за что это? Ты про какую мать? ... да разве она ...Ах, черт! Да ведь она и твоя!» [БК: 143].

8. Концентрация внимания на мысли (игнорирование внешних факторов):

«Она ужасно была рада, что наконец ушла; пошла потупясь, торопясь, чтобы поскорей как-нибудь уйти у них из виду, чтобы пойти как-нибудь поскорей эти двадцать шагов до поворота направо в улицу и остаться наконец одной, и там, идя, спеша, ни на кого не глядя, ничего не замечая, думать, вспоминать, соображать каждое слово, каждое обстоятельство» [ПиН: 194].

Очень часто персонажи Достоевского оказываются погруженными в себя, в свои размышления, в необходимость упорядочить свои представления и понимание, которые захватывают их с огромной силой, до самозабвения.

Мысли, внутренний мир оказываются гораздо более сильными, чем реальная действительность, внешние предметы и обстоятельства.

«Он до того задумался, что позабыл и подслушивать. Впрочем, подслушивать было трудно; дверь была толстая, одностворчатая, а говорили очень негромко; доносились какие-то неясные звуки. Капитан даже плюнул и вышел опять, в задумчивости, посвистать на крыльцо» [Бесы: 262].

Человек, находящийся в состоянии внутренней сосредоточенности, в процессе размышлений, нередко противопоставляется окружающим его людям:

«При слове “помешанный”, неосторожно вырвавшемся у заболтавшегося на любимую тему Зосимова, все поморщились. Раскольников сидел как бы не обращая внимания, в задумчивости и с странною улыбкой на бледных губах. Он что-то продолжал соображать» [ПиН: 181].

9. Бесплодный поиск ответа (мыслительная деятельность ни к чему не приводит):

«Зачем тогда к нам приехал Иван Федорович, – я, помню, даже и тогда еще задавал себе этот вопрос с каким-то почти беспокойством. Столь роковой приезд этот, послуживший началом ко стольким

последствиям, для меня долго потом, почти всегда, оставался делом неясным» [БК: 17].

«Понять не могу, отчего я неблагодарен, даже и теперь, даже когда меня вразумили. Уж не ваша ли кровь гордая говорит, Андрей Петрович?» [Подросток: 124].

«Все более и более колебался Степан Трофимович, мучился сомнениями, даже всплакнул раза два от нерешимости (плакал он довольно часто)» [Бесы: 33].

«Он до того был сбит и спутан, что, уже придя домой и бросившись на диван, с четверть часа сидел, только отдыхая и стараясь хоть сколько-нибудь собраться с мыслями. Про Николая он и рассуждать не брался: он чувствовал, что в признании Николая есть что-то необъяснимое, удивительное, чего теперь ему не понять ни за что» [ПиН: 284].

10. Отсутствие логической мыслительной деятельности приводит к неожиданным действиям:

«Припоминая потом долго спустя эту ночь, Иван Федорович с особенным отвращением вспоминал, как он вдруг, бывало, вставал с дивана и тихонько, как бы страшно боясь, чтобы не подглядели за ним, отворял двери, выходил на лестницу и слушал вниз, в нижние комнаты, как шевелился и похаживал там внизу Федор Павлович, – слушал подолгу, минут по пяти, со странным каким-то любопытством, затаив дух, и с биением сердца, а для чего он все это проделывал, для чего слушал – конечно, и сам не знал» [БК: 285].

Очевидно, к подобным действиям героя подталкивают какие-то неосознаваемые им желания, стремления, в которых он или не может, или не хочет себе признаваться. Но, тем не менее, они настолько сильны, что начинают руководить своим «хозяином».

11. Собственные логические выводы не влияют на внутренние убеждения:

«Он приписывал равнодушие брата разнице в годах и в особенности в образовании.

Но думал Алеша и другое: столь малое любопытство и участие к нему, может быть, происходило у Ивана и от чего-нибудь совершенно Алеше неизвестного. Ему все казалось почему-то, что Иван чем-то занят, чем-то внутренним и важным, что он стремится к какой-то цели...

Задумывался Алеша и о том: не было ли тут какого-нибудь презрения к нему, к глупенькому послушнику, от ученого атеиста. Он совершенно знал, что брат его атеист. Презрением этим, если оно и было, он обидеться не мог, но все-таки с каким-то непонятным себе самому и тревожным смущением ждал, когда его брат захочет подойти к нему ближе» [БК: 33].

«Но Илюша, уже слышавший и знавший еще за три дня, что ему подарят маленькую собачку, и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывал из тонкого и деликатного чувства, что рад подарку, но все, и отец и мальчики, ясно увидели, что новая собачка, может быть, только еще сильнее шевельнула в его сердечке воспоминание о несчастной, им замученной» Жучке [БК: 552].

В данных примерах показано рассогласование между ratio и emotion, между сознательным, подсознательным, давно перешедшим в неоспоримые для персонажа убеждения, и сферой чувств, эмоций. Получается, что убеждения первичны, рациональные выводы вторичны, а эмоции оказываются сильнее и первого, и второго.

12. Понимание затруднительного положения другого человека:

«Липутин коварно улыбался, Виргинский слушал несколько уныло, остальные все с чрезвычайным вниманием следили за спором, особенно дамы и офицеры. Все понимали, что агента ста миллионов голов приперли к стене, и ждали, что из этого выйдет» [Бесы: 381].

Нравственность предполагает, что понимание затруднительного положения другого человека должно вызвать стремление к поступкам, призванным облегчить положение страдальца. Однако у Достоевского далеко не всегда такое понимание вызывает желание помочь, зачастую оно сопровождается или бездействием понимающих, или даже осознанным желанием еще больше усугубить страдания ближнего, например:

«Раскольников понимал отчасти, почему Соня не решалась ему читать, и чем более понимал это, тем как бы грубее и раздражительнее настаивал на чтении. Он слишком хорошо понимал, как тяжело ей было теперь выдавать и обличать все свое» [ПиН: 261].

Достоевский оставляет читателю возможность решить – нравственно ли такое поведение или нет.

13. Принятие решения, твердая уверенность (никакие внешние воздействия не изменили первоначального замысла):

«Алеша, впрочем, не рассуждал слишком много о подробностях плана, но он решил его исполнить, хотя бы пришлось и в монастырь не попасть сегодня...» [БК: 229].

Такие решения, лишённые и тени сомнений, нередко сопровождаются в романах Достоевского указанием на сильные эмоции; мыслительное действие дополняется оценочными прилагательными, наречиями, словами категории состояния:

«Алеша твердо и горячо решил, что, несмотря на обещание, данное им, видеться с отцом, Хохлаковыми и Катериной Ивановной, – завтра он не выйдет из монастыря совсем и останется при старце своем до самой кончины его» [БК: 164].

«Но относительно главнейшего капитального пункта сомнений в нем не было ни на минуту, даже в то еще время, как он читал письмо. Главнейшая суть дела была решена в его голове, и решена окончательно: “не бывать этому браку, пока я жив, и к черту господина Лужина!”

«Потому что это дело очевидное, – бормотал он про себя, ухмыляясь и злобно торжествуя заранее успех своего решения. – Нет, мамаша, нет, Дуня, не обмануть меня вам!..» [ПиН: 35].

14. Понимание безвыходности ситуации:

«Главное в том, что ничего-то он не мог разгадать из ее намерений; вынимать же лаской или силой не было тоже возможности: не далась бы ни за что, только бы рассердилась и отвернулась от него вовсе, это он ясно тогда понимал» [БК: 374].

Понимание безвыходности ситуации – это конечная фаза мыслительного процесса, которой предшествуют такие ментальные действия, как размышления, взвешивание различных вариантов течения событий, прогнозирование, оценивание, соизмерение сил и действий.

15. Умение отделить главное от второстепенного (показатель интеллектуального развития личности и ее эмоциональной сферы):

«Но это еще были мелочи, о которых он и думать не начинал, да и некогда было. Он думал о главном, а мелочи отлагал до тех пор, когда сам во всем убедится» [ПиН: 59].

Такое умение может базироваться как на рассудочной деятельности, так и на бессознательном, интуитивном. В последнем случае Достоевский применяет глагол «чувствовать», который в контекстах подобного рода относится не только к сенсорной области (чувствовать холод, голод, жажду и т.п.), но и к мыслительной деятельности, то есть аккумулирует в себе и транслирует связь сознательного и бессознательного:

«Все мысли его кружились теперь около одного какого-то главного пункта, – и он сам чувствовал, что это действительно такой главный пункт и есть, и что теперь, именно теперь, он остался один на один с этим главным пунктом, – и что это даже в первый раз после этих двух месяцев» [ПиН: 89].

«Все это его мучило, и в то же время ему было как-то не до того. Странное дело, никто бы, может быть, не поверил этому, но о своей

теперешней, немедленной судьбе он как-то слабо, рассеянно заботился. Его мучило что-то другое, гораздо более важное, чрезвычайное, – о нем же самом и не о ком другом, но что-то другое, что-то главное. К тому же он чувствовал беспредельную нравственную усталость, хотя рассудок его в это утро работал лучше, чем во все эти последние дни» [ПиН: 369].

Таких примеров в языке романов Достоевского чрезвычайно много.

Еще одним специфическим «достоевским» описанием ментального события является «внутренняя забота», то есть не реальные действия персонажа, а создание им мыслительного образа, надежда, чаяние, пожелание, мысленные послылы:

«Без сомнения, он очень заботился про себя, в сердце своем, о том, чтобы как-нибудь все эти семейные несогласия кончились. Тем не менее самая главная забота его была о старце: он трепетал за него, за славу его, боялся оскорблений ему, особенно тонких вежливых насмешек Миусова и недомолвок свысока ученого Ивана, так все это представлялось ему» [БК: 34].

16. Неумение отделять главное от второстепенного.

Это процесс, обратный предыдущему:

«Но какая-то рассеянность, как будто даже задумчивость, стала понемногу овладевать им: минутами он как будто забывался или, лучше сказать, забывал о главном и прикреплялся к мелочам» [ПиН: 67].

Иногда бывает затруднительно определить, чем является неумение отделять главное от второстепенного – слабостью или силой личности, тонким расчетом или недалекостью, глупостью. Приведем пример:

«Между тем, факт известен, что очень многие из тех, которые в силах думать о своей предстоящей смерти, самовольной или нет, весьма часто склонны заботиться о благообразии вида, в котором останется их труп» [Подросток: 163].

Здесь неумение отделять главное от второстепенного невербализовано, имплицитно, но читатель догадывается о разнице оценок события смерти и внешнего вида при этом событии.

Таким образом, наиболее характерными для языка романов Ф.М. Достоевского описаниями мыслительного процесса, репрезентирующими когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», являются процесс формирования мысли; мысль как идея, как предчувствие; неудачная попытка отвлечься от тягостной мысли; сумбурные, беспорядочные мысли, сменяющие одна другую; ситуации, когда мысленное представление не совпадает с реальностью; противоречие между мыслями и действиями, ведущее к внутреннему разладу; частичная / временная утрата памяти (норма, сомнение в норме, не норма, состояние аффекта, впоследствии проходящее); концентрация внимания на мысли, заставляющая игнорировать внешние факторы; бесплодный поиск ответа; отсутствие логической мыслительной деятельности, способное привести к неожиданным действиям; рассогласование между собственными логическими выводами и изначальными внутренними убеждениями; понимание затруднительного положения другого человека; принятие решения, твердая уверенность, на которую не возымели влияния никакие внешние воздействия; понимание безвыходности ситуации как конечная фаза мыслительного процесса; умение / неумение отделить главное от второстепенного как один из показателей уровня интеллектуального и эмоционального развития личности.

3.2. Когнитивно-семантические модели (цепочки) этапов мыслительного процесса

Приступая к изучению существующих в науке и к созданию новых моделей, позволяющих четче и полнее представить, описать и объяснить разновидности и этапы мыслительного процесса в языке произведений Ф.М. Достоевского, в первую очередь необходимо отметить, что «процесс

ментальной репрезентации знаний проявляется и закрепляется в виде когнитивной модели (или фрейма)» [Пименова, 2002: 101] в силу того, что модель – «это прежде всего реконструкция какого-то объекта, который представляется определенным набором часто встречаемых признаков» [Сергеева, 2005: 13].

Для чего нужно изучать семантические и когнитивные модели? Разумеется, когнитивные построения, структуры – «не языковые репрезентации, они не принадлежат к какому-либо естественному языку, а относятся к языку мысли в смысле» [Fodor, 1975. Цит. по: Демьянков, 1996: 100]. Но здесь нужно из множества причин выделить две основные. Во-первых, модели следует изучать для лучшего понимания процесса восприятия текста, поскольку, по Дж. Динсмору, «как только человек начинает воспринимать языковое сообщение, он должен построить модель того содержательного (ментального) пространства, в пределах которого он будет оперировать далее с текстом...» [цит. по: Кубрякова, 1996: 159]. Во-вторых, «задача создания реалистических моделей производства речи формулируется как одна из центральных задач теоретической лингвистики» [Панкрац, 1996: 167].

Этапы мыслительного процесса Е.Н. Руденко называет «процессуальность» и «завершенность». Исследователем разработана матричная классификационная сетка глаголов русского языка, в которой представлены четыре «радиально-градационные концептуальные макрокатегории: процесс – событие – состояние – каузатив» [Руденко, 2004]. Нас интересуют два первых звена цепочки:

ПРОЦЕСС	СОБЫТИЕ
создавать	изобрести
думать	решить
гадать	догадаться
разбираться	понять
определять	узнать
узнавать	

запоминать	запомнить
вспоминать	вспомнить

Нами были исследованы лингвистические категории и их последовательности, представляющие мыслительный процесс в произведениях Ф.М. Достоевского. Наибольшее внимание привлекла мыслительная цепочка «Поиск ответа – получение ответа». При сравнении лексических оппозиций («процессуальность» – «завершенность») выяснилось, что многие конструкции Ф.М. Достоевского семантически отличались от матричной классификационной сетки глаголов, обозначающих процесс и событие, предложенной Е.Н. Руденко, или от стадий процессуальности и завершенности, представленных в статьях словарей русского языка.

Наш анализ будет состоять из следующих этапов: 1) общепринятая оппозиция когнитивных глаголов (цепочка, представленная в работе Е.Н. Руденко, или данные из толкового словаря); 2) значения слов цепочки; 3) пример из произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы», в котором одно из звеньев цепочки не соответствует приведенному выше общепринятому образцу; 4) лексическое значение этого звена; 5) различия, доказывающие то, что для лингвистических единиц и категорий, обозначающих мыслительный процесс, нет четких границ толкования, с одной стороны, и то, насколько личность автора и характер героя художественно произведения влияют на вербальное выражение речемыслительного процесса, с другой.

Рассмотрим четыре цепочки.

I. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **разбираться** → **понять** [Руденко, 2004].

Словарные значения данных лексем: разбираться – хорошо понимать, уяснять, вникая в сущность, в подробности чего-либо [Окунева, 2000: 382]; понять – постигнуть, уяснить смысл, сущность, значение чего-нибудь [Окунева, 2000: 345].

У Ф.М. Достоевского эта мыслительная цепочка представлена по-иному, с другой лексемой: **обдумывать** → **понять**, по причине чего мыслительная цепочка обретает иное семантическое и когнитивное наполнение.

«– Запомни сие особенно, юный, ибо в мир назначаешься отходящим старцем твоим. Может, вспоминая сей день великий, не забудешь и слов моих, ради сердечного тебе напутствия данных, ибо млад еси, а соблазны в мире тяжелые и не твоим силам вынести их. Ну теперь ступай, сирота.

*С этим словом отец Паисий благословил его. Выходя из монастыря и **обдумывая** все эти внезапные слова, Алеша вдруг **понял**, что в этом строгом и суровом доселе к нему монахе он встречает теперь нового неожиданного друга и горячо любящего его нового руководителя, – точно как бы старец Зосима завещал ему его умирая. “А может быть, так оно и впрямь между ними произошло”, – подумал Алеша» [БК: 176].*

Значение мыслительной операции «обдумывать» – мысленно продумывать все детали, собираясь принять какое-либо решение [Окунева, 2000: 251]. Ф.М. Достоевским употреблен глагол когнитивной деятельности *обдумывать*, имеющий по сравнению с глаголом *разбираться* более конкретное значение, связанное с необходимостью принятия решения, предстоящего Алеше: остаться в монастыре или уйти в мир, но удерживаться от соблазнов. Обдумав совет Паисия, Алеша понял, что ему можно так же доверять, как и Зосиме.

II. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **раздумывать** → **решить** [Ожегов, 1989: 527].

Раздумывать – думать, долго не приходя к решению [Ожегов, 1989: 527].

Решить – 1. Обдумывая, приходить к какому-либо выводу; разрешать какую-либо задачу, вопрос; 2. Находить искомое, требуемый ответ [Окунева, 2000: 426]. То есть оба глагола в этом случае представляют собой фазы одного и того же действия с морфологическими характеристиками «действие в процессе длительности» – «окончание действия».

Этапы мыслительной цепочки у Ф.М. Достоевского: **раздумывать** → **почувствовать**.

«В раздумье остановился он перед дверью с странным вопросом: “Надо ли сказывать, кто убил Лизавету?” Вопрос был странный, потому что он вдруг почувствовал, что не только нельзя не сказать, но даже и отдалить эту минуту, хотя на время, невозможно. Он еще не знал, почему невозможно: он только почувствовал это, и это мучительное сознание своего бессилия перед необходимостью почти придавило его» [ПиН: 325].

Почувствовать – начать чувствовать, начать испытывать какое-либо чувство [Ожегов, 1989: 466]. Принято считать, что чувств, которые обеспечивают связь человека с материальным миром, пять – осязание, обоняние, слух, зрение, вкус.

Глагол *почувствовать* по своей семантике не относится к глаголам когнитивной деятельности, но в представленном контексте он получает дополнительное значение, близкое к значению глагола *решить*. Невозможно под властью одних эмоций и чувств принять саморазоблачающее, смелое, истинно христианское решение, обрекающее на каторгу. Именно *решил* сознаться в преступлении Родион Раскольников, сразу посчитав вопрос «странным», не видя для себя другого выхода. Возможно, глагол *почувствовать* был выбран автором для того, чтобы показать необходимость поступка, не представляющего рациональной выгоды для героя, поступка на уровне интуиции, как будто подсказанного нравственным внутренним голосом. Тем более что Раскольников, как указано, еще не знал, но уже почувствовал. Глагол *почувствовать* в данном и подобного рода контекстах, весьма часто встречающихся у Достоевского, можно назвать эмоционально-когнитивным.

III. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **думать** → **решить** [Руденко, 2009].

Думать – размышлять, мыслить; предаваться раздумью [Окунева, 2000: 115].

Решить – 1. Обдумывая, приходиться к какому-либо выводу; разрешать какую-либо задачу, вопрос; 2. Находить искомое, требуемый ответ [Окунева, 2000: 426].

Этапы мыслительной цепочки у Ф.М. Достоевского: **подумать** → **сообразить**.

Сообразить – 1. Обдумывая, размышляя, стараться понять, разобраться в чем-либо; 2. Поняв, уяснив что-либо, решить, как следует поступить [Окунева, 2000: 451].

Сообразить – 1. Сопоставить в уме, взвесить; 2. Понять, догадаться о смысле чего-нибудь [Ожегов, 1989: 610].

«Дорогой один вопрос особенно мучил его: был ли Свидригайлов у Порфирия?»

*Сколько он мог судить и в чем бы он присягнул – нет, не был! Он подумал еще и еще, припомнил все посещения Порфирия, **сообразил**: нет, не был, конечно, не был!*

Но если не был еще, то пойдет или не пойдет он к Порфирию?»

Теперь покамест ему казалось, что не пойдет. Почему? Он не мог бы объяснить и этого, но если б и мог объяснить, то теперь он бы не стал над этим особенно ломать голову» [ПиН: 369].

Лексема «сообразить» в словарях имеет значение нестройной зависимости от осуществления процесса мышления, характеризуется большей спонтанностью мысли. Однако в данном контексте представлена мыслительная деятельность героя: вопрос мучил его – сколько он мог судить – подумал еще и еще – припомнил – сообразил. Последнее событийное звено цепочки, скорее, ближе по смыслу к глаголу *прийти к выводу*, т.к., в отличие от предложенного Е.Н. Руденко *решить*, обозначает умозаключение и не обязательно предполагает нахождение единственно верного ответа, содержит коннотацию субъективности. В то же время глагол *сообразить* соответствует своему словарному значению нежеланием героя объяснить свои соображения и более

серьезно логически думать над вопросом (он не мог бы объяснить и этого; он бы не стал над этим особенно ломать голову).

IV. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **спросить** → **выяснить** [Ожегов, 1989: 619].

Спросить – обратиться к кому-нибудь с вопросом с целью узнать, выяснить что-нибудь [Ожегов, 1989: 619].

Выяснить – привести в ясность [Ожегов, 1989: 102].

Этапы мыслительной цепочки у Ф.М. Достоевского: **спросить себя** → **постигнуть**.

Постигнуть – проникать в сущность, суть чего-либо; понимать [Окунева, 2000: 348].

«Он остановился вдруг и спросил себя: «Отчего сия грусть моя даже до упадка духа?» – и с удивлением постиг тотчас же, что сия внезапная грусть его происходит, по-видимому, от самой малой и особой причины: дело в том, что в толпе, теснившейся сейчас у входа в келью, заметил он между прочими волнующимися и Алешу и вспомнил он, что, увидав его, тотчас же почувствовал тогда в сердце своем как бы некую боль» [БК: 346].

Значение когнитивной конструкции *спросить себя* не полностью совпадает со значением глагола *спросить*. *Спросить* – задать вопрос, требующий ответа; *спросить себя* – поставить перед собой проблему, требующую разрешения на ментальном уровне.

Глагол *постигнуть* употреблен Ф.М. Достоевским для описания характера и особенностей мыслительного процесса отца Паисия. *Постигнуть* – значит более высоко, сущностно понять, так, как может это сделать человек духовный, озаренный. Именно такое состояние было характерно для священника, пытающегося сохранить веру людей в Бога после смерти старца Зосимы.

Все приведенные выше примеры доказывают, что в мыслительной цепочке «Поиск ответа – получение ответа» категория, выражающая

завершенность, может быть не только когнитивной, но и эмоционально-когнитивной (*почувствовать* в значении *понять*) и не всегда совпадающей с теоретически подходящей ей категорией процессуальности. На это влияют идиостиль Ф.М. Достоевского, особенность русской ментальности, лексическое богатство русского языка и нетривиальность человеческого мышления.

Анализ материала, извлеченного из произведений Ф.М. Достоевского, содержащий языковые единицы, концепты и категории, репрезентирующие когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», позволил выявить следующие 20 логико-семантических ментальных (когнитивных) цепочек, демонстрирующих различные типы мыслительных операций.

1. Поиск ответа → решение:

«Проходя, он вспомнил, что отец очень настаивал накануне, чтоб он как-нибудь вошел потихоньку от брата Ивана. “Почему ж? – подумалось вдруг Алеше. – Если отец хочет что-нибудь мне сказать одному, потихоньку, то зачем же мне входить потихоньку? Верно, он вчера в волнении хотел что-то другое сказать, да не успел”, – решил он» [БК: 176].

На принятие решения повлияли нравственность и воспитанность Алеши: он даже не представляет себе, что может красться в комнату к отцу, выслушивать его секреты втайне от брата. Такой вариант событий он отмечает и, пытаясь обелить действия отца, подменяет в своем сознании одну причину (очевидно, истинную) на другую.

«Дилемма стояла передо мной неотразимая: или университет и дальнейшее образование, или отдалить немедленно приложение “идеи” к делу еще на четыре года; я бестрепетно встал за идею, ибо был математически убежден» [Подросток: 18].

Формально сочетание слов «математически убежден» говорит в пользу того, что здесь представлен только сухой расчет. Однако то, что герой был убежден не в чем-то реально существующем, а в своей идее, свидетельствует о нерациональном, идеальном, все-таки не поддающемся однозначному и

точному «математическому расчету». Дальнейшее повествование подтверждает заблуждения героя. Он, как и многие персонажи Достоевского, ищет, мучаясь и ошибаясь. И это все в том мире, где ценности разрушены и продолжают разрушаться, идеи относительны, наличествует скептицизм и моральные шатания. «Главная идея, – записывает Достоевский еще в подготовительных тетрадях к роману. – Подросток хотя и приезжает с готовой идеей, но вся мысль романа та, что он ищет руководящую нить поведения, добра и зла, чего нет в нашем обществе... Во всем идея разложения, ибо все врозь... Даже дети врозь... Общество химически разлагается... В обществе нет никакой великой идеи... В обществе нет никакой руководящей, соединяющей идеи» [Достоевский. Дневник писателя. Электронный ресурс]. Между тем, «без высшей идеи жить невозможно, а высшей идеи у общества-то и не оказалось» [Селезнев. Электронный ресурс].

«Я закрываю глаза и спрашиваю сама себя: долго ли бы ты выдержала на этом пути? И если больной, язвы которого ты обмываешь, не ответит тебе тотчас же благодарностью, а, напротив, станет тебя же мучить капризами, не ценя и не замечая твоего человеколюбивого служения, станет кричать на тебя, грубо требовать, даже жаловаться какому-нибудь начальству – что тогда? Продолжится твоя любовь или нет? И вот – представьте, я с содроганием это уже решила: если есть что-нибудь, что могло бы расхолодить мою “деятельную” любовь к человечеству тотчас же, то это единственно неблагодарность» [БК: 59].

Глагол когнитивной деятельности «решила» сопровождается эмотивной характеристикой, определением «с содроганием»; в данном контексте оно имеет коннотацию ‘с отвращением, с ужасом’, содержит отрицательную оценку. Таким образом, Достоевский показывает, что в человеке борются эмоции и разум. Эмоции сильно влияют на принятие решения и в итоге оказываются довлеющими.

2. Мысль → возникновение отрицательных эмоций.

В ряде случаев сильные, мучающие, причиняющие страдания эмоции не приводят ни к каким дальнейшим решениям или действиям. Мысль человека вызывает в нем переживания, он начинает отрицательно реагировать не на реальную действительность, а, по большому счету, на самого себя, так как мысли – его собственные. В основном появляется следующий спектр эмоций:

А) досада:

«Ему вдруг вообразилось, что Алеша сейчас подумает. Что он хочет выставить свои познания и показать, какой он "большой". "А я вовсе не хочу выставлять перед ним мои познания", - с негодованием подумал Коля. И ему вдруг стало ужасно досадно» [БК: 565].

Б) злоба, негодование, ярость:

«Злоба его удвоилась, когда он вдруг сообразил, что не следовало бы сообщать вчера о вчерашних результатах Андрею Семеновичу» [ПиН: 288].

«Мысль эта иногда, даже во сне, мучила его, но в первый еще раз она явилась ему так сознательно ярко, как теперь, когда он шел к Свидригайлову. Одна даже мысль эта приводила его в мрачную ярость» [ПиН: 370].

В) тоска:

«Так мучил он себя и поддразнивал этими вопросами, даже с каким-то наслаждением. Впрочем, все эти вопросы были не новые, не внезапные, а старые, наболевшие, давнишние. Давно уже как они начали его терзать, и истерзали ему сердце... Ясно, что теперь надо было не тосковать, не страдать пассивно, одними рассуждениями, о том, что вопросы неразрешимы, а непременно что-нибудь сделать, и сейчас же, и поскорее» [ПиН: 39].

Г) страх, испуг:

«Раскольников почувствовал прилив какого-то испуга. Мысль о том, что Порфирий считает его за невинного, начала пугать его» [ПиН: 360].

«Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг, почему-то, как бы панический страх» [ПиН: 352].

Д) стыд:

«– Впрочем, это слишком глубокая тема для поверхностного разговора нашего, но клянусь тебе, что я теперь иногда умираю от стыда, вспоминая» [Подросток: 128].

«– Все думаю: “Ведь уж как такой меня, скверную, презирать теперь должен”. И третьего дня это думала, как от барышни сюда бежала. Давно я тебя заметила, так, Алеша, и Митя знает, ему говорила. Вот Митя так понимает. Веришь ли, иной раз, право, Алеша, смотрю на тебя и стыжусь, все себя стыжусь...» [БК: 360].

3. Мысли → стыд за собственные мысли.

Это эмоциональная разновидность рефлексии; человек осмысливает что-то, решает, как к этому относиться, затем повторно оценивает свое решение, свою первоначальную оценку и понимает, что она была настолько неверной, что начинает стыдиться собственных выводов. Очевидно, это одно из высших проявлений нравственности, поскольку оценка не выносится на всеобщий суд, человек судит и осуждает себя сам.

«Арина Петровна поняла, что это реальный прием, и устыдилась своей обидчивости» [Бесы: 377].

И хотя такого рода итог размышлений может быть озвучен, менее нравственным от этого он не становится, поскольку мысленная работа уже была проведена молча, изнутри, оглашается лишь ее результат:

«– Когда я сижу с вами рядом, то не только не могу говорить о дурном, но и мыслей дурных иметь не могу; они исчезают при вас, и, вспоминая мельком о чем-нибудь дурном подле вас, я тотчас же стыжусь этого дурного, робею и краснею в душе» [Подросток: 245].

4. Тяжесть от мыслей → стремление перестать думать:

«Он пошел поскорее лесом, отделявшим скит от монастыря, и, не в силах даже выносить свои мысли, до того они давили его, стал смотреть на вековые сосны по обеим сторонам лесной дорожки» [БК: 81].

«Мысли его были рассеянны ... Да и вообще тяжело ему было думать в эту минуту о чем бы то ни было. Он бы хотел совсем забыться, все забыть, потом проснуться и начать все сызнова...» [ПиН: 43].

«Мелькала постоянно во все эти дни у Раскольникове еще одна мысль и страшно его беспокоила, хотя он даже старался прогнать ее от себя, так она была тяжела для него!» [ПиН: 370].

Подчас мысли настолько невыносимы, что человек готов избавиться от них любой ценой, даже во вред себе и окружающим:

«Вообще же в эти последние дни он и сам как бы старался убежать от ясного и полного понимания своего положения; иные насущные факты, требовавшие немедленного разъяснения, особенно тяготили его; но как рад бы он был освободиться и убежать от иных забот, забвение которых грозило, впрочем, полною и неминуемою гибелью в его положении» [ПиН: 350].

В этом предложении Достоевский дважды употребляет глагол «убежать», который относится не к когнитивной деятельности, а к физической. Это наводит на мысль о том, что, во-первых, персонаж представляет собой личность отнюдь не сильную, а слабую: он не способен стать хозяином ни положения, ни своих размышлений; во-вторых, предлагается как бы раздвоение человека, он хочет оставить свои мысли, как змея оставляет прежнюю шкуру, и переместиться куда-то туда, где нет части его самого, его мыслей.

5. Мысль → изменение ее оценки → стремление перестать думать:

«Таким образом, увлекшись посторонними соображениями, он развлекся и решил не “думать” о сейчас наделанной им “беде”, не мучить себя раскаянием, а делать дело, а там что будет, то и выйдет. На этой мысли он окончательно ободрился» [БК: 202].

В этом контексте то, что писатель взял глагол «думать» в кавычки, очевидно, призвано сказать о ненастоящем отказе от размышлений, не окончательном, а лишь на время.

6. Мысль → порождение одноминутных воспоминаний:

«– Вы слышали, что помер старец Зосима?»

– Нет, сударыня, в первый раз слышу, – удивился немного Митя. В уме его мелькнул образ Алёши» [БК: 394].

Разговор, сообщение о смерти, конечно, вызвал мыслительный процесс в голове героя, когнитивный акт (восприятие сообщения – поиск ответа на него) получил эмоциональную окраску, что вербализовалось посредством глагола *удивился*. После этих действий у Мити происходит последующее когнитивное действие – краткое, плохо осознаваемое (*в уме мелькнул*).

Достоевский скрупулёзно отслеживает то, что в обычной жизни люди привыкли не замечать: даже быстрый промельк мысли интересен писателю, то, какой след он может оставить, какое влияние оказать на человека:

«– Знаю, – безучастно произнес Алеша, и вдруг мелькнул у него в уме образ брата Дмитрия, но только мелькнул, и хоть немного напомнил что-то, какое-то дело спешное, которого уже нельзя более ни на минуту откладывать, какой-то долг, обязанность страшную, но и это воспоминание не произвело никакого на него впечатления, не достигло сердца его, в тот же миг вылетело из памяти и забылось. Но долго потом вспоминал об этом Алеша» [БК: 351].

7. Отрицательные эмоции → мысль → действие:

Не всегда персонажи Достоевского бездейтельны и молча принимают мучительные мысли. Иногда писатель допускает для них активную деятельность как результат правильного осмысления, адекватного мыслительного процесса:

«И если бы в ту минуту он в состоянии был правильнее видеть и рассуждать, если бы только мог сообразить все трудности своего положения, все отчаяние, все безобразие и всю нелепость его, понять при

этом, сколько затруднений, а может быть, и злодейств, еще остается ему преодолеть и совершить, чтобы выбраться отсюда и добраться домой, то очень может быть, что он бросил бы все и тотчас пошел бы сам на себя объявить, и не от страха даже за себя, а от одного только ужаса и отвращения к тому, что он сделал» [ПиН: 67].

Как видим, здесь Достоевский в качестве импульса к действию определяет не только разум, способность к рефлексии, но и непременно нравственность.

8. Действие / замысел действия → мысль (оценка) → действие, обратное первоначальному замыслу:

«Но почти в ту же минуту он как-то вдруг стал беспокоен, как будто неожиданная и тревожная мысль поразила его. Беспокойство его увеличивалось. Они дошли уже до входа в номера Бокалеева.

– Ступай один, – сказал вдруг Раскольников, я сейчас ворочусь» [ПиН: 216].

«Миусов рассеянно смотрел на могильные камни около церкви и хотел было заметить, что могилки эти, должно быть, обошлись дорогонько хоронившим за право хоронить в таком святом месте, но промолчал: простая либеральная ирония перерождалась в нем почти что уже в гнев» [БК: 36].

В герое в процессе визуального восприятия и эмоциональной оценки ситуации происходит изменение решения по поводу воспроизведения своих мыслей вслух («хотел было заметить..., но промолчал»), но отношение к ситуации остается неизменным («ирония перерождалась в нем почти что уже в гнев»).

«Следовало бы, – и он даже обдумывал это еще вчера вечером, – несмотря ни на какие идеи, единственно из простой вежливости (так как здесь уж такие обычаи), подойти и благословиться у старца, по крайней мере хоть благословиться, если уж не целовать руку. Но, увидя теперь все эти поклоны и лобызания иеромонахов, он в одну секунду переменил

решение: важно и серьезно отдал он довольно глубокий, по-светскому, поклон и отошел к стулу» [БК: 40].

Миусов как представитель светской части общества после предварительного обдумывания, не изменив свои секулярные идеи, решил соблюсти принятые обычаи и поучить благословение. Но чрезмерные внешние проявления православных обрядов заставили его переменить принятое заранее решение. Мыслительный процесс заключается в размышлении, установке, выборе поведенческой манеры, принятии условий, необходимых для бесконфликтного выхода из ситуации, столкновении с не позволяющей реализацию решения ситуацией, в перемене решения и действия согласно новому плану. Следуя своим мыслям, герой романа не изменил своим внутренним принципам.

«Грушенька меж тем как бы в восхищении от "милой ручки" медленно поднимала ее к губам своим. Но у самых губ она вдруг ручку задержала на два, на три мгновения, как бы раздумывая о чем-то.

– А знаете что, ангел-барышня, – вдруг протянула она самым уже нежным и слащавейшим голоском, – знаете что, возьму я да вашу ручку и не поцелую» [БК: 158].

Внешне ситуация была представлена в виде осуществления мыслительной цепочки: начало действия – прекращение действия, то есть изменение замысла. Принятие решения и действие в данном примере, вероятно, соответствует продуманному плану героини и является обратным первоначальному замыслу только согласно предположению Катерины Ивановны, которая надеялась на наивность Грушеньки. Это реализуется благодаря союзу *как бы* со значением приблизительности, которое встречается в предложениях, имеющих «в своем составе слово, обозначающее речевую, мыслительную, эмоциональную, познавательную, волевою, оценочную деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние», «наибольшую активность обнаруживают слова, в самих своих значениях несущие элементы необъективности, неточного знания, неуверенности, сомнения, неодобрения

или осуждения, т.е. всего того, чем может быть мотивировано размежевание точек зрения субъекта и лица говорящего» [Рослая. Электронный ресурс].

« - Полтора рубля-с и процент вперед, коли хотите-с.

- Полтора рубля! – воскликнул молодой человек.

- Воля ваша. – И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел.

- Давайте! – сказал он грубо» [Пин: 9].

В данном контексте Раскольников изначально имел определенную цель – получить деньги за часы, но предложенная ему небольшая сумма денег стала причиной появления негативных эмоций и желания уйти, однако мысль о невозможности сдать часы в каком-либо другом месте заставила героя переменить решение; «одуматься» имеет значение отказа от прежних «обычно нереальных опрометчивых» планов [Окунева, 2000: 273].

9. Эмоции → мысль → мысли/эмоции, противоположные первоначальным:

«Но он уже лепетал машинально; он слишком был подавлен известиями и сбился с последнего толку. И, однако же, почти тотчас же, как вышел он и распустил над собой зонтик, стала наклевываться в легкомысленной и плутоватой голове его опять всегдашняя успокоительная мысль, что с ним хитрят и ему лгут, а коли так, то не ему бояться, а его бояться» [Бесы: 262].

В приведенном примере в результате самовнушения (*всегдашняя успокоительная мысль*) не происходит действия, но изменяется само отношение к происходящему. Подавленное эмоциональное состояние сменяется активным мыслительным процессом (*метафорическое выражение стала наклеываться мысль* может обозначать аналогию с птенцом, пробивающим себе выход из яйца (очень распространенная метафора о мысли у Ф.М. Достоевского) или, что менее вероятно, – случайное появление идеи), результатом которого является рождение чрезмерной уверенности в себе.

«Я сперва заключил о нем, что он – совсем баба; но потом должен был перезаключить в том смысле, что если и баба, то все-таки оставалось в нем какое-то иногда упрямство, если не настоящее мужество» [Подросток: 29].

Подросток Долгорукий, рассуждая о старом князе с эмоциональным юношеским максимализмом, нашел в себе силы изменить мнение (*перезаключить*), но не смог избавиться от штампа «баба», даже уже понимая силу и мужество князя Сокольского (*он – совсем баба; если и баба, то все-таки оставалось в нем какое-то иногда упрямство, если не настоящее мужество*).

«Маврикий Николаевич, накануне лишь узнавший о ходе дела, при таких неслыханных предложениях открыл было рот от удивления и хотел тут же настаивать на примирении, но, заметив, что Артемий Павлович, предугадавший его намерения, почти затрясся на стуле, смолчал и не произнес ничего» [Бесы: 272].

Удивление секунданта Маврикия Николаевича сформировало мысль о примирении дуэлянтов, которая не была высказана под влиянием паралингвистических факторов (*заметил, что... затрясся*). Язык тела в данном примере сыграл определяющую роль в догадке Артемия Павловича о желании Маврикия Николаевича, который *открыл было рот от удивления*, и в перемене решения Маврикия Николаевича. Произошел бессловесный обмен информацией, повлиявший на развитие ситуации в целом.

«И он скрепился изо всех сил, приготавливаясь к страшной и неведомой катастрофе. По временам ему хотелось кинуться и тут же на месте задушить Порфирия. Он, еще входя сюда, этой злобы боялся... но все-таки решился молчать и не промолвить слова до времени. Он понял, что это самая лучшая тактика в его положении, потому что не только он не проговорится, но, напротив, раздражит молчанием самого врага, и, пожалуй, еще тот ему же проговорится. По крайней мере он на это надеялся» [ПиН: 273].

Главный герой романа «Преступление и наказание», постоянно подверженный сомнениям, злится, желает причинить вред Порфирию, но, продумав тактику, решаете держать себя в руках и молчать. Учитывая то, что следователь является своеобразной положительной ипостасью Раскольникова, желание обмануть свою совесть молчанием и не дать ей одержать победу заставляет героя избавиться от лишних эмоций (*боязни злобы*) и рождает строго мотивированный когнитивный план (*раздражит молчанием самого врага, тот ему же проговорится*).

10. Мысль → действие → противоположная мысль:

«Я переменил об вас мысль в ту минуту, как вы после Шатова взяли руки назад, и довольно, довольно, пожалуйста, без вопросов, больше ничего теперь не скажу» [Бесы: 219].

Этот контекст свидетельствует о наблюдательности персонажа, о его умении обобщать, анализировать, проводить ассоциации, делать выводы, опираясь на свой опыт; хотя данные способности и не вербализованы, но о них можно догадаться.

« – Шутки в сторону, – проговорил он мрачно, – слушайте: с самого начала, вот почти еще тогда, когда я выбежал к вам давеча из-за этой занавески, у меня мелькнула уж эта мысль: “Смердяков!” Здесь я сидел за столом и кричал, что не повинен в крови, а сам все думаю: “Смердяков!” И не отставал Смердяков от души. Наконец теперь подумал вдруг то же: “Смердяков!”, но лишь на секунду: тотчас же рядом подумал: “Нет, не Смердяков!”» [БК: 487].

В этом примере весьма наглядно видно, какое огромное значение Достоевский придавал мыслительным актам. Всего лишь в одном абзаце ментальные процессы названы многократно: *мысль, думаю, подумал, рядом подумал*. Причем героям важно не только само мышление, его этапы, но также важно озвучить их, донести до собеседников.

11. Действие → мысль о противоположном → продолжение первоначального действия.

В примерах этой группы очень ярко прослеживается рефлексивная деятельность персонажей. Они ведут мысленный разговор сами с собой, дают оценки своим мыслям, делают выводы, как бы борясь, противодействуя некоторым размышлениям, принимают решение, не всегда даже комфортное для их личности.

«Этот мальчик Николай Парфенович, с которым я еще всего только несколько дней тому говорил глупости про женщин, и этот больной прокурор не стоят того, чтоб я им это рассказывал, - грустно мелькнуло у него в уме, – позор! Терпи, смирайся и молчи, – заклучил он свою думу стихом, но опять-таки скрепился вновь, чтобы продолжить далее» [БК: 481].

«Уходя, Раскольников успел просунуть руку в карман, загреб сколько пришлось медных денег, доставшихся ему с разменянного в распивочной рубля, и не приметно положил их на окошко. Потом, уже на лестнице, он одумался и хотел было воротиться.

“ – Ну что это за вздор такой я сделал, – подумал он, – тут у них Соня есть, а мне самому надо”. Но, рассудив, что взять назад уже невозможно и что все-таки он и без того бы не взял, он махнул рукой и пошел на свою квартиру» [ПиН: 24].

«“Пропаву так пропаду, все равно! Носок надеть! – вздумалось вдруг ему, – еще больше затрется в пыли, и следы пропадут”. Но только что он надел, тотчас же и сдернул его с отвращением и ужасом. Сдернул, но, сообразив, что другого нет, взял и надел опять – и опять рассмеялся. Все это условно, все относительно, все это одни только формы, – подумал он мельком, одним только краешком мысли, а сам дрожа всем телом, – ведь вот надел же! Ведь кончил же тем, что надел!» [ПиН: 76].

Здесь как будто действуют два человека, спорящих друг с другом, делающих что-то незаметно для другого; объединены смех и страх («дрожа всем телом»), ужас, отвращение. Это ярко свидетельствует о том, что персонаж

не в ладу с самим собой; мыслительная способность не потеряна, но явно дискомфортна.

12. Мысль → отрицательные эмоции → изменение в психическом (психофизическом) состоянии.

Таких примеров в романах Ф.М. Достоевского очень и очень много. Они – о пиковых моментах в жизни человека, о том, что в медицине и в лингвистике называют «измененные состояния сознания»; человек частично или полностью перестает владеть собой на короткое или более продолжительное время, не отдает отчет своим поступкам, не может совладать с изменениями и в психике, и в теле. Если в принципе причины для этого могут быть разнообразными, то у Достоевского это в основном мысли самих же персонажей. Приведем примеры:

«Зато ежеминутно помнил, что об чем-то забыл, чего нельзя забывать, – терзался, мучился, припоминая, стонал, впадал в бешенство или в ужасный, невыносимый страх» [ПиН: 96].

«Но под конец он вдруг стал опять беспокоен; точно угрызение совести вдруг начало его мучить: “Вот, сижусь, песни слушаю, а разве то мне надобно делать!” - как будто подумал он. Впрочем, он тут же догадался, что и не это его тревожит; было что-то требующее немедленного разрешения, но чего ни осмыслить, ни словами нельзя было передать...» [ПиН: 352].

Смутная догадка не приводит к дальнейшему пониманию, мысли бегут, но они не продуктивны; появляется ощущение бега по кругу, безвыходности.

Достоевский как бы вскрывает нутро персонажа, описывает его чувства и мысли изнутри, стремясь найти объяснение состоянию и поступкам людей. В этом заключается и глубочайший психологизм его произведений, и точная физиологичность. Мысль мощно действует и на психику, и на телесные проявления.

«Сказав это, он вдруг смутился и побледнел: опять одно недавнее ужасное ощущение мертвым холодом прошло по душе его; опять вдруг ему стало совершенно ясно и понятно, что он сказал сейчас ужасную

ложь, что не только никогда теперь не придется ему успеть наговориться, но уже ни об чем больше, никогда и ни с кем, нельзя ему теперь говорить. Впечатление этой мучительной мысли было так сильно, что он на мгновение почти совсем забылся, встал с места и, не глядя ни на кого, пошел вон из комнаты» [ПиН: 183].

«Вдруг он вздрагнул: одна, тоже вчерашняя, мысль опять пронеслась в его голове. Но вздрогнул он не оттого, что пронеслась эта мысль. Он ведь знал, он предчувствовал, что она непременно “пронесется”, и уже ждал ее; да и мысль эта была совсем не вчерашняя. Но разница была в том, что месяц назад, и даже вчера еще, она была только мечтой, а теперь... Теперь явилась вдруг не мечтой, а в каком-то новом, грозном и совсем незнакомом ему виде, и он вдруг сам сознал это... Ему стукнуло в голову, и потемнело в глазах» [ПиН: 39].

13. Мысль → положительная оценка → вывод → действие.

Как правило, положительно оцениваемые события не приводят к плохим последствиям, мысли и поступки в таких случаях комфортны, приятны, полезны и для самого персонажа, и для его окружения.

«Федор Павлович, сообразив все дело, нашел, что оно дело хорошее и в формальном согласии своем насчет воспитания детей у генеральши не отказал потом ни в одном пункте» [БК: 15].

«По крайней мере монахи-то уже тут не виноваты ни в чем, – решил он вдруг на крыльце игумена, – а если и тут порядочный народ (этот отец Николай игумен тоже, кажется, из дворян), то почему же не быть с ними милым, любезным и вежливым?..

Все эти благие намерения еще более укрепились, когда они вступили в столовую отца игумена» [БК: 88].

Положительная мысль приводит к конкретному выводу.

14. Сомнение → мысль / эмоция → избавление от сомнения.

Здесь персонажи снова ведут внутренний диалог, усиленно размышляют, взвешивают возможные варианты, появляющиеся у них в головах, борются с отрицательными эмоциями, стремятся подавлять их:

«Одно язвительное и бунтующее сомнение вскипело в душе его.

– Да так ли, так ли все это? – опять-таки подумал он, сходя с лестницы, – неужели нельзя еще остановиться и опять все переправить и не ходить?

Но он все-таки шел. Он вдруг почувствовал окончательно, что нечего себе задавать вопросы» [ПиН: 419].

«Он даже усмехнулся на себя, как вдруг другая тревожная мысль ударила ему в голову. Ему вдруг почудилось, что старуха, пожалуй, еще жива и еще может очнуться. Бросив ключи и комод, он побежал назад, к телу, схватил топор и намахнулся еще раз над старухой, но не опустил. Сомнения не было, что она мертвая» [ПиН: 65].

«Раскольников подходил, все еще сдерживая шаг и как бы колеблясь: войти или нет? Но он бы не воротился ни за что; решение его было принято. “К тому же все равно они еще ничего не знают, – думал он, – а меня уже привыкли считать за чудака...” Но по крайней мере он решился. Он постучал в дверь...» [ПиН: 409].

«Припомнив это теперь, он тихо и злобно усмехнулся в минутном раздумье. Глаза его сверкнули, и даже губы затряслись. “А коль начал, так и кончить» – решил он вдруг”» [БК: 90].

Гораздо больше внимания писатель уделяет отрицательным эмоциям как катализаторам действий и состояний персонажей и лишь изредка говорит о положительных, да и то связывая их с отрицательными, как например, сладостный смех и ощущение греховности Алеши в следующем примере:

«Алеша прочел с удивлением, прочел два раза, подумал и вдруг тихо, сладко засмеялся. Он было вздрыгнул, смех этот показался ему греховным. Но мгновение спустя он опять рассмеялся так же тихо и так же счастливо» [БК: 166].

Определения, к которым прибегает писатель в данном контексте для показа эмоционального состояния в связи с ментальными действиями (прочел, подумал), это: *с удивлением, тихо, сладко, греховный, тихо, счастливо*. Таким образом, положительные эмоции перебиваются отрицательной и затем снова происходит возврат к положительной.

15. Отсутствие мысли → внезапное озарение:

«Наконец пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь на Неву?.. И удивился он вдруг: как это он целые полчаса бродил в поиске и тревоге, и в опасных местах, а этого не мог раньше выдумать! И поэтому только целые полчаса на безрассудное дело убил, что так уже раз во сне, в бреду решено было!.. Решительно надо было спешить!» [ПиН: 88].

В примерах такого рода этапы мыслительного процесса не отслеживаются персонажем и не описываются автором, дается лишь заключительная фаза. Очевидно, внезапное озарение может быть объяснено тем, что мыслительный процесс проходит на неосознаваемом человеком уровне и тем, что он проходит очень быстро.

16. Отсутствие мысли → внутреннее ощущение → появление мысли

Это вариант предыдущего когнитивного действия, только оно уже не спонтанно, не бессознательно, а получает рациональное объяснение:

«С ним совершалось что-то совершенно ему незнакомое, новое, внезапное и никогда не бывалое. Не то чтоб он понимал, но он ясно ощущал, всею силою ощущения, что не только с чувствительными экспансивностями, как давеча, но даже с чем бы то ни было ему нельзя было более обращаться к этим людям в квартальной конторе. И что всего мучительнее, это было более ощущение, чем сознание, чем понятие; непосредственное ощущение, мучительнейшее ощущение из всех до сих пор жизнь пережитых ощущений. Странная мысль пришла ему вдруг: встать сейчас, подойти к Никодиму Фомичу и рассказать ему все вчерашнее» [ПиН: 85].

Этот контекст чрезвычайно насыщен ментальными глаголами и существительными, Достоевский прибегает к неоднократным повторам: слово *ощущение* встречается шесть раз. Интересно, что здесь оно, с одной стороны, отнесено (как в ранее приводившихся примерах и в следующем примере слово *чувствовать, почувствовать*) к ментальным существительным, но с другой стороны, противопоставляется им: ощущение – это еще не понимание, не осознание, скорее – интуиция, но оно настолько эмоционально сильно (употребляются сравнительная и превосходная степень прилагательного «*со всюю силою ощущения*», «*мучительнее*», «*мучительнейшее из всех до сих пор пережитых*»), что подталкивает героя к новой мысли и к действию. Здесь Достоевский еще раз показывает, что эмоции и плохо осознаваемые ментальные состояния способны быть активным деятелем, оказывать сильнейшее влияние на людей.

«Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [ПиН: 53].

17. Отсутствие логической мыслительной деятельности → неожиданные действия.

В примерах этой группы представлены механические, автоматические действия людей, проделываемые на бессознательном уровне, без необходимого осмысления:

«Если б он захотел подумать немного, то, конечно, удивился бы тому, как мог он говорить с ними минутой назад и даже навязываться с своими чувствами?» [ПиН: 84].

«– Ну в таком случае отца черт убил! – сорвалось вдруг у Мити, как будто он даже до сей минуты спрашивал все себя: "Смердяков или не Смердяков?"» [БК: 488].

18. Концентрация внимания на мысли → игнорирование внешних факторов → неосознанные действия.

Эта группа похожа на предыдущую, отличие состоит в том, что если в той неосознанные действия персонажа не имеют объяснения, то в этой объясняются усиленной мыслительной активностью, которая застигает собой всё окружающее, сосредоточением на какой-то одной довлеющей и мучающей мысли:

«Николай Всеволодович долго пробирался около забора, не отдаляясь от берега, но твердо находя свою дорогу и даже вряд ли много о ней думая. Он занят был совсем другим и с удивлением осмотрелся, когда вдруг, очнувшись от глубокого раздумья, увидел себя чуть не на середине нашего длинного, мокрого плашкотного моста» [Бесы: 250].

19. Мысль → новая мысль → возврат к первоначальной мысли:

«– Я, конечно, понимаю застрелиться, – начал опять, несколько нахмурившись, Николай Всеволодович, после долгого, трехминутного задумчивого молчания, – я иногда сам представлял, и тут всегда какая-то новая мысль: если бы сделать злодейство или, главное, стыд, то есть позор, только очень подлый и... смешной, так что запомнят люди на тысячу лет, и вдруг мысль: “Один удар в висок, и ничего не будет”. Какое дело тогда до людей и что они будут плевать тысячу лет, не так ли?» [Бесы: 230].

Здесь представлено не отсутствие когнитивной деятельности, а наоборот, ее наличие. Человек сомневается в правильности своей идеи, ищет новое решение, но затем его отменяет, укрепляясь в прежней уверенности.

20. Усилия для концентрации мыслительного процесса → отсутствие результата.

Как и у всех людей, у персонажей Достоевского мыслительный процесс не всегда бывает успешен:

«Как ни хмурились наши губернские лбы целую половину чтения, ничего не могли одолеть, так что вторую половину прослушали лишь из учтивости» [Бесы: 443].

Интересно, что в этом примере не названо ни одно когнитивное действие, но имеются в виду три: во-первых, чтение (вариант чтения – слушание написанного, когда кто-то зачитывает вслух); во-вторых – процесс думания, восприятия услышанного, описанный Достоевским по внешнему проявлению. У выражения «хмурились... губернские лбы» во время зачитывания возникает контекстуальное значение `пытались осмыслить, понять`. В-третьих – процесс понимания, обозначенный глаголом «одолеть».

Приведенные примеры делают очевидным то, что Ф.М. Достоевский средствами языка стремился отразить сложность и разнообразие мыслительного процесса человека как явление, адекватное уровню развития личности; детализирование и многогранность его описания в литературном произведении выступают в качестве аргументов, «материальных единиц» для доказательства высочайшего мастерства и интеллектуальности автора.

Выводы к главе 3:

В произведениях Ф.М. Достоевского широко представлены разнообразные типы мыслительных операций, доказывающие или опровергающие интеллектуальные способности, психическое здоровье / нездоровье и особенности стилей мышления персонажей, детально отражены и авторский мыслительный процесс, и мыслительные психоаналитические процессы героев. Все они подчинены логике, особому взгляду на мир Ф.М. Достоевского, затрагивающего в своем творчестве вопросы рассудочного и чувственного миропонимания и принятия решения.

Выявление и анализ языковых средств, с помощью которых писатель показывает суть и особенности мышления своих персонажей, показывают, что одну из ведущих ролей в этом ключе играют глаголы, причем не только отдельные глагольные лексемы, но и их ближайшее окружение, включая глагольно-именное фразеосочетание, необходимые для полноценного понимания как их семантики, так и в целом авторского замысла относительно описания мышления героев произведений, репрезентации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность».

В силу того, что мышление есть антропоцентрическая форма познания и оценки мира, а его специфика обусловлена внутренней направленностью субъекта на достижение цели, на поиск ответа на поставленный вопрос, на решение задач, подробное изучение и анализ когнитивных единиц необходимо производить, учитывая личность автора и лингвомыслительный тип героев произведения, иначе говоря, принимая во внимание все языковые единицы, концепты, параметры, категории и явления, образующие когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность».

Среди эксплицированных когнитивных процессов, выраженных ментальными глаголами и глагольно-именными фразеосочетаниями, оказалось возможным выделить следующие разновидности: процесс формирования мысли, включая его скорость; предчувствие мысли, идеи, за которыми могут скрываться и нечто другое, вполне осмысленные желания и поступки; неудачная попытка отвлечься от тягостной мысли; сумбурные беспорядочные мысли, сменяющие одна другую, обычно вызванные плохим соматическим и интеллектуальным состоянием; мысленное представление не совпадает с реальностью; внутренний разлад (действия противоречат мыслям) по причине противоречия между мышлением, волей и эмоциями героев, страха перед будущим; частичная / временная утрата памяти (норма, то, что может быть присуще любому человеку; сомнение в норме; не норма, состояние аффекта, впоследствии проходящее); концентрация внимания на мысли (игнорирование внешних факторов); бесплодный поиск ответа; отсутствие логической мыслительной деятельности приводит к неожиданным действиям; собственные логические выводы не влияют на внутренние убеждения; мысль / идея как предчувствие; понимание затруднительного положения другого человека; принятие решения, укрепление в твердой уверенности первоначального замысла; понимание безвыходности ситуации как конечная фаза длительного мыслительного процесса; умение отделить главное от второстепенного как показатель интеллектуального развития личности и ее эмоциональной сферы; неумение отделять главное от второстепенного.

Часто в репрезентации когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» фигурируют сравнения, метафоры, яркие образы. Нередки случаи, когда о сути мышления, о том, что мыслительный процесс у героя идет, можно догадаться по имплицитным смыслам, по контекстному окружению глагола, зачастую не являющегося ментальным.

Контексты, содержащие описание мыслительных процессов, полностью соответствуют языковой картине мира Ф.М. Достоевского, особенности мироощущения и характера которого нашли отражение в его произведениях, сформировали язык, показали душевное состояние героев, русскую ментальность, соборность, стихийность. Процесс формирования человеческой мысли, рациональное мышление и интуиция, представленные в языке романов, доказывают возможность достижения истинного, высшего знания при полном взаимодействии ума и сердца, науки и религии, логичности и духовности.

Одним из этапов изучения когнитивно-ментальной сферы «мыслительная деятельность» являются когнитивно-семантические модели (цепочки) указанных этапов. Наши исследования показали, что многие конструкции Ф.М. Достоевского семантически отличались от матричной классификационной сетки глаголов, обозначающих процесс и событие, предложенной Е.Н. Руденко, или от стадий процессуальности и завершенности, представленных в статьях толковых словарей русского языка. Так, общепринятые этапы мыслительной цепочки **«разбираться → понять»** у Ф.М. Достоевского представлены по-другому: **«обдумывать → понять»**. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **«раздумывать → решить»** у Ф.М. Достоевского: **«раздумывать → почувствовать»**. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **«думать → решить»** у Ф.М. Достоевского: **«подумать → сообразить»**. Общепринятые этапы мыслительной цепочки **«спросить → выяснить»** у Ф.М. Достоевского: **«спросить себя → постигнуть»**.

В мыслительной цепочке **«поиск ответа → получение ответа»** категория, выражающая завершенность, может быть не только когнитивной, но и эмоционально-когнитивной (глагол *почувствовать* в значении 'понять') и не

всегда совпадающей с теоретически подходящей ей категорией процессуальности. Вследствие этого глагол *почувствовать* в соответствующих контекстах, весьма часто встречающихся у Достоевского, можно назвать эмоционально-когнитивным.

Анализ материала из произведений Ф.М. Достоевского, содержащий лингвистические единицы и их последовательности, входящие в когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», позволил выявить следующие двадцать логико-семантических ментальных цепочек и типов мыслительных операций: поиск ответа → решение; мысль → возникновение отрицательных эмоций; мысли → стыд за собственные мысли; тяжесть от мыслей → стремление перестать думать; мысль → изменение ее оценки → стремление перестать думать; мысль → порождение одноминутных воспоминаний; отрицательные эмоции → мысль → действие; действие / замысел действия → мысль (оценка) → действие, обратное первоначальному замыслу; эмоции → мысль → мысли / эмоции, противоположные первоначальным; мысль → действие → противоположная мысль; действие → мысль о противоположном → продолжение первоначального действия; мысль → отрицательные эмоции → изменение в психическом (психофизическом) состоянии; мысль → положительная оценка → вывод → действие; сомнение → мысль / эмоция → избавление от сомнения; отсутствие мысли → внезапное озарение; отсутствие мысли → внутреннее ощущение → появление мысли; отсутствие логической мыслительной деятельности → неожиданные действия; концентрация внимания на мысли → игнорирование внешних факторов → неосознанные действия; мысль → новая мысль → возврат к первоначальной мысли; усилия для концентрации мыслительного процесса → отсутствие результата.

Проведенный анализ делает очевидным то, что Ф.М. Достоевский средствами языка стремился отразить сложность и разнообразие мыслительного процесса человека как явление, адекватное уровню развития личности; детализирование и многогранность его описания в литературном

произведении выступают в качестве аргументов, «материальных единиц» для доказательства высочайшего мастерства и интеллектуальности автора.

Языковое исследование подобных лингвистических единиц, цепочек и категорий, отражающих мыслительные процессы, может служить материалом для изучения мышления, умственных процессов и логики человека в целом.

Заключение

С развитием науки все большее внимания уделяется проблемам, лежащим на стыке философии и языкознания. Но вопрос о том, существует ли «мозговой код» мышления, до сих пор остается открытым. Хотя именно такой материализованный код, по мнению ученых, стал основой формирования человеческого разума, мышления, внутреннего мира, сознания.

Установлено, что язык, являясь элементом культуры, не может не оказывать влияние на мышление и опыт человека. Особый интерес представляют те ментальные явления и процессы, которые имеют обозначения в тезаурусе конкретного языка, способны быть выражены им. Таким образом, размышление, принятие решения и общение обусловлены лингвистической подготовкой.

Появившиеся в конце XX века новые отрасли лингвистического знания позволили прагматистам рассматривать мышление с точки зрения эволюции, культурологи и лингвокультурологии. Различие культур, дискурсов, видов деятельности, ситуаций и языков обуславливает гетерогенность мышления. На наш взгляд, по аналогии с гоминизаторской функцией языка (по Г. Гийому), можно говорить о гоминизации мышления (скачок от инстинкта к мысли), без которого, как и без языка, не происходило бы развитие ни одной науки. Успехи ряда гуманитарных наук, в частности психологии, социологии, сумевших показать разграничение процессов психической деятельности, дали лингвистике возможность классифицировать глагольную лексику чувства, восприятия, мышления, сознания, ощущения, внимания, знания, памяти и другие.

Лингвисты понимают мышление как вербализованный, речемыслительный процесс. В поле зрения лингвистов попали и получили развитие понятия «значение», «смысл», «мысль», процессы восприятия, мышления, порождения высказывания, память, внимание, знание, мнение, основными средствами изучения которых становятся единицы языка, понятия, концепты,

семантические значения в аспекте когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, лингвоаксиологии.

Проблемы ума, находчивости рассматриваются в лингвистике сквозь призму культурных доминант, поскольку способность к мышлению и различного рода специфика этой способности в картине мира играет одну из важнейших, определяющих ролей, включаются в число ценностных приоритетов, культурных доминант каждой нации. Мыслительная деятельность входит в состав национальной языковой картины мира.

Лингвокогнитивистика и лингвокультурология оперируют понятием концепта, к которому относится и его вербализует разноуровневыми средствами языка все мыслимое мыслительное содержание какого-либо слова, понятия.

Мысль, мышление по природе своей процессуальны, образны, имеют динамическую природу, могут быть рассмотрены как концептуальные системы человеческого сознания, основными операциями которых являются опосредование, сравнение, расчленение, воссоединение, обобщение, мотивация и конкретизация информации. Мы не считаем правомерным разграничивать собственно мышление и мыслительный процесс, поскольку и то, и другое – не статичны, а динамичны: и мышление, и мыслительный процесс относятся к континуальности, к области действия.

Понятийную сферу «мыслительная активность» считаем возможным представить и рассматривать как сферу когнитивно-ментальную. Такой масштабный конгломерат познавательной и рече-мыслительной деятельности человека, объединяющий процессы и результаты сознательного и бессознательного мышления, психической деятельности автора текста, его прагматические установки, вербализуется посредством единиц языка различных уровней, концептов, базируется на накопленных языковой личностью лингвистических и экстралингвистических знаниях и представлениях и на оперировании с ними, предопределяет особенности

идиостиля адресанта речи/текста, обнаруживается во внешних и внутренних программах текста.

Для исследования когнитивной картины мира писателя необходимо учитывать национальную специфику, культуру, идеи, литературное направление, психологические особенности автора и героев, словарный фонд.

Ф.М. Достоевский языком героев своих романов пытался объяснить природу мысли. Одна из наиболее сильных, привлекательных и актуальных во все времена сторон всех его произведений – отражение мыслительного процесса: своего собственного, как автора, и персонажей, мысль в динамике, описание процесса формирования мысли от внезапного ее возникновения, формулирования, осмысления, оценки до проверки и подтверждения. В основном этот процесс представлен как трудный, мучительный, порой изматывающий и не всегда понятный самим героям. Используя оценочную лексику, приемы несобственно-прямой речи, авторских ремарок, демонстрации динамики мыслительного процесса посредством фазисности глаголов, метафор, приемов олицетворения, Достоевский делает читателя соучастником раздумий, колебаний, умозаключений. Многие собственные мысли писатель вкладывает в уста своих персонажей с целью реализации философской ментальной авторской идеи. Идиостиль Ф.М. Достоевского, отражающий мировоззрение писателя, базируется на взаимосвязи языковых особенностей с духовной жизнью человека, морально-этическими нормами поведения, мышлением, самосознанием, национальной психологией и культурой.

В большинстве случаев основной завязкой романов Достоевского является доминантная мысль, идея какого-то человека. Не каждый персонаж может быть расценен как образец строгого логичного мышления. Напротив, часто описывается раздвоение сознания человека, сложные и мучительные поиски себя и своего пути. Но Достоевский дает описание даже неосознаваемых, подсознательных мыслей, даже мыслей навязчивых, постоянно терзающих его героев, нередко прибегая к технике смены вопросов и ответов. Чаще всего мучительные вопросы остаются открытыми или

представлены противоречиво, мышление выражается двойственно и неопределенно – чтобы читатель, расшифровав подтекст произведений, сам сделал выбор.

Многие персонажи Достоевского находятся в вечном поиске эстетических идеалов, красоты, истины, самосовершенствования. Героям его романов свойственны самоанализ, рефлексия, диалог с самим собой, часто противоречивый, внутренняя полифония голосов, хаотичная диалектика мысли. Все это нашло отражение в речи персонажей: их лексика либо бедна, косноязычна, обрывиста – если мышление тоже не на высоте, и последовательна, логична, насыщена яркими метафорами, эпитетами, четко позиционирована – если ум хорошо развит.

В языке романов Достоевского можно выделить языковые единицы и концепты, отражающие когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», представленные в рамках русской языковой картины мира в сочетании с такими иррациональными категориями, также имеющими отношение к мыслительному процессу, как спонтанность, стихийность, резкий переход от одной мысли к другой, озарение, рефлексия, чувствительность, духовность. Эти категории способствуют показу языковой картины мира Ф.М. Достоевского, особенности мироощущения и характера которого нашли выражение в его произведениях, сформировали язык, показали душевное состояние героев, русскую ментальность, соборность, стихийность. Процесс формирования человеческой мысли, рациональное мышление и интуиция, обнаруживаемые в языке произведений писателя, показывают его представление о возможности достижения истинного, высшего знания при полном взаимодействии ума и сердца, науки и религии, логичности и духовности.

Однако мышлению как таковому Достоевский отказывает в приоритете на шкале человеческих ценностей. По его мнению, гораздо важнее развитое чувство. Тем не менее, множество высказываний и размышлений великого русского писателя, мыслителя и философа посвящено именно уму,

мыслительной способности человека; некоторые из них вошли в золотой фонд русской афористики. Из афористичных высказываний Достоевского, репрезентирующих когнитивно-мыслительную сферу «мыслительная активность», следует, что мыслительная деятельность делает человека сильным, могущественным, открывает для него необъятные горизонты, поэтому необходимо развивать ум все новыми знаниями, глубокими размышлениями, чтением – оно, как важнейший мыслительный процесс, способно разбудить собственные мысли, развить творчество и подтолкнуть к нему. В силу этого, как нам представляется, существительные *чтение* и *перечитывание*, глаголы *читать*, *перечитывать*, а также *удивление*, традиционно относимое к эмоциям, необходимо включить в ряд лексем, отражающих мыслительные процессы, осознание, рефлексию.

В представлении Достоевского люди, утрачивающие способность к тем или иным мыслительным операциям вызывают тревогу, так как это плохой прогноз для их дальнейшей жизни и общения с окружающими. Поскольку ум может быть как добрым, так и злым, как созидательным, так и разрушительным, направленным на праведные или на неправедные дела, постольку ему нельзя отдавать главенствующую роль в человеческой цивилизации, считает писатель, ибо если ум не сориентирован на высокие идеалы, не воспитан в нравственности, в гармоничности, без излишнего философствования, то он, даже высокоразвитый, способен сделать человека животным, чудовищем. И хотя рассудок, ум – то высокое, что отличает человека от других существ, он, все же, как следует из размышлений классика, вовсе не есть обязательная принадлежность человека, то есть сущность человеческая к рассудку не сводится, и он вполне может существовать без рассудка, не становясь при этом сумасшедшим, а жить по наитию, по заведенным традициям, обычаям, согласуясь лишь с зовом природы, не рефлексируя, не задумываясь, правильно это или нет. Иначе говоря, писатель оправдывает полусознательное существование человека, поскольку ум – всего лишь часть человеческой природы, а природа способна действовать гораздо лучше

разума, тем более что мыслительный процесс чрезвычайно сложен, таинственен, спонтанен, обусловлен множеством внутренних и внешних причин, часто случайных и загадочных, так что зачастую невозможно найти его первопричину, определить начало и конец.

После способности мыслить на шкале ценностей, связанных с мышлением, у Достоевского стоит способность выражать мысль, облекать ее в словесную оболочку, поскольку она не самоценность, а средство для разума. Часть ценностно-оценочной шкалы, способствующей реализации концепта «мысль» в картине мира Ф.М. Достоевского, выглядит следующим образом: чувство → натура человеческая (эмоции, привычки, потребности) → нравственность → рассудок (как нечто непознаваемое и не могущее быть познанным) → слово (как способность опредмечивать, материализовать, выражать мысль).

Наиболее характерными, часто встречающимися разновидностями семантических значений языковых единиц, концептов, контекстов, репрезентирующих когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность» в языке произведений русского классика, являются следующие: мысль может быть самостоятельным деятелем, но зависит от воли человека; мысль, представляемая как движение от субъекта к внешнему миру, является предметом, объектом деятельности человека; мысленное представление часто не совпадает с реальностью; обдумывание приводит к колебанию в принятии решения, подталкивает к дальнейшему действию; воздействие мысли на реципиента, его эмоциональную сферу, представление, воображение может быть как позитивным, так и негативным – последнее гораздо чаще встречается в языке произведений Достоевского, так как мышление и поведение литературных героев соответствует сложным психоментальным замыслам писателя.

Сочетаемость лексемы *мысль* в языке произведений Достоевского гораздо более многообразна, чем это представлено в Словаре сочетаемости русского языка (более 18 вариантов против 4 словарных). Многие из этих сочетаний

включают в себя метафоры или метафорические сравнения, фразеологические обороты, помогающие составить единый образ концепта. В подобных случаях наблюдается взаимопроникновение и взаимодействие лексических, фразеологических, синтаксических и семантических факторов. Зависимость от контекста, сложность точной дефиниции, определения средствами имеющегося метаязыка тех или иных оттенков значения концепта «мысль» заключается в нетривиальности протекания мыслительных процессов героев Ф.М. Достоевского.

В языке произведений Достоевского в реализации концепта «думать» как одного из базовых концептов когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность» принимают участие следующие семантические группы: умение отделить главное от второстепенного; концентрация внимания на мысли; зависимость от мысли как помеха адекватной жизни; отсутствие контроля над процессом мышления; тяжесть от мыслей, стремление перестать думать о проблемах. Одна из основных идей автора – соборность, невозможность существования одного сознания, не взаимодействующего с другими.

Мысль у Достоевского персонифицирована, не всегда формируется волевым актом субъекта, в большинстве случаев носит личный характер. Богатство сочетаемости понятия «мысль», выраженного одноименной лексемой, в контекстах произведений писателя доказывает разносторонность, неоднозначность, нетривиальность мыслительных процессов героев его романов. Обилие примеров с негативной коннотацией носит неслучайный характер: пессимистический, рефлексивный настрой характерен для классика и большинства его героев, намеренное интеллектуальное мышление которых зачастую приводит к нежелательным последствиям.

В картине мира Ф.М. Достоевского концепты «мысль», «думать» могут наполняться содержанием, имеющим различную когнитивную и эмоциональную окраску.

Практически всем героям Достоевского свойственна рефлексия – как свойство личности, направленное на самоанализ, как способность размышлять,

сопоставлять, анализировать собственные мысли и действия, как способ переосмысливать свое индивидуальное сознание посредством оценки соответствия своей деятельности задачам и привлечения опыта для преодоления затруднений; как сознательное наблюдение протекания собственной сознательной мысли. Одним из средств рефлексии являются вопросы о содержании мысли как результата мыслительного процесса.

Лингвопрагматическими и аксиологическими характеристиками когнитивно-ментальной сферы «мыслительная активность», представленными в творчестве русского классика, являются следующие. Для Достоевского процесс осмысливания связан в первую очередь с осознанием человеком самого себя как части божественного замысла, божественного творения, поэтому человек должен иметь и сознание, представления, идеи, достойные Творца. Однако в житейских, приземленных ситуациях осмысление не такой уж сложный, по мнению писателя, процесс, и отнюдь не он есть вершина человечности: это однократное завершённое действие противопоставлено длительному процессу становления гуманной человеческой личности, высшим достижением которой становится умение рефлексировать не только по поводу себя самого, но и по поводу окружающей его природы, стихии. Вместе с тем, отсутствие сознания, отсутствие рефлексии – это признак глупости, свойство дураков. Но вместе с тем рефлексия, выражающаяся в основном как творческие искания, желание нестандартного решения проблем и правильного выражения мыслей, общение с собственным сознанием, анализ своего мышления, стремление к пониманию внутреннего «Я», способна привести к конфликту и с социумом, и с самим собой, со своей совестью.

Рефлексия, самоанализ, неожиданные мысли, колебания, стыд за собственные мысли, сложность самоопределения являются характерными особенностями русского характера, каким он был представлен в романах Ф.М. Достоевского. Его герои рассматривают мыслительную активность то строго с точки зрения физиологии, отрицая влияние духовного мира, то как нечто непостижимое, не могущее до конца и полностью быть высказанным,

особенно если к процессу мышления присоединяется сильная эмоция, захватывающее чувство. Разум и чувства могут быть настолько рассогласованы, что вступают в противоречие друг с другом, выражают и получают противоположные оценки. Среди наиболее характерных приемов рефлексии у Достоевского – саморазоблачение персонажа как результат взаимодействия рациональных, эмоциональных и нравственных мыслей и переживаний.

Исследование языковой репрезентации механизма рефлексии позволило создать следующие схемы ряда логических последовательностей: мысль → оценка себя → мысль о невозможности процесса мышления; мысль → негативная оценка себя → воспоминание → проверка → вывод → позитивная оценка себя; мысль → сомнение → оценка → отвержение мысли; чужая оценка → аргумент → своя оценка → вывод / осознание; мысль/озарение → новая оценка себя; оценка → эмоция → нарушение логики мышления.

В произведениях Ф.М. Достоевского широко представлены разнообразные типы мыслительных операций, доказывающие или опровергающие интеллектуальные способности, психическое здоровье / нездоровье и особенности стилей мышления персонажей, детально отражены и авторский мыслительный процесс, и мыслительные психоаналитические процессы героев. Все они подчинены логике, особому взгляду на мир Ф.М. Достоевского, затрагивающего в своем творчестве вопросы рассудочного и чувственного миропонимания и принятия решения.

Среди языковых средств, с помощью которых писатель показывает суть и особенности мышления своих персонажей, одну из ведущих ролей играют глаголы – как отдельные глагольные лексеммы, так и их ближайшее окружение, включая глагольно-именное фразеосочетание, что необходимо для полноценного понимания и их семантики, и в целом авторского замысла относительно описания мышления героев произведений.

В силу того, что мышление есть антропоцентрическая форма познания и оценки мира, а его специфика обусловлена внутренней направленностью

субъекта на достижение цели, на поиск ответа на поставленный вопрос, на решение задач, подробное изучение и анализ единиц, входящих в когнитивно-ментальную сферу «мыслительная активность», необходимо производить, учитывая личность автора и лингвомыслительный тип героев произведения.

Наши исследования позволили выделить ряд разновидностей эксплицированных когнитивных процессов, выраженных ментальными глаголами и глагольно-именными фразеосочетаниями. Зачастую в их описаниях фигурируют сравнения, метафоры, яркие образы. Нередки случаи, когда о сути мышления, о том, что мыслительный процесс у героя идет, можно догадаться по имплицитным смыслам, по контекстному окружению глагола, иногда не являющегося ментальным.

Одним из этапов изучения мыслительного процесса являются когнитивно-семантические модели (цепочки) указанных этапов. Многие конструкции Ф.М. Достоевского семантически отличаются от матричной классификационной сетки глаголов, обозначающих процесс и событие, или от стадий процессуальности и завершенности, представленных в статьях толковых словарей русского языка. Глагол *почувствовать* в соответствующих контекстах, посвященных мыслительным актам, в языке романов Достоевского можно квалифицировать как эмоционально-когнитивный.

В контекстах произведений Ф.М. Достоевского, содержащих лингвистические единицы, обозначающие мыслительный процесс, нами были выделены двадцать типов логико-семантических ментальных цепочек и мыслительных операций. Эти логические цепочки подразделяются на такие группы: 1) мыслительный процесс – а) осознанный, логичный и б) неосознаваемый, необъяснимый, спонтанный; 2) влияние на мыслительную деятельность эмоционально-психических факторов; 3) влияние оценки на ход мыслительного процесса. Перечень является открытым.

Языковое исследование подобных лингвистических единиц, цепочек и категорий, отражающих мыслительные процессы, может служить материалом для изучения мышления, умственных процессов и логики человека в целом.

В качестве дальнейшего развития темы можно указать, например, исследование специфики ментальных процессов, репрезентированных в языке произведений других авторов, а также сопоставление этих особенностей с отражением их Ф.М. Достоевским. Кроме того, вполне возможно расширение и углубление данной темы, поскольку она, будучи связанной с таким масштабным и все еще загадочным феноменом, как мышление, чрезвычайно глубока и обширна, ее продолжение может способствовать изучению и пониманию мышления в целом, его связи с языком и речью, определению законов функционирования интеллекта человека. Считаем, что можно выявить и другие мыслительные операции, помимо нами названных, изучить их этапы и языковые средства выражения. Перечень выявленных логико-семантических ментальных цепочек и типов мыслительных операций в языке произведений Достоевского считаем открытым, нуждающимся в дополнительных исследованиях с применением новых прогрессивных методов.

Список литературы

1. Александрова, О.В. Когнитивно-дискурсивная парадигма в изучении языка / О.В. Александрова // Филология как средоточие знаний о мире: Сб. науч. тр. – М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. – с. 117–120.
2. Алефиренко, Н.Ф. К проблеме дискурсивно-текстового универсума культуры / Н.Ф. Алефиренко // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1 / под ред. проф. А.А. Ворожбитовой. – Сочи, 2002. – с. 5–12.
3. Апанасенко, Э.Г. Концепт «русские»: денотативные границы, возможности и перспективы (на материале произведений Ф.М. Достоевского и современной публицистики) / Э.Г. Апанасенко // Россия и АТР. – Владивосток, 2007. – № 1. – с. 130–136.
4. Апресян, Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 511 с.
5. Апресян, Ю.Д. Системообразующие смыслы «знать» и «считать» в русском языке [Электронный ресурс] / Ю.Д. Апресян // Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № 1. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/apresyan-01.htm>.
6. Арутюнова, Н.Д. Прагматика / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с. 389–390.
7. Архипов, И.К. Природа концепта и методы его изучения [Электронный ресурс] / И.К. Архипов. – Режим доступа: phil-herzen.com/.../2008/10/concept.doc.
8. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – 2002. – Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/1765603/>.
9. Белик, А.П. Художественные образы Ф.М. Достоевского / А.П. Белик. – М.: Наука. 1974. – 224 с.

10. Бехтерева, Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни / Н.П. Бехтерева. – М.: АСТ, 2007. – 400 с.
11. Боголюбов, Л.Н. Человек и общество [Электронный ресурс] / Л.Н. Боголюбов, А.Ю. Лазебникова, Л.Ф. Иванова. – Режим доступа: <http://www.sociys.ru/soc132.htm>.
12. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекции по английской филологии / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. ун-та, 2001. – 123 с.
13. Бондарева, Е.П. Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Бондарева Евгения Петровна. – Кемерово, 2005.
14. Бондаревская, О.А. Концептосфера романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Бондаревская Ольга Анатольевна. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kontseptosfera-romana-fm-dostoevskogo-bratya-karamazovu>.
15. Брушлинский, А.В. Культурно-историческая теория мышления / А.В. Брушлинский. – М.: Высшая школа, 1968. – 104 с.
16. Брушлинский, А.В. О взаимосвязях процессуального (динамического) и личностного (мотивационного) аспектов мышления / А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова // Психологические исследования познавательных процессов и личности. – М.: Наука, 1983.
17. Буланов, А.М. Творчество Достоевского-романиста: проблематика и поэтика (художественная феноменология «сердечной жизни») / А.М. Буланов. – Волгоград: Перемена, 2004. – 197 с.
18. Булыгина, Т.В. Категория / Т.В. Булыгина, С.А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с. 215.
19. Булыгина, Т.В. Неожиданности в русской языковой картине мира / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // ПОЛУТРОПОН: К 70-летию В.Н. Топорова. – М., 1998. – с. 306-325.

20. Булынина, М.М. Движение – мысль – слово / М.М. Булынина // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – с. 185–193.
21. Варзин, А.В. «Свобода» в словарной фиксации XIX – начала XX века: отражение трансформации смыслов под влиянием либеральной идеологии / А.В. Варзин // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). – с. 206–212.
22. Васильев, Л.М. Очерки по семантике русского глагола / Л.М. Васильев. – Уфа: Башкирский ун-т, 1971. – 310 с.
23. Васильев, Л.М. Семантика русского глагола / Л.М. Васильев. – М.: Высшая школа, 1981. – 184 с.
24. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и «примитивное мышление» / А. Вежбицкая // Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 412 с.
25. Веккер, Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л.М. Веккер; под общ. ред. А.В. Либина. – М.: Смысл, 1998. – 85 с.
26. Вендлер, З. Сингулярные термы / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. – М.: Радуга, 1982. – с. 203–236.
27. Вершинина, С.И. Аксиологический подход в исследовании проблем государственного принуждения / С.И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 1 (11). – с. 75–78.
28. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – 656 с.
29. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн /пер. с англ. – М.: Гнозис, 1994. – 612 с.
30. Вовканыч, С.И. «Социальный интеллект»: метафора или научное понятие / С.И. Вовканыч, Н.А. Парфенцева // Социологические исследования. – 1993. – № 8. – с. 151–154.
31. Воркачëв, С.Г. Lumen naturale: аксиология интеллекта в языке / С.Г. Воркачëв. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 296 с.

32. Воркачѳв, С.Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) / С.Г. Воркачѳв. – Волгоград: Перемена, 2003. – 164 с.

33. Выготский, Л.С. Мышление и речь / Л.С. Выготский. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.

34. Вышеславцев, Б.П. Русский национальный характер / Б.П. Вышеславцев // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – с. 112–121.

35. Гайсина, Р.М. К вопросу о специфике значения глагола / Р.М. Гайсина // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка. 1982. – Т. 41. – № 1. – с. 59–64.

36. Галышева, М.П. Категория времени в художественном мире Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 [Электронный ресурс] / Галышева Мария Павловна. – М., 2008. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/kategoriya-vremeni-v-khudozhestvennom-mire-fm-dostoevskogo>. Дата обращения: 14.12.2010.

37. Гийом, Г. Мышление и язык [Электронный ресурс] / Г. Гийом. – 1957. – Режим доступа: <http://vispir.narod.ru/gijom.htm>. Дата обращения 31.10.2010.

38. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.

39. Горький, А.М. Жизнь Клима Самгина [Электронный ресурс] / А.М. Горький. – Режим доступа: http://modernlib.ru/books/gorkiy_maksim/zhizn_klima_samgina_chast_4/read/.

40. Горянова, Л.Н. Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Горянова Любовь Николаевна. – Кемерово, 2012. – 25 с.

41. Гроссман, Л.П. Творчество Ф.М. Достоевского / Л.П. Гроссман. – М.: Издательство Академии наук, 1959. – 546 с.

42. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. Фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
43. Гусейнов, А.А. Фрейдизм [Электронный ресурс] / А.А. Гусейнов. – Режим доступа: <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115647>.
44. Демьянков, В.З. Когнитивная деятельность / В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – с. 51–52.
45. Демьянков, В.З. Когнитивная модель / В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – с. 56–57.
46. Демьянков, В.З. Ментальный язык / В.З. Демьянков // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – с. 99–101.
47. Деникин, А. Гуманизм философских взглядов Ф.М. Достоевского [Электронный ресурс] / А. Деникин. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/philosophy/00005556_0.html/.
48. Дзюба, Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре: Монография / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 222 с.
49. Долбина, И.А. Художественный концепт *брат* и его языковая репрезентация в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Долбина Ирина Александровна. – Томск, 2004. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-kontsept-brat-i-ego-yazykovaya-reprezentatsiya-v-romane-fm-dostoevskogo-bra>.
50. Жуков, А.В. Семантика неопределенности (О словах и фразеологизмах с размытым и широким значением) / А.В. Жуков, К.А. Жуков // Вестник Новгородского государственного университета. – 2003. – № 25. – с. 106-111.

51. Закирова, О.В. Качественные прилагательные как средство интеллектуальной характеристики М.И. Кутузова и Наполеона [Электронный ресурс] / О.В. Закирова. – Режим доступа: www.lingvomaster.ru/files/162.pdf.

52. Зализняк, Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] / Анна А. Зализняк. – 2001. – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html.

53. Зализняк, Анна А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелёв. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 544 с.

54. Зиновьева, Е.И. Ум сквозь призму фразеологических единиц обиходного языка Московской Руси / Е.И. Зиновьева // Русское слово в историческом развитии (14–19 века). – СПб.: Нестор-История, 2008. – Вып. 3. – с. 31–38.

55. Иванчикова, Е.А. Автор в повествовательной структуре исповеди и мемуаров (на материале произведений Достоевского) / Е.А. Иванчикова // Язык как творчество. Сб. статей к 70-летию В.П. Григорьева. – М.: ИРЯ РАН, 1996. – с. 250–255.

56. Ильенков, Э.В. Проблема единства бытия и мышления в античной философии / Э.В. Ильенков // Принципы материалистической диалектики как теории познания. – М., 1984. – с. 9–29.

57. Ильин, Е.П. Мотивация и мотивы / Е.П. Ильин. – М., Харьков, Минск: Питер, 2000. – 512 с.

58. Интеллект [Электронный ресурс] // Познавательные процессы. Мышление и воображение. Интеллект. – Режим доступа: http://www.tinlib.ru/psihologija/psihologija_konspekt_lectii/p8.php/.

59. Кадоло, Т.А. Русские ментальные глаголы в аспекте полиситуативности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кадоло Татьяна Александровна. – Кемерово, 2004. – 189 с.

60. Калашникова, С.В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Калашникова София Васильевна. – Тверь, 2007. – 22 с.

61. Кант, И. Сочинения в 8-ми тт. / И. Кант; под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. – М., 1994. – Т. 8. – 718 с.

62. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. – с. 3-16.

63. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

64. Караулов, Ю.Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского [Электронный ресурс] / Ю.Н. Караулов // Русский язык. Первое сентября. 2001. № 39. – Режим доступа: http://rus.1september.ru/2001/39/5_9.htm.

65. Карпов, А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика ее диагностики / А.В. Карпов // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24. – № 5. – с. 45–57.

66. Като, Ж. Пространство и время в романах Достоевского / Ж. Катто // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 3. – Л.: Наука, 1978. – с. 41–53.

67. Кауфман, И.С. Проблема дефиниции мышления в философии Спинозы / И.С. Кауфман // Философия о предмете и субъекте научного познания / под ред. Э.Ф. Караваева, Д.Н. Разеева. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – с. 115–134.

68. Кенжебалина, Г.Н. Лингвопрагматика. Учеб. пос. для студ. и магистрантов филол. специальностей [Электронный ресурс] / Г.Н. Кенжебалина. – 2012. – Режим доступа: <https://refdb.ru/look/2606409-p2.html>.

69. Кириллова, И.В. Лингвокультурологическая специфика когнитивной оппозиции УМ – ГЛУПОСТЬ в русской ЯКМ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кириллова Ирина Викторовна. – Нижний Новгород, 2012. – 21 с.

70. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика: Учеб. пос. / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

71. Кобозева, И.М. *Мысль и идея* на фоне категоризации ментальных имен / И.М. Кобозева // Логический анализ языка. Ментальные действия. – М., 1993. – с. 95–104.

72. Кобрина, Н.А. Исторические предпосылки к становлению когнитивного направления в лингвистике / Н.А. Корбина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – с. 5–10.

73. Козленко, П.В. Агентивные имена как средство выражения оценочных значений в идиостиле Федора Михайловича Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Козленко Полина Вячеславовна. – Мичуринск, 2004. – 24 с.

74. Козлов, Н.И. Когнитивная сфера [Электронный ресурс] / Н.И. Козлов. – Режим доступа: <http://www.psychologos.ru/articles/view/kognitivnaya-sfera>.

75. Колесов, В.В. Слово и дело. Из истории русских слов / В.В. Колесов. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 703 с.

76. Колесов, В.В. Языковые основы русской ментальности: учеб. пос. / В.В. Колесов, М.В. Пименова. Серия «Концептуальные исследования». Вып. 14 / отв. ред. М.В. Пименова. – Изд. 3-е, доп. – СПб.: СПбГУ, 2011. – 136 с.

77. Колесова, Д.В. Принципы организации текста в романе А. Платонова «Котлован»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Колесова Дарья Владимировна. – СПб., 1995. – 16 с.

78. Кондратенко, Л.И. Глаголы интеллектуальной деятельности: На примере текстов прозы И.С. Тургенева: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кондратенко Людмила Ивановна. – Воронеж, 2005. – 189 с.

79. Кондратьева, О.Н. Концепты внутреннего мира человека в русских летописях (на примере концептов *душа, сердце, ум*): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кондратьева Ольга Николаевна. – Екатеринбург, 2004. – 25 с.

80. Коротяев, А.И. Роль генетической и умственной систем информации в возникновении и развитии жизни на Земле / А.И. Коротяев, С.А. Бабичев. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 236 с.

81. Коськина, Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматилистический потенциал семантических категорий «пространство», «субъект», «объект», «инструмент»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Коськина Елена Владимировна. – Омск, 2004. – 200 с.

82. Красина, Е.А. Иллокутивная сила и иллокутивная цель высказывания / Е.А. Красина // Язык и мышление: психологические и лингвистические аспекты. Мат-лы Всерос. науч. конф. – М.; Пенза, 2001. – с. 99-100.

83. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л.А. Карпенко; под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д.: Феникс, 1998. – 512 с.

84. Крюков, А.В. Концептуализация интеллектуальных характеристик человека (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Крюков Антон Васильевич. – Волгоград, 2005. – 24 с.

85. Крюкова, Л.Б. Лингвистическое моделирование ситуации восприятия в поэтическом тексте (на материале поэзии серебряного века) / Л.Б. Крюкова // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2007. Вып. 300-1. – с. 13-16.

86. Кубрякова, Е.С. Когнитивная наука / когнитивные науки / Е.С. Кубрякова // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – с. 58-63.

87. Кубрякова, Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» / Е.С. Кубрякова // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001 (а). – Вып. 1. – с. 4-10.

88. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Известия АН. Серия литературы и языка. – Т. 63. – 2004. – № 3. – с. 3-12.

89. Кубрякова, Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001 (6). — № 1. – с. 56-61.

90. Кубрякова, Е.С. Репрезентация. Ментальная репрезентация / Е.С. Кубрякова // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – с. 157–160.

91. Кубрякова, Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века. – М.: Институт языкознания РАН, 1995. – с. 173–189.

92. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.

93. Леонтьев, А.А. Бессознательное и архетипы как основа интертекстуальности / А.А. Леонтьев // Текст. Структура и семантика. Т. 1. – М., 2001. – с. 92–100.

94. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 214 с.

95. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

96. Леонтьева, Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Леонтьева Татьяна Валерьевна. – Екатеринбург, 2003. – 23 с.

97. Лещук, И.И. Лабиринты духовности [Электронный ресурс] / И.И. Лещук. – Режим доступа: <http://rusbaptist.stunda.org/dop/lab0.htm>.

98. Лихачев, Д.С. Поэтика древнерусской литературы [Электронный ресурс] / Д.С. Лихачев. – Режим доступа: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=126574&page=93>.

99. Логвинов, М.И. Художественная мотивация поведения героев Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Логвинов Михаил Иванович. – Волгоград, 2004. – 191 с.

100. Логинова, М.М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Логинова Милена Михайловна. – Краснодар, 2017. – 193 с.

101. Лопухина, Р.В. Логико-синтаксические парадигмы русского языкового мышления (Лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Лопухина Раиса Васильевна. – Тула, 2005. – 34 с.

102. ЛОРЯ – Лексическая основа русского языка (комплексный учебный словарь) / под ред. В.В. Морковкина. – М., 1984. – 1168 с.

103. Лосев, А. Ф. Страсть к диалектике / А.Ф. Лосев. – М.: Советский писатель, 1990. – 318 с.

104. Лурия, А.Р. Психология как историческая наука (к вопросу об исторической природе психологических процессов) / А.Р. Лурия // История и психология. – М.: Наука, 1971. – с. 36–62.

105. Лурия, А.Р. Язык и сознание [Электронный ресурс] / А.Р. Лурия. – 1979. – Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/144.Luria/source/worddocuments/_39.htm

106. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т. 3. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 630 с.

107. Мельниченко, Н.П. Концепт *гнев* в идиостиле Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Мельниченко Наталья Петровна. – Елец, 2009. – 213 с.

108. Мельничук, А.С. Язык и мышление / А.С. Мельничук // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – с. 606–607.

109. Миронова, Ю.В. Отражение русской ментальности в концептах художественного текста (на материале цикла рассказов И.С. Тургенева «Записки охотника»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Миронова Юлия Вячеславовна. – Калининград, 2003. – 24 с.

110. Мирошниченко, А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа / А. Мирошниченко. – Ростов н/Д, 1995. – 112 с.

111. Михайлова, О.А. К вопросу об изучении глаголов с предметными семами / О.А. Михайлова // Проблемы глагольной семантики: Сб. науч. трудов. – Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. – с. 64–70.

112. Мурашов, А.Б. Словарь терминов ментального подхода [Электронный ресурс] / А.Б. Мурашов. – Режим доступа: <http://mentally.eu/mentologiya/slovar-terminov-mentalnogo-podxoda/>.

113. Никандрова, И.А. Глагол как средство репрезентации языковой личности персонажа (на материале романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс] / Никандрова Инна Андреевна. – Коломна, 2010. – Режим доступа: <http://www.mgopu.ru/DOWNLOAD/NikandrovaIA.doc>.

114. Никитина, Л.Б. Образ-концепт «мысль» в русской языковой картине мира / Л.Б. Никитина // Актуальные проблемы русского языка: Мат-лы конф., посв. 70-летию ЧГПУ / под общ. ред. Л.П. Гашевой. – Челябинск, 2005. – с. 384–388.

115. Новиков, Л.А. Диалектика мысли, характера и слова в «Двойнике» Ф.М. Достоевского / Л.А. Новикова // Русская речь. – 1981. – № 5. – с. 22–30.

116. Норман, Б.Ю. Теория языка. Вводный курс: учеб. пос. / Б.Ю. Норман. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

117. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1989. – 750 с.

118. Окунева, А.П. Русский глагол. Словарь-справочник / А.П. Окунева. – М.: Русский язык, 2000. – 558 с.
119. Ортега-и-Гассет, Х. Дегуманизация искусства [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет. – Режим доступа: <http://lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt>.
120. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
121. Панкрац, Ю.Г. Речь, речевая деятельность / Ю.Г. Панкрац // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – с. 165–168.
122. Парменид [Электронный ресурс] / Праменид. – Режим доступа: <http://enc.mail.ru/article/64020300>.
123. Петухов, В.В. Психология мышления / В.В. Петухов. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 89 с.
124. Пименова, М.В. Антропоморфная парадигма признаков в структуре концепта ум / М.В. Пименова // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – 2004. – № 2. – с. 32–35.
125. Пименова, М.В. Концептуализация рассудка и способы объективации его признаков в русской языковой картине мира / М.В. Пименова // Концептуальные сферы МИР и ЧЕЛОВЕК: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. Серия «Концептуальные исследования». – Кемерово, 2005. – Вып. 6. – с. 121–143.
126. Пименова, М.В. Концепты внутреннего мира: Русско-английские соответствия: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Пименова Марина Владимировна. – СПб., 2001. – 497 с.
127. Пименова, М.В. Ментальность: лингвистический аспект: учеб. пос. / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1996. – 84 с.
128. Пименова М.В. Методология концептуальных исследований / М.В. Пименова // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. Филология / ред. М.В. Пименова. – Кемерово, 2002. – Вып. 4 (12). – с. 100-105.

129. Пименова, М.В. Понятийные признаки и культурная составляющая в структурах концептов мудрость и wisdom / М.В. Пименова // Язык и национальное сознание: проблемы сопоставительной лингвоконцептологии. – Армавир, 2008. – Вып. III. – с. 76–80.

130. Пименова, М.В. Семантико-синтаксический аспект ментальных глаголов (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.20 / Пименова Марина Владимировна. – СПб., 1995. – 16 с.

131. Плива, Е.П. Концептуализация ментальных актов и состояний в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Плива Елена Петровна. – Калининград, 2005. – 188 с.

132. Половинкин, А. Смена языка для народа – это катастрофа. О сквернословии и не только [Электронный ресурс] / А. Половинкин. – Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/smi/995.htm>.

133. Померанц, Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. Мышление характерами мыслителей [Электронный ресурс] / Г.С. Померанц. – Режим доступа: <http://dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/pomeranc-otkrytost-bezdne/primechaniya.htm>.

134. Попова, З.Д. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания): учеб. пособие / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – 3-е изд., стер. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 172 с.

135. Попова, З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 2002. – 318 с.

136. Потebня, А.А. Слово и миф [Электронный ресурс] / А.А. Потebня. – М.: Правда, 1989. – Режим доступа: http://philologos.narod.ru/potebnja/poteb_lth.htm.

137. Потebня, А.А. Теоретическая поэтика / А.А. Потebня. – М.: Высшая школа, 1990. – 344 с.

138. Психология мышления (Хрестоматия по психологии) / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, В.А. Спиридонова, М.В. Фаликман, В.В. Петухова. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 762 с.

139. Расторгуева, Г.В. В поиске истины в сообщении «о чужом умственном усилии: поэтический текст / Г.В. Расторгуева // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3 / отв. ред. Т. А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – с. 322–325.

140. Рахматова, С.А. Структурно-семантические особенности глаголов мышления таджикского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахматова Саодат Анваровна. – Худжанд, 2004. – 183 с.

141. Ребрина, Л.Н. Индивидуальная модель произвольного воспоминания как фрагмент наивной картины мира человека (на материале немецкого языка) / Л.Н. Ребрина // Континуальность и дискретность в языке и речи: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Краснодар: КубГУ, Просвещение-Юг, 2007. – с. 139–141.

142. Рослая, Е.В. Описание синтаксических возможностей союза будто как один из методов его портретирования [Электронный ресурс] / Е.В. Рослая. – Режим доступа: <http://www.jurnal.org/articles/2008/fill35.html>.

143. Рубинштейн, С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 145 с.

144. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии: в 2 т. / С.Л. Рубинштейн. – М.: Педагогика, 1988.

145. Руденко, Е.Н. Глаголы когнитивной деятельности русского языка / Е.Н. Руденко // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): труды и материалы. – М.: МГУ, 2004. – с. 139-141.

146. Рядчикова, Е.Н. Когнитивно-ментальная сфера как предмет изучения современной лингвистики / Е.Н. Рядчикова // Континуальность и дискретность в языке и речи: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. – Краснодар: КубГУ, Просвещение-Юг, 2017. – с. 120-123.

147. Рядчикова, Е.Н. Языковое мышление, языковое сознание, коммуникативное сознание и их осмысление в когнитивистике / Е.Н. Рядчикова

// Мат-лы Междунар. науч. конф. «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания». – Краснодар: АСВ-Полиграфия, 2011. – с. 68-71.

148. Рядчикова, Е.Н. Художественное описание молитвенного состояния как измененного состояния сознания персонажа / Е.Н. Рядчикова, А.Б. Ихлова // VII Международная научно-практич. конф. «Наука в современном информационном обществе» (9-10 ноября 2015 г.). – North Charleston, USA. Т. 2. – с. 200-204.

149. Рядчикова, Е.Н. Влияние «возможных миров» на мышление и бытие: когнитивно-прагматический аспект / Е.Н. Рядчикова, О.В. Телегина // V Междунар. науч. конф. «Предложение и слово» (14-16 октября 2010. Ин-т филологии и журналистики СГУ им. Н.Г. Чернышевского). – Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. – с. 241-248.

150. Рядчикова, Е.Н. Семантико-когнитивные особенности репрезентации ментальной сферы в языке произведений о Гарри Поттере / Е.Н. Рядчикова, О.В. Телегина // Мат-лы Междунар. науч. конф. «Когнитивная лингвистика и вопросы языкового сознания». – Краснодар: АСВ-Полиграфия, 2011. – с. 231-234.

151. Рядчикова, Е.Н. Афоризмы о мыслительной деятельности как пропозициональная составляющая культуры / Е.Н. Рядчикова, Ж.Б. Тхакушинова // Мат-лы XXVII Междунар. науч. конф. «Новые парадигмы и новые решения в современной лингвистике: русский язык как фактор культурно-образовательной интеграции». – СПб., 2017 (а).

152. Рядчикова, Е.Н. Динамика научного подхода к мышлению и к ментальному пространству языка / Е.Н. Рядчикова, Ж.Б. Тхакушинова // Мат-лы Международной науч. конф. «Современные исследования в филологии, лингводидактике и журналистике» (26-27 мая 2017). – Астрахань, 2017 (б).

153. Рядчикова, Е.Н. Ценностно-оценочные приоритеты Ф.М. Достоевского, реализованные в концепте «мысль» и в описании мыслительного процесса / Е.Н. Рядчикова, Е.Е. Федотова // Казанская наука. – 2016. – № 4. – с. 84-86.

154. Рядчикова, Е.Н. Феноменология и лингвокогнитивное моделирование афоризмов, выражающих мыслительную активность / Е.Н. Рядчикова, М.А. Хачемизова // Человек. Язык. Культура: Сб. науч. статей, посв. 60-летнему юбилею проф. В.И. Карасика / отв. соред. В.В. Колесов, М. Влад. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – Изд. 2-е, испр. – Ч. 2. – 568 с. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 2). – с. 355-361.

155. Сайченко, В.В. Реконструкция замысла ненаписанного романа Ф.М. Достоевского «Житие Великого Грешника» / В.В. Сайченко // Классическое наследие русской литературы и современность: концепции, интерпретации, опыты анализа текста: Сб. науч. тр. – Краснодар: КубГУ, 2013. – с. 150–163.

156. Селезнев, Ю.И. Избранное / Ю.И. Селезнев / сост. М. Кузнецова-Селезнева. – М.: Современник, 1987. – 508 с.

157. Селезнев, Ю.В. Мысль семейная – мысль народная [Электронный ресурс] / Ю.В. Селезнев. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=44466>.

158. Семенов, И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач [Электронный ресурс] / И.Н. Семенов. – М.: НИИОПП АПН СССР, 1990. – Режим доступа: http://www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7780676

159. Семенов, И.Н. Психология рефлексии в организации творческого процесса мышления [Электронный ресурс] / И.Н. Семенов. – Режим доступа: http://www.childpsy.ru/upload/dissertations/%_1992.htm.

160. Сергеева, Н.М. Концепты *ум*, *разум* в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Сергеева Наталья Михайловна. – Екатеринбург, 2004. – 23 с.

161. Сидоров, В.Г. Когнитивная структура субъекта познания как носителя языка / В.Г. Сидоров, Л.И. Сидорова // Континуальность и дискретность в языке и речи: Мат-лы Междунар. науч. конф. – Краснодар: КубГУ, Просвещение-Юг, 2007. – с. 141–143.

162. Складчикова, Н.В. Интериоризация в концептах мыслительного процесса / Н.В. Складчикова, Н.В. Гаврилова, Т.А. Логунов // Менталитет. Концепт. Гендер. Серия «Этногерменевтика и этнориторика» / отв. ред. Е.А. Пименов, М.В. Пименова. Вып. 7. – Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 2000. – с. 138–142.
163. Соколов, А.Н. Внутренняя речь и мышление / А.Н. Соколов. – М.: Просвещение, 1968. – 248 с.
164. Соколова, И.В. Когнитивная социология (Конспект лекций) / И.В. Соколова. – М.: Изд-во МГСУ «Союз», 2002.
165. Солодкий, Б.С. Философия человека: Федор Достоевский / Б.С. Солодкий // Филология как средоточие знаний о мире: Сб. науч. тр. – М.; Краснодар: Просвещение-Юг, 2008. – с. 458–469.
166. Спиркин, А.Г. Философия: Учебник / А.Г. Спиркин. – М.: Гардарика, 1998. – 816 с.
167. Стернин, И.А. Типы значений и концепт / И.А. Стернин // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. – Тамбов, 2005. – с. 257–282.
168. Сухих, С.А. Язык в антропологической парадигме / С.А. Сухих // Язык в мире и мир в языке. Мат-лы Междунар. науч. конф. (21-25 апреля 2001 г.). – Сочи – Карлсруэ – Краснодар: КубГУ, 2001. – с. 28–29.
169. Тарасенко, Е.О. Отражение концепта «ум» в поговорках и в языковом сознании учащихся / Е.О. Тарасенко, С.А. Тарасенко // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения. – М.: ИЯ РАН, 2011. – с. 669–674.
170. Телегина, О.В. Языковая объективация ментально-когнитивных феноменов (на материале русских и английских научно-публицистических и художественных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Телегина Ольга Владимировна. – Краснодар, 2011. – 189 с.
171. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – Т. 1. – М., 1985. – 854 с.

172. Топоров, В.Н. Поэтика Достоевского и архаические схемы мифологического мышления («Преступление и наказание») / В.Н. Топоров // Проблемы поэтики и истории литературы. – Саранск: МордГУ им. Н.П. Огарева, 1973. – с. 91–109.

173. Тугарева, В.В. Лексико-семантическая представленность концепта «разум» в английском и русском языках (на материале лингвистических тестов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Тугарева Валентина Викторовна. – М., 2011. – 25 с.

174. Тульвисте, П. Культурно-историческое развитие вербального мышления (психологическое исследование) / П. Тульвисте. – Таллин, 1988. – 341с.

175. Убийко, В.И. Концептосфера внутреннего мира человека в русском языке: Функционально-когнитивный словарь / В.И. Убийко. – Уфа: Башкир. ун-т, 1998. – 232 с.

176. Уорф, Б.Л. Язык и мышление / Б.Л. Уорф // Психология мышления (Хрестоматия по психологии) / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – с. 569–576.

177. Усачева, А.С. Класс глаголов интеллектуальной деятельности как формально-содержательный элемент идиостиля (на материале русскоязычных стихотворений И. Бродского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Усачева Анастасия Сергеевна. – Саратов, 2007. – 19 с.

178. Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М., 1978. – 688 с.

179. Фаткуллина, Ф.Г. Концепт как базовая категория лингвокогнитологии и лингвокультурологии [Электронный ресурс] / Ф.Г. Фаткуллина, А.К. Сулейманова, Л.З. Гибадуллина. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/languages/00242813_0.html.

180. Федоркова, И.Р. История понимания и разработки предмета психологии мышления / И.Р. Федоркова ; отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А.

Кольцова, Ю.Н. Олейник. – М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2006. – с. 335–346.

181. Федотова, Е.Е. Изучение мыслительных процессов в лингвистике / Е.Е. Федотова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. Майкоп, 2011. – Вып. 1. – с. 121-125.

182. Федотова, Е.Е. Концепт «мысль» в произведениях Ф.М. Достоевского / Е.Е. Федотова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – Майкоп, 2010. – Вып. 2. – с. 69-73.

183. Федотова, Е.Е. Лингвистическое изучение репрезентации мышления в языке классиков русской литературы / Е.Е. Федотова, Е.Н. Рядчикова // Актуальные вопросы современной филологии: теория, практика, перспективы развития: мат-лы II Международной научно-практической конференции молодых ученых (докторантов, аспирантов и магистрантов) (8 апреля 2017 г.). – Краснодар: КубГУ, 2017. – с. 122-126.

184. Фесенко, Т.А. Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения «действительность – мышление – сознание – язык» / Т.А. Фесенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – с. 112–122.

185. Философия (конспект лекций) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mitia13.narod.ru/obr/obr_005.html.

186. Харина, О.В. *Правда, истина* в романах Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Харина Олеся Владимировна. – М., 2007. – 279 с.

187. Холондович, Е.Н. Реконструкция психологических характеристик личности гения на примере изучения жизненного пути и творчества Ф.М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01 / Холондович Елена Николаевна. – М., 2010. – 260 с.

188. Хомский, Н. Язык и мышление [Электронный ресурс] / Н. Хомский. – Режим доступа: genhis.philol.msu.ru/article_192.shtml.

189. Чавдарова, Д. Чистота / нечистота в художественном мире Достоевского [Электронный ресурс] / Д. Чавдарова. – Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article238.html>.

190. Чалабаева, Л.В. Лингвосемантическая категория «принятие решения» (средства выражения и особенности функционирования): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Чалабаева Людмила Владимировна. – Краснодар, 2006. – 257 с.

191. Чернова, С.В. Модальные глаголы в современном русском языке (семантическая модель «замысел – осуществление замысла») / С.В. Чернова. – Киров: ВГПУ, 1996. – 160 с.

192. Чернова, С.В. Об отражении в языке мотивационного аспекта целенаправленной деятельности человека / С.В. Чернова // Русский литературный язык: номинация, предикация, экспрессия: Межвуз. сб. науч. тр., посв. 70-летию профессора П.А. Леканта. – М., 2002. – с. 116–124.

193. Чернова, С.В. Языковая модель целенаправленного поведения человека / С.В. Чернова // Реальность, язык и сознание: Междунар. межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3. / отв. ред. Т.А. Фесенко. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – с. 299–305.

194. Чесноков, П.В. Слово и соответствующая ему единица мышления / П.В. Чесноков. – М.: Просвещение, 1976. – 192 с.

195. Чечулин, В.Л. Логико-семантические модели в психологии и их приложение / В.Л. Чечулин. – Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. – 142 с.

196. Шалютин, С.М. Язык и мышление / С.М. Шалютин. – М.: Знание, 1980. – 64 с.

197. Шатуновский, И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика) [Электронный ресурс] / И.Б. Шатуновский. – Режим доступа: lingua.uni-dubna.ru/Doc/shatun26.doc.

198. Ширшиков, В.Б. Лексикографическая и текстовая репрезентация концептов ограниченной ментальной способности человека в русском и

английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Ширшиков Владислав Борисович. – Саратов, 2005 (а). – 200 с.

199. Ширшиков, В.Б. Содержательная сторона концепта идиот в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / В.Б. Ширшиков // Актуальные проблемы русского языка: Мат-лы конф., посв. 70-летию ЧГПУ / под общ. ред. Л.П. Гашевой. – Челябинск, 2005 (б). – с. 411–413.

200. Шмелев, А.Д. О границах и содержании прагматики / А.Д. Шмелев // Изв. АН СССР. Сер. лит-ры и яз. – 1981. – Т. 40. – № 4. – с. 43–51.

201. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира. Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.

202. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/es/112648/>.

203. Ябжанова, Л.Б. Фразеосемантическое поле «умственные характеристики человека» в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ябжанова Людмила Бадмаевна. – Иркутск, 2010. – 14 с.

204. Ященко, Т.А. О некоторых особенностях реализации культурного концепта «Цель» в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» / Т.А. Ященко // Культура народов Причерноморья. 2004. № 53 (5). – с. 86-90.

205. Dhooge, V. Творческое преобразование языка и концептуализация мира у А.П. Платонова: дис. ... д-ра восточно-европейских языков и культур / Dhooge Ven. – Gent, 2007. – 663 с.

206. Smith, N. Chomsky. Ideas and Ideals / N. Chomsky Smith. – Camb. Univ. Press, 1999. – 276 с.

207. Zerubavel E. Social mindscape. An Invitation to cognitive sociology / E. Zerubavel. – L.: Harvard Univ. Press, 1997.

Источники материала исследования:

208. Достоевский, Ф.М. Бесы / Ф.М. Достоевский. – Краснодар, 1989. – 672 с.

209. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы / Ф.М. Достоевский. – Майкоп, 2008. – 618 с.

210. Достоевский, Ф.М. Братья Карамазовы [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://rubook.org/book.php?book=250233&page=38>.

211. Достоевский, Ф.М. Вечный муж [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <https://www.askbooka.ru/quotations/fyodor-dostoevskiy-vechnyy-muzh/7392>.

212. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя. Июль и август 1876 год. Гл. III. На каком языке говорить будущему столпу своей родины? [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: [http://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1876_год_\(Достоевский\)/Июль_и_август/ГЛАВА_ТРЕТЬЯ_II](http://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1876_год_(Достоевский)/Июль_и_август/ГЛАВА_ТРЕТЬЯ_II).

213. Достоевский, Ф.М. Журнальные заметки II. Молодое перо [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://dostoevskij.karelia.ru/showarticle.phtml?id=30>.

214. Достоевский, Ф.М. Записки из подполья [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/9/p.8/index.html>.

215. Достоевский, Ф.М. Записки о русской литературе. А.В. Корвин-Круковской [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://www.croquis.ru/2381.html>.

216. Достоевский, Ф.М. Записки о русской литературе (Н.Л. Озмидову) [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://www.croquis.ru/2381.html>.

217. Достоевский, Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/d/dostoevskij_f_m/text_0040.shtml.

218. Достоевский, Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский. – Пятигорск, 2000. – 707 с.

219. Достоевский, Ф.М. Идиот [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/94/p.33/index.html>.

220. Достоевский, Ф.М. Письмо брату Михаилу (24 марта 1845) [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200701119>.

221. Достоевский, Ф.М. Подросток / Ф.М. Достоевский. – Нальчик, 2006. – 576 с.

222. Достоевский, Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Краснодар, 1982. – 480 с.

223. Достоевский, Ф.М. Униженные и оскорблённые [Электронный ресурс] / Ф.М. Достоевский. – Режим доступа: <http://shoyher.narod.ru/izbrmysl/dostoevskij.html>.

224. Литературное наследство. Неизданный Достоевский. Записные книжки и тетради 1860-81 гг. / Ф.М. Достоевский. – М.: Наука, 1971. – 728 с.

225. Энциклопедия Мудрости. Афоризмы. – Тверь: Издательство «РООССА», 2000. – 814 с.